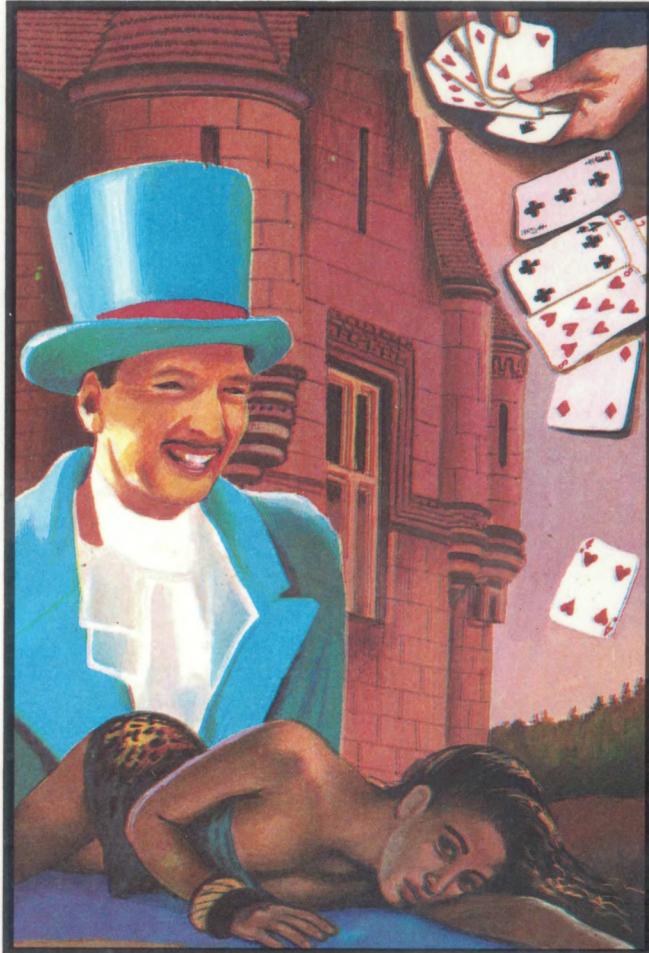

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume five

OPTIONAL

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS

1994

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга пятая

ВЫБОР

РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994**

**ББК 84.7США
Ш40**

Options

Copyright © 1975 by Robert Sheckley

Выбор

© 1992 Г. Бланков, перевод на русский язык

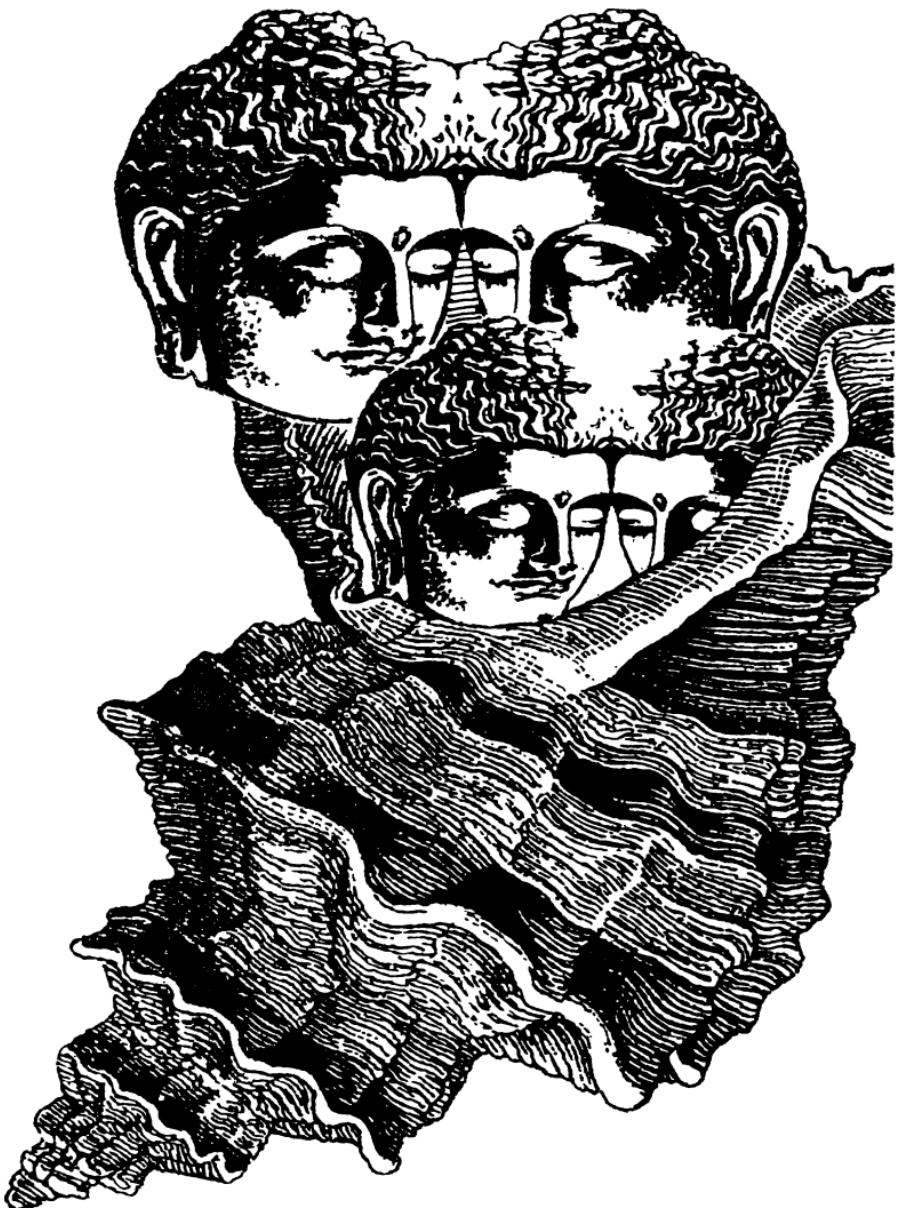
**© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии**

**Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков**

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данно-
го издания возможно исключительно с
письменного разрешения издателя.

**III 4703040100—008 Без объявл.
94**

ISBN 5-88132-065-4

ВЫБОР

Разум — это Будда, а прекращение умозрительного мышления — это путь. Перестав мыслить понятиями и размышлять о путях существования и небытия, о душе и плоти, о пассивном и активном и о других подобных вещах, начинаешь осознавать, что твой разум — это Будда, что Будда — это сущность разума и что разум подобен бесконечности.

«Учение Цзен», Хуан По

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Примечание

Законы, по которым вы живете в вашей нормальной реальной жизни, не принимаются автором во внимание — временно, пока вы читаете эту книгу, ибо в ней будут действовать новые законы. Но ни о каких новых законах не будет сказано ни слова.

Если вы ищете намека на них в книге — она не для вас. Лучшее, что я могу пожелать — избегайте конфликтных ситуаций, пусть вашим убежищем после рабочего дня будет мягкая уютная постель, успокойте ваши нервы, расслабьтесь...

Но если для вас это скучно — я приглашаю вас на прогулку.

1. Использование «простых предпосылок» привело к недоразумениям

Том Мишкин пробирался через Малое Магелланово Облако со скоростью, лишь немного превышающей световую, двигаясь вперед весьма успешно, хотя и без особой торопливости. Его корабль «Интрепид-ХХ» был загружен морожеными южноамериканскими омарами, теннисными туфлями, кондиционерами, молочным концентратом и прочими товарами широкого потребления, предназначенными для колонистов планеты Дора-5. Мишкин удобно распо-

ложился в кресле командной рубки перед пультом управления, на котором убаюкивающие мигали лампочки и слабо пощелкивали реле. Он размышлял о новой квартире, которую собирался купить в городе Перт Амбойбас-Мер, в десяти милях к востоку от Сэнди Хук. Там, в пригороде, можно жить спокойно и безмятежно, вот только перспектива каждый раз добираться домой на подводной лодке...

Внезапно один из релейных щелчков перешел в треск.

Мишкин выпрямился — его натренированное ухо пилота всегда было настроено на аварию-которая-не-может-произойти... но которые случались довольно часто.

Крак, крак, крак, хрум...

Точно. Это все-таки произошло.

Мишкин застонал — это был тот, присущий только пилотам стон, в котором и предвидение аварии, и фатализм, и сердечная боль. Мишкин почувствовал, что в недрах корабля происходит нечто странное. Аварийный указатель (который, в принципе, должен был реагировать на наружное столкновение) засветился вначале фиолетовым цветом, потом красным, затем бордовым и наконец потух совсем. Корабельный компьютер вышел из дремотного состояния и начал бормотать: «Авария, авария, авария...»

— Спасибо, я и сам догадался, — сказал Мишкин. — Где авария и в чем причина?

— Поломка детали L-1223A. Название по каталогу «стопорное кольцо и узел запорного вентиля кормы». Вероятная причина поломки: восемь срезанных болтов плюс спиралевидная трещина в самом стопорном кольце. Побочная причина: образование угловых напряжений в вышеупомянутых деталях, что привело к молекулярным изменениям в структуре металла вышеупомянутых деталей, результатом чего стало явление, известное как усталость металла.

— Ясно. Но почему это случилось? — спросил Мишкин.

— Предположение по поводу первой причины: некоторые болты вышеупомянутого узла подверглись чрезмерному давлению, что сократило срок годности

узла до 84,3 часа вместо положенных 195441 года, указанных в спецификациях.

— Прекрасное объяснение, — сказал Мишкин. — И что же происходит с кораблем сейчас?

— Я перекрыл данный узел и отключил главный привод.

— Вверх по космической речке без весла, — про-комментировал Мишкин. — А могу ли я использовать этот главный привод хотя бы временно, чтобы добраться до ближайшего центра обслуживания кораблей?

— Ответ отрицательный. Использование вышеупомянутой неисправной детали может привести к возникновению немедленных кумулятивных деформаций в других деталях главного привода, что приведет к его полному выходу из строя, внутреннему взрыву и гибели пилота, а также к нежелательной записи в его личном деле; кроме того, вам предъявят счет за новый корабль.

— Гм, — произнес Мишкин, — разумеется, я не хочу никаких записей в своем личном деле. Но что же мне делать?

— Единственное, что остается — это снять и заменить неисправную деталь. Склады с запчастями есть на многих необитаемых планетах, ибо вероятность аварии предусмотрена. Ближайшая по координатам планета — Гармония XX, в 68 часах полета на вторичном приводе.

— Как, оказывается, все просто, —sarкастически заметил Мишкин.

— Да, теоретически.

— А практически? — испугался Мишкин.

— Трудности всегда существуют.

— А какие именно?

— Если бы мы знали об этом заранее, — ответил компьютер, — то трудности не были бы такими трудными, не так ли?

— Не уверен, — сказал Мишкин, — ну ладно. Рас-считай курс и трогаемся.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил компьютер.

Использование «множественных предпосылок» может привести к недоразумениям

Вчера, во время своего неповторимого интервью представителям прессы, профессор Дэвид Юм из Гарварда заявил, что последовательность не заключает в себе причинность. Когда его попросили расшифровать это высказывание, он указал на то, что последовательность является лишь аддитивным фактором, а не порождающим. Мы попросили доктора Иммануила Канта высказать свое мнение по этому вопросу. Профессор, которого мы застали в его рабочем кабинете в Кал Техе*, был поражен до чрезвычайности. «Это, — заявил он, — пробуждает меня от догматической дремы».

2. В действие вступает безумный синестезиатор **

Мишкин откинулся в кресле и закрыл глаза. Дела были плохи: расстройство различных органов чувств,

* Кал Тех — сокращенное наименование Калифорнийского политехнического института.

** Синестезиатор — от «синестезия» — появление ощущения, специфического для другого органа чувств, в ответ на раздражитель (например, цветочный слух).

представлений о последовательности событий, кажущиеся вспышки света... Он открыл глаза, но лучше не стало. Тогда он протянул руку и взял бутылочку «Для отключения». На этикетке было написано: «Если дело плохо, выпейте содержимое». Мишкин глотнул из бутылочки и уже после этого заметил на другой ее стороне еще одну надпись: «Если дело плохо, не пейте содержимое...»

...Радио тихонько бормотало про себя: «О боже, погибну, я точно знаю, что погибну. И зачем я только впуталось в это дело? Мало мне было спокойно сидеть у окна и вести репортаж увиденного? Нет, надо мне было влезть в эту историю, и вот к чему это привело!»

Но Мишкин почти не слышал его, ему было не до радио, у него своих забот хватало, хотя — думал он — где гарантия того, что это МОИ заботы?

Он вдруг заметил, что сидит зажмурившись, — и он открыл глаза, но открыл ли он их на самом деле? Он подумал — а не открыть ли их еще раз, на случай, если он снова это только вообразил, — но передумал, избежав таким образом одной из довольно неприятных форм бесконечной регрессии.

Радио опять начало причитать: «Боже мой, я не знаю, куда я направляюсь! Но если бы я знало, куда я направляюсь, то я бы туда не направлялось. Но не зная, куда я направляюсь, я не знаю, как туда не направиться, потому что я не знаю, куда я направляюсь! Черт побери, все совсем не так, как должно быть! А мне еще говорили, что будет весело!»

Мишкин поспешно допил содержимое бутылочки «Для отключения». Хуже уже не будет — решил он, доказав тем самым собственную наивность.

Нужно было проявить решительность. Мишкин выпрямился в кресле.

— А сейчас слушайте. Мы будем действовать, основываясь на том предположении, что все мы являемся теми, кем мы кажемся себе в настоящий момент, и что такими мы останемся навсегда. Это приказ, ясно?

— Все катится к чертовой матери, а он еще приказывает, — раздался голос проигрывателя. — Что

с тобой, Джек, уж не вообразил ли ты, что это какая-то дурацкая подводная лодка?

— Мы должны все держаться вместе, — твердо сказал Мишкин, — иначе нам придется плохо.

— Ничего, кроме банальностей, — сказало кресло. — Нас могут убить, а он только и может, что изрекать тривиальные истины.

Мишкин пожал плечами, глотнул из бутылочки «Для включения» и быстро поставил ее, прежде чем она использовала свой шанс выпить его. Ведь известно, что бутылки способны на это, и никто не может с уверенностью сказать, чья же сейчас очередь.

— Ну а теперь я посажу корабль, — заявил Мишкин.

— Безнадежная попытка, — сказал пульт управления. — Но если ты желаешь, то валяй, побалуйся.

— Заткнись, — сказал Мишкин, — не забывай, что ты всего-навсего пульт управления.

— Ну а если я тебе скажу, что я средних лет психиатр из Нью-Йорка, и то, что ты обзываешь меня пультом управления, имея в виду управляемый пульт управления, доказывает, что у тебя шарики за ролики зашли, ты, властолюб?

Мишкин решил допить остатки из бутылочки «Для включения». Все равно неприятностей хватает. С невероятным трудом ему удалось высморкаться. Все лампы мигнули.

Из багажного отсека вышел человек в синей служебной форме и сказал: «Всем билеты на проверку, пожалуйста». Мишкин вынул из кармана комбинезона билет и протянул его контролеру, который тут же прокомпостировал его.

Мишкин нажал на кнопку, реакция которой на нажим оказалась вполне человеческой — сразу послышались вздохи и стоны. Неужели он действительно посадит корабль?

3. Новый генератор вероятностей, который, как утверждают, лечит шизофрению

Склад на Гармонии представлял из себя огромную, ярко освещенную конструкцию из нержавеющей стали и стекла, сильно смахивающую на супермаркет в Майами Бич. Мишкин посадил свой корабль, выключил двигатель и положил ключ в карман. Он шел по залитым светом проходам, мимо полок, заваленных транзисторами, мешками с цементом, паропреобразователями, формами для обжига, мешками с мороженым концентратом спирта, микроспектрометрами, свечами зажигания, стереодинамиками, модулями настройки, капсулами с витамином В, покрытыми алюминиевой фольгой — в общем, всем, что может понадобиться путешественнику, отправляющемуся в путь по ближнему и дальнему космосу. Он подошел кциальному пункту связи и спросил про деталь L-1223A.

Он ждал. Шли минуты.

— Эй! — крикнул Мишкин. — В чем дело?

— Ужасно виновата, — отзывалась контрольная панель. — По-видимому, я замечталась — последние дни были такими тяжелыми...

— Да что здесь происходит? — возмутился Мишкин.

— Трудности, множество трудностей, — невозмутимо ответила панель. — Вы даже представить себе не можете! У меня просто голова кругом идет. Я, разумеется, выражаясь figurально.

— Ты разговариваешь довольно странно для контрольной панели, — заметил Мишкин.

— В наше время контрольные панели наделены чувством собственного «Я». Они от этого кажутся менее бесчеловечными, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Так в чем же дело? — спросил Мишкин.

— Мне почему-то кажется, что во мне, — грустно сказала контрольная панель. — Понимаете, когда компьютер обретает личность, это равносильно тому, что он начинает чувствовать. А если мы обладаем способностью чувствовать, то нечего ожидать от нас прежних бездушных действий. Я имею в виду то, что моя личность уже не позволяет мне вести себя как роботу, даже если по существу я и есть робот и работа, которую мне предстоит выполнить, только роботом и может быть сделана. Но я не могу теперь так поступить, я стала рассеянной, у меня свои неприятности, свои перемены настроения... Это вам о чем-нибудь говорит?

— Ну разумеется, — сказал Мишкин. — Но как же насчет детали?

— Ее нет на складе, она снаружи.

— Как снаружи! Где?

— Где-то около пятнадцати миль отсюда, а может, и все двадцать.

— Но зачем ей быть снаружи?

— Понимаете, раньше мы хранили все детали внутри склада. Все очень логично и удобно. Но, по-видимому, для человеческого мозга все это было слишком примитивно, и некоторые вдруг стали размышлять: «А что будет, если потерявший управление корабль свалится прямо на крышу склада?» Это всех напугало, и проблема была отдана на решение компьютеру. Ответ был таков: «рассредоточить». Инженеры и планировщики согласились и сказали: «Разумеется, рассредоточить, и как мы сами до этого не додумались?» Итак, был отдан приказ, и бригады вынесли детали наружу и уложили их в окрестностях. А потом все уселись и с удовлетворением сказали: «Ну вот, сейчас все в порядке». Тут-то и начались неприятности.

— Какие именно? — поинтересовался Мишкин.

— Ну, людям приходилось покидать склад и искать на поверхности Гармонии то, что им было нужно. А это означало опасность. Вы же сами знаете, что незнакомые планеты опасны, ведь на них происходят странные вещи, и никогда не знаешь, как на них реагировать, а к тому моменту, когда оценишь ситуацию и решишь, что делать, они уже появились и исчезли, а возможно, даже убили вас.

— И какие же это странные вещи творятся у вас на Гармонии? — спросил Мишкин.

— Я не имею права вдаваться в подробности, — ответил компьютер. — Если бы мне было предоставлено такое право, все намного бы усложнилось.

— Но почему?

— Успешная приспособляемость к неизвестным опасностям требует от человека ничем не ограниченной способности узнавать, когда ему угрожает опасность, а когда нет. Если бы я намекнула на одну-две возможности, ваша восприимчивость оказалась бы ограниченной: это следствие так называемого эффекта туннеля; это сузило бы ваше восприятие других рискованных ситуаций. Кроме того, в этом просто нет необходимости.

— Почему же нет?

— Потому что все уже подготовлено. На поверхности Гармонии вас будет сопровождать робот СРОНП, если он у нас есть — при разгрузке последнего корабля произошла неразбериха... — Контрольная панель вдруг замолчала.

— А что... — начал было Мишкин.

— Погодите, пожалуйста, — сказала панель, — я проверяю описание.

Мишкин ждал. Через несколько минут панель сказала:

— Да, у нас точно есть в запасе робот СРОНП, он прибыл с последним грузом. Вот были бы дела, если бы его не оказалось.

— А что это за робот? — спросил Мишкин. — И что он умеет делать?

— Эта аббревиатура означает «Специальный Робот для Освоения Незнакомых Планет». Эти машины

запрограммированы определять, что может представлять опасность для человека, предупреждают его об этом и предлагают соответствующие контрмеры. С роботом класса СРОНП вы будете в такой же безопасности, как у себя дома, в Нью-Йорке.

— Премного благодарен, — сказал Мишкин.

4. Если цыпленок требует, чтобы его считали личностью, то это характерный признак нарушений функциональной деятельности

Робот СРОНП был коротким и прямоугольным. Самым привлекательным в нем была яркая лакированная поверхность корпуса. СРОНП шагал на четырех ногах, еще четыре конечности болтались без дела в верхней части блока управления. В целом, он смахивал на тарантула, маскировавшегося под робота.

— Ну, сынок, — сказал он Мишкину, — двинемся?
— А это очень опасно? — поинтересовался Мишкин.

— Ерунда, семечки. Я проделал бы это с завязанными глазами.

— А на что мне обращать внимание?
— Я тебе дам знать.

Мишкин пожал плечами и двинулся вслед за роботом. Они прошли мимо регистратуры, через врачающиеся двери, и вот они на поверхности Гармонии. Мишкин решил не переживать и положиться на робота — тот знал свое дело. Однако Мишкин ошибался. Его невежество в этом отношении было поразительным и по-своему трогательным. Поспорить с Мишкиным в тупости могла разве что небезызвестная девственница верхом на единороге.

(Разумеется, и его приятель робот тоже не был верхом совершенства. Припилюсуйте его невежество к

идиотскому безрассудству Мишкина — и вы получите большое отрицательное число, равное количеству случаев плеврита, зарегистрированных со времен второй пелопонесской войны.)

Джем, горячие булочки, ярко накрашенные губки — все это смешалось в сознании Мишкина, когда он в возбужденном состоянии вступил на подозрительно-загадочную поверхность Гармонии.

— И долго будут продолжаться эти галлюцинации? — спросил Мишкин.

— Откуда я знаю? — удивился добродушный шеф-повар с потрепанной гармоникой. — Я же и сам галлюцинация.

— Но как же мне отличить реальное от нереального?

— Попробуйте лакмусовую бумажку, — предложил Хуан Цзу.

— Дело вот в чем, — заявил робот. — Делай все в точности так, как я скажу, иначе ты здесь быстро протянем ноги. Дошло?

— Дошло, — ответил Мишкин. Они пересекали долину, окрашенную в пурпурный цвет. Восточный ветер дул со скоростью пять миль в час, и было слышно электронное пение птиц.

— Если я тебе скажу «ложись», — продолжал робот, — то ты должен тут же брякнуться. Моргать шарами и кружить шурупами времени уже не будет. Надеюсь, у тебя рефлексы в порядке?

— Мне показалось, будто ты говорил, что здесь нет опасностей, — заметил Мишкин.

— Значит ты, умник, поймал меня на противоречии, — хмыкнул робот. — А может, у меня были причины навратить тебе?

— Причины? Какие же?

— А может, у меня есть причины не болтать с тобой об этих причинах, — ответил робот. — Слушай мою команду: ложись!

Мишкин и сам услышал тонкий, пронизывающий душу звук. Он бросился ничком на траву, разбив себе при этом нос от излишнего усердия. Он поднял голову и увидел, что робот встал рядом, держа в двух конечностях по бластеру.

— Что это? — спросил Мишкин.

— Брачный призыв шестиногого протобронгозавра. Когда эти чертовы чучела возбуждаются, они готовы продевать это с кем угодно.

— Но разве они не видят, что я неподходящий объект для подобных забав?

— Конечно же, видят, но пока это дойдет до их мозга, то не успеешь опомниться, как очутишься под двадцатью тремя тоннами разгоряченного самца, взгромоздившегося на тебя.

— Н-ну, и где же он? — спросил Мишкин.

— Приближается, — угрюмо ответил робот, вертя бластеры на предохранителях.

Звук усиливался, он стал выше и громче. И тут Мишкин увидел нечто, удивительно напоминающее бабочку с размахом крыльев в шесть футов. Существо это пролетело мимо, беззаботно посвистывая, и свернуло налево, не обратив на них никакого внимания.

— Что же это было? — спросил с удивлением Мишкин.

— Это чертовски напоминает мне бабочку с размахом крыльев в шесть футов, — ответил робот.

— И я об этом подумал. Но ведь ты говорил...

— Да, да, да, — раздраженно отозвался робот. — Ежу понятно, что произошло. Эта дерымовая бабочка научилась имитировать брачный призыв протобронта. Мимикия — это явление, распространенное во всей Галактике.

— Распространенное? Но ведь это даже тебя застало врасплох?!

— А что в этом особенного? Просто я впервые столкнулся с этой дерымовой бабочкой.

— Ты должен был знать об этом, — настаивал Мишкин.

— Вовсе нет. Я запрограммирован всего-навсего определять и уметь находить выход из ситуаций и явлений, опасных для человека. Эта развалина-хлопалка не причинила бы тебе никакого вреда, если бы, конечно, тебе не захотелось бы проглотить ее, так что вполне естественно, что в моей памяти отсутствуют какие-либо данные о ней. Ты же понимаешь, что я не какая-то там дурацкая энциклопедия. Я имею отно-

шение к опасным штучкам, а не ко всякой дряни, которая ходит, плавает, летает, ползает, зарывается в землю и все такое прочее. Понял, сынок, что к чему?

— Понял, — ответил Мишкин. — Видно, ты и вправду знаешь, что делаешь.

— Именно для этого меня и создали, — с гордостью сказал робот. — Ну ладно, продолжим нашу прогулку.

5. Подготовленное заявление

«В последнее время у меня не все ладно с собственным мозгом. Возникают какие-то идеи и образы, но я не имею представления, реальны они или нет. Иногда мне кажется, что я ел, а иногда нет. Порой я обнаруживаю, что жил, а порой думаю, что нет. Я не могу припомнить, по какой причине я здесь нахожусь и в каком преступлении меня обвиняют. Но как бы там ни было, я невиновен, что бы я ни натворил».

Мишкин с надеждой поднял голову, но обнаружил, что суд исчез, и судья исчез, и весь мир исчез, и лишь скучающий охранник сидел и перелистывал старый выпуск «Rolling Stone».

Мишкин внезапно остановился.

— В чем дело? — спросил робот.

— Я что-то вижу впереди, — сказал Мишкин.

— Во дает! — хмыкнул робот. — Я тоже много чего вижу впереди. Я *всегда* вижу множество вещей там, перед нами. Боже, да ведь *каждый* хоть что-нибудь, да видит впереди!

— То, что я вижу, похоже на животное.

— Ну и что из этого?

Существо, которое Мишкин увидел перед собой, было похоже на тигра, только хвост у него был покороче, а лапы потолще. На грязно-шоколадного цвета шкуре ярко выделялись оранжевые полосы.

Оно выглядело свирепой, голодной и наглой галлюцинацией.

— Оно выглядит опасным, — сказал Мишкин.

— Много ты понимаешь, — ответил робот. — Дрянь, которую ты видишь перед собой — это пачинерг, травоядное животное вроде коровы, только более кроткое.

— Но зубы!

— Пусть они тебя не вводят в заблуждение.

— Что, опять мимикия?

— Точно, великий из великих! Ну, возьми себя в руки и двинули дальше.

Они продолжали свой путь через пурпурную долину. Робот даже не позабылся вытащить бластеры, насыпывая песенку Элмера, а Мишкин замурлыкал «Сентименгальный вальс».

Пачинерг повернулся в их сторону, уставившись на них глазами цвета свернувшейся крови яка. Он зевнул, обнажив резцы, напоминающие кривые турецкие сабли, и потянулся, отчего бугры мускулов на боках стали похожи на юрких осьминогов под тонким слоем пластика.

— Ты точно знаешь, что оно травоядное? — с сомнением спросил Мишкин.

— Ничего, кроме травы и одуванчиков, — бросил на ходу робот. — Правда, иногда они лакомятся и редкой.

— На вид оно довольно свирепое.

— Природа способна на бесконечное множество хитростей.

Человек и робот приближались к чудовищу. Пачинерг поднял торчком уши и хвост, который напоминал Мишкину индикаторную стрелку на шкале, настроенной на неприятности. Он выпустил когти, смахивающие на жуткие искривленные зубцы дьявольских вил. Он зарычал, и при этом звуке ветви некоторых деревьев-путешественников сомкнулись, корни подтянулись, и деревья отправились на север в поисках более спокойных мест.

— Природа переигрывает, — заметил Мишкин. — Клянусь, что эта тварь собирается напасть на нас.

— Природа преувеличивает, — ответил робот. — В этом природа самой природы.

Они уже были в десяти ярдах от пачинерта, который все еще стоял совершенно неподвижно, являя собой великолепный образчик жуткого чудища, готового к яростной атаке, способного убить или покалечить любого человека или робота, попавших в поле его зрения, а заодно и пару деревьев, так, ради спортивного интереса.

Мишкин остановился.

— Что-то здесь не так. Мне кажется...

— Тебе слишком много кажется, — прервал его робот. — Бога ради, человек, возьми себя в руки! Я робот класса СРОНП, специально тренированный для такой работы, и даю тебе слово, что эта жалкая корова в тигриной шкуре...

Именно в этот момент пачинерт прыгнул. Только что он стоял без движения, но уже в следующий миг стремительно рванулся вперед, и его зубы и когти засияли в полуденном свете шафранного солнца Гармонии и его загадочного тусклово-красного спутника. Чудовище было более чем реально, это было голодное, всеядное чудище, совершенно не интересующееся тем, на кого оно нападает, лишь бы жертва была сносных размеров и не выделялась особо когтями или клыками.

— Кыш, пачинерт, кыш, — неуверенно произнес робот.

— Падай! — заорал Мишкин.

— ГРРРР! — зарычал пачинерт.

6.

— Том, с тобой все в порядке?

Мишкин заморгал глазами: «все нормально».

— Ты плохо выглядишь.

Мишкин нервно хихикнул — все это было довольно забавно.

— Что тут смешного?

— Все, и ты в том числе. Я тебя не вижу, а это уже смешно.

— Выпей-ка это.

— Что это?

— Ничего, просто выпей.

— Выпей ничего и превратишься в ничто, — раздраженно сказал Мишкин. Он с невероятным трудом открыл глаза. Кругом была кромешная тьма. Что происходит? Какое правило действует в данный момент? Мишкин с трудом разглядел окружающие его предметы. Да! Реальность окружения достигается посредством простого перечисления предметов. Итак: ночной столик, люминесцентная лампа, дневной свет, сундук, книжный шкаф, пишущая машинка, окно, кафель, стекло, бутылка молока, чашка кофе, гитара, ведерко со льдом, друг, мусорное ведро... и так далее.

— Я постиг реальность, — гордо сказал Мишкин. — Сейчас все будет в порядке.

— А что такое реальность?

— Одна из многих возможных иллюзий.

...Мишкин зарыдал. Ему хотелось иметь одну вполне определенную реальность. Происходящее с ним было ужасно, хуже некуда. Сейчас все что угодно....

Этого не может быть, подумал он. Но пачинерт был здесь, рядом, реальный вне всякого сомнения, и он мчался на Мишкина, невероятно правдоподобный густок когтей и клыков. Мишкин упал на бок, и чудовище пронеслось мимо.

— Стреляй! — закричал Мишкин.

— Я не имею права убивать травоядных животных, — неуверенно возразил робот.

Пачинерт развернулся и вновь помчался на них, брызжа слюной. Мишкин прыгнул вправо, потом влево. Пачинерт следовал за ним как тень. Массивные челюсти раскрылись. Мишкин закрыл глаза, прощаясь с жизнью.

Он почувствовал на лице жар, услышал рев, стон и звук падения чего-то тяжелого.

Он открыл глаза. Робот уложил чудовище из бластера прямо у ног Мишкина.

— Травоядное, — с горечью произнес Мишкин.

— Как тебе известно, существует такое явление, как мимикрия поведения. Иногда имитация поведения доходит до того, что животное ведет тот же образ жизни, что и образец, которому оно подражает: травоядное поедает плоть, что для травоядных довольно противно и приводит к расстройству желудка.

— Ты хоть сам веришь в эту чепуху?

— Нет, — упавшим голосом ответил робот. — Но я не понимаю, как эта тварь ускользнула из ячеек моей памяти. Планета находилась под постоянным наблюдением в течение десяти лет, прежде чем здесь построили склад. Ничто живое не могло остаться незамеченным. Без преувеличения можно сказать, что в смысле опасности Дарбис-4 изучен так же тщательно, как и Земля.

— Погоди, погоди, — прервал его Мишкин. — Про какую планету ты говоришь?

— Дарбис-4, планета, на которую я был запрограммирован.

— Это не Дарбис, — Мишкин сразу почувствовал себя больным, опустошенным и обреченным. — Эта планета называется Гармония. Тебя закинули не на ту планету.

7.

Устали читать про бедного Мишкина? Тошнит от всего?

Тогда воспользуйтесь услугами СЛУЖБЫ ПРЕРЫВАНИЯ!

Вот вам полный список — выберите себе по душе: паузы, перерывы, остановки, провалы.

...Робот усмехнулся, но не очень искренне.

— По-моему, ты здорово напутан. Временная истерическая афазия* — вот мой диагноз, хотя бог ее знает, я ведь не врач. Напряжение, как мне кажется...

Мишкин покачал головой.

— Сам подумай, ведь ты уже несколько раз ошибался относительно имеющихся здесь опасностей. И ошибки эти невероятные, просто невозможные.

— Странно, — сказал робот. — Сам не знаю, как это все объяснить.

— Зато я знаю. У них путаница с грузами, — с тех пор как здесь был построен склад. И ты тоже жертва этой путаницы. Ты должен был отправиться на Дарбис-4, а тебя забросили на Гармонию. Что ты на это скажешь?

— Я размышляю.

* Афазия — нарушение речи, выражющееся в искажении произношения и понимания.

— Валяй, — согласился Мишкин.

— Придумал! — воскликнул робот. — Мы, роботы класса СРОНП, отличаемся быстрой приспособительных реакций.

— Вот и молодцы, — сказал Мишкин. — И что же ты придумал?

— Взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что в чем-то ты прав. Мне кажется, что меня и вправду забросили не на ту планету. И это, конечно, ставит перед нами новые задачи.

— И значит, мы должны все это обмозговать.

— Верно. Но прежде чем мы начнем думать, позволь мне заметить, что к нам приближается существо с неясными намерениями и неизвестным аппетитом.

Мишкин рассеянно кивнул. События развивались слишком стремительно, и надо было выработать какой-то план действий. Чтобы сохранить свою жизнь, Мишкину необходимо было все продумать, даже если бы это стоило ему жизни.

Робот был запрограммирован на Дарбис-4. Мишкин был запрограммирован на Землю. И здесь, на Гармонии, они были в положении двух слепых в котельной. Для Мишкина лучше всего было бы вернуться назад к складу. Оттуда он мог передать всю информацию на Землю и ждать, пока на Гармонию не пришлют или запасную деталь, или запасного робота, или же и то и другое. Однако на это могли уйти месяцы, даже годы. А необходимая ему деталь находилась всего лишь в нескольких милях отсюда.

И тут Мишкин вспомнил конкистадоров Нового Света, прокладывавших свой путь через джунгли, встречавшихся с неизвестным и покорявших его. Бряд ли неизвестное изменилось коренным образом с тех пор, когда финикийцы вывели свои корабли за Геркулесовы Столбы. Он никогда не простил бы себе, если бы повернулся назад, признав этим, что в нем

меньше от настоящего мужчины, чем в Ганноне, Кортесе, Писарро * и других крепких орешках.

С другой стороны, если он продолжит свой путь и потерпит неудачу, он никому ничего не докажет.

Что ему действительно хотелось, так это продолжить путь и добиться успеха, даже если впереди его ждали неизвестные опасности. В любом случае проблема была интересной, такой, над которой человек мог бы размышлять довольно долгое время. Несколько недель размышлений могли бы привести к правильному решению и избавить его от непредвиденных...

— Существо приближается довольно быстро, — сказал робот.

— Ну так пристрели его.

— А вдруг оно безобидное?

— Сначала шлепни его, а потом разберемся.

— Стрельба не является единственной подходящей реакцией на все опасные ситуации.

— Верно, но это на Земле.

— И на Дарбисе-4, — сказал робот. — Там неподвижность является самым безопасным приемом.

— Вопрос в том, — сказал Мишкин, — похожа ли данная местность на Землю или на Дарбис-4?

— Если бы мы это знали, — заявил робот, — то мы действительно знали бы что-то.

Новая угроза явилась в образе змея длиной примерно двадцать футов, оранжевого, с черными полосами. У этого гигантского червяка было пять голов, сидящих, как гроздь, на конце туловища. У каждой головы имелся один фасеточный глаз и влажная зеленая пасть.

— Судя по размерам, он опасен, — заметил Мишкин.

* Ганнон Мореплаватель — карфагенский флотоводец, совершивший плавание вдоль западного побережья Африки; Кортес — испанский конкистадор, завоеватель Мексики; Писарро — испанский конкистадор, завоеватель Перу и Панамы.

— Только не на Дарбисе! — возразил робот. — Там чем они больше, тем безобиднее. А вот маленьких паразитов надо бояться.

— И что же нам делать? — спросил Мишкин.

— А черт его знает! — ответил робот.

Змей приблизился к ним футов на десять. Пасти его угрожающие раскрылись.

— Стреляй! — приказал Мишкин.

Робот поднял бластеры и выстрелил прямо в возышавшуюся над ним грудь змея. Головы раздраженно мигнули. Робот снова поднял бластеры, но Мишкин остановил его.

— Это не подходит, — сказал он. — Что ты еще можешь предложить?

— Неподвижность.

— К черту неподвижность; мне кажется, что нам нужно поскорее уносить ноги отсюда!

— Поздно, — сказал робот. — Замри!

Мишкин замер. Головы чудища приблизились. Мишкин закрыл глаза и услышал следующий разговор:

— Давай сожрем его, а, Винс?

— Заткнись, Эдди, только вчера вечером мы съели целого ормитунга. Ты что же, хочешь маяться от несварения желудка?

— Я до сих пор голоден!

— И я тоже!

— И я!

Мишкин открыл глаза и увидел, что разговор ведут все пять голов змея. Та, которую называли Винсом, была расположена посередине и выделялась большими размерами. Винс продолжал:

— Тошнит меня от вас, парни, от вас и вашей жратвы. Как только я начинаю входить в форму, вернее, наше тулowiще начинает, после месяца тренировок в гимнастическом зале, как вам снова не терпится отрастить брюхо. Но я говорю этому «нет»!

— Мы имеем право есть все, что угодно и когда угодно, — захныкала одна из голов. — Наш папочка, да хранит его душу бог, говорил, что тулowiще принадлежит нам всем и мы должны владеть им на равных.

— Папочка говорил также, чтобы я за вами, патцанами, присматривал, — ответил Винс, — потому что у вас всех, вместе взятых, не хватит мозгов даже для того, чтобы влезть на дерево. И к тому же папочка никогда не ел незнакомых.

— Это точно, — голова повернулась к Мишкину. — Меня зовут Эдди.

— Меня — Лукко.

— Меня — Джо.

— А меня — Чико. А это Винс. Вот и познакомились. А теперь, Винс, мы сожрем его сию же минуту, потому что нас четверо, и мы уже устали от твоих приказаний, и отныне мы будем делать то, что нам захочется, и если тебе это не по нраву, то постараитесь как-нибудь с этим смириться. Идет, Винс?

— Заткнись! — загремел Винс. — Уж если кто и собрался здесь пожрать, так это буду я!

— А как же мы? — заскулил Чико. — Папочка говорил...

— Что бы я ни съел, в конечном итоге будет и вашим, — сказал Винс.

— Но мы же не почувствуем вкуса, если не попробуем сами, — возразил Эдди.

— Это точно, — ухмыльнулся Винс. — Но обещаю вам попробовать не только за себя, но и за всех вас.

— Извините, Винс, — отважился Мишкин.

— Какой я тебе Винс? — зарычал тот. — Для тебя я мистер Палиотелли.

— Извините, мистер Палиотелли. Я хотел сказать, что являюсь формой разумной жизни, а там, где я живу, разумные создания не едят других разумных созданий, разве что тогда, когда нет никакого выхода.

— Ты что, вздумал меня учить, как себя вести? — возмутился Винс. — Я тебе сверну шею за такие разговорчики. К тому же вы напали первыми.

— Но ведь это было до того, как стало понятно, что вы разумны.

— Ты что, издеваешься? Это я — разумный? Да я даже университета не закончил. С тех пор как скончался наш папочка, мне приходилось работать в прокатном цехе, вкалывать по двенадцать часов в

сутки, чтобы прокормить пацанов. У меня хватает ума понять, что у меня не хватает ума.

— Но на вид вы достаточно умны, — заискивающе сказал Мишкин.

— Ну разумеется, во мне есть врожденный интеллект. Я, возможно, ничуть не глупее любого другого необразованного червя Уоп. Но вот что касается образования...

— Роль формального образования часто переоценивается, — ввернул Мишкин.

— Будто я этого не знаю, — согласился Винс. — Но куда без диплома в этом мире?

— Трудновато, — кивнул Мишкин.

— Ты, возможно, будешь смеяться, но я всю жизнь мечтал научиться игре на скрипке. Ну не смешно ли?

— Вовсе нет, — ответил Мишкин.

— Вообрази себе глупого Винса Палиотелли, пиликающего на дурацкой скрипке арию из «Аиды»?

— А почему бы и нет? Я уверен, что у вас есть талант.

— Мне все кажется, — признался Винс, — что вначале был чудесный сон. А потом пришла жизнь с ее бесконечными проблемами, и мне пришлось сменить бесплотную призрачную ткань видения на грубую серую холстину этого... как его...

— Хлеба насущного? — предположил Мишкин.

— Обязанностей? — спросил Чико.

— Ответственности? — подсказал робот.

— Да нет, все это не то, — горько сказал Винс. — Недоучка и недотепа вроде меня не может разбрасываться параллельными конструкциями.

— Возможно, вам стоит попытаться изменить ключевые понятия, — предложил робот. — Попробуйте заменить их на тончайшую ткань поэзии и грубую холстину повседневности.

Винс уставился на робота, а потом обратился к Мишкину:

— Твой приятель корчит из себя умника?

— Да нет, — ответил Мишкин. — Просто он попал не на ту планету. Не обижайтесь на него, он всего лишь робот класса СРОНП.

— А раз робот, так пусть держит язык за зубами!

— Весьма сожалею, если обидел вас, — живо отозвался робот.

— Да ладно, замнем. Вы в общем-то неплохие ребята, и я не стану вас есть. Но мой вам совет — держитесь здесь поосторожней. Не все тут так добры и простодушны, как я. Честно говоря, они это сделяют, даже не глядя. А точнее, вас лучше съесть, чем разглядывать — уж больно у вас обоих отвратительная внешность.

— А на что нам обращать особое внимание? — спросил Мишкин.

— Обращайте особое внимание на все, — ответил Винс.

8.

Мишкин и робот от всей души поблагодарили добряка-змея, вежливо кивнули его менее воспитанным братьям и двинулись дальше через лес, поскольку другого пути у них не было. Вначале медленно, а потом все прибавляя шаг, они шли, чувствуя, как по пятам за ними крадется сама смерть, жутко постанывая и обдавая их смрадным дыханием. Робот недовольно бурчал что-то, но Мишкину было не до разговоров. Они вступили под сень огромных ветвистых деревьев, которые разглядывали путешественников спрятанными в густой листве глазами. Когда Мишкин и робот миновали их, деревья начали шептаться друг с другом.

— Довольно странная компания, — пробормотал старый вяз.

— Похоже на оптическую иллюзию, — сказал дуб. — Особенно эта металлическая штуковина.

— О, моя голова! — застонала ива. — Ну и ночка была! Хотите, расскажу?

Мишкин и робот продолжали свой путь через лесную глухомань. Сумерки сгущались, и призрачные, словно видения, воспоминания о былом великолепии лесной чащи окружили их, возникая из воздуха, полного бледных испарений, медленно стекавших, подобно священным чуть светящимся благовониям, по ветвям плачущих деревьев.

— Да, местечко не из веселых, — заметил Мишкин.

— Эти штучки меня не очень интересуют, — ответил робот. — Мы, роботы, не подвержены эмоциям. Однако в нас заложена способность к эмпатии*, так что мы все воспринимаем опосредовано — на самом деле это то же самое, что и чувствовать самим.

— Угу, — отозвался Мишкин.

— Именно поэтому я с тобой согласен. Здесь действительно мрачновато и пахнет привидениями.

Робот по своей натуре был гораздо более человеколюбив, чем это можно было бы предположить, судя по его внешности. Спустя много лет, когда он стал уже совсем ржавым, а конечности его страдали усталостью металла, он любил рассказывать молодым роботам о Мишкине. «Это был тихий человечек, — говорил он, — можно было даже подумать, что он слегка глуповат. Но в нем были искренность и готовность смириться со своим естеством, что особенно вызывало симпатию. Ведь он, в конце концов, был всего лишь человеком, и таких людей мы больше не увидим». — «Конечно, дедушка», — отвечали детишки-роботы и разбегались, хихикая втихомолку. Все они были гладенькие, блестящие и считали себя единственными современными созданиями, им и в голову не приходило, что и до них были, и после них будут другие, думающие о себе так же. И если им говорили, что придет время и они тоже попадут на свалку вместе с другими развалюхами, это вызывало у них приступ жизнерадостного смеха. Таковы молодые роботы, и никакое программирование не в состоянии изменить их.

Но все это было еще делом далекого будущего. А в настоящем были Мишкин и робот, пробирающиеся через лес, отягощенные исключительными знаниями, совершенно бесполезными в данной ситуации. Воз-

* Эмпатия — постижение эмоциональных состояний другого в форме сопереживания.

можно, именно в это время Мишкин сделал свое выдающееся открытие, заключающееся в том, что знания никогда не соответствуют потребностям настоящего момента. Ведь всегда требуется что-то другое, и умный человек строит свою жизнь на основе собственных знаний о недостаточной пользе знаний.

Мишкин предчувствовал опасность. Он хотел встретить ее во всеоружии. Но какое «оружие» может ему пригодиться? Он ужасно боялся попасть впросак.

— Послушай, — сказал он роботу. — Давай что-нибудь придумаем. Опасность может застать нас в любой момент, и нам просто необходимо подготовиться к ней заранее.

— Что ты предлагаешь? — спросил робот.

— Давай бросим монету.

— Это, — заявил робот, — пахнет фатализмом и совершенно противоречит тому научному мировоззрению, которое свойственно нам с тобой. Положиться на слепой случай при всем нашем образовании? Об этом не может быть и речи.

— Мне и самому это не по душе, — признался Мишкин. — Но согласись, что какой-то план действий нам необходим.

— Может быть, будем принимать решения по ходу дела? — предложил робот.

— А ты уверен, что у нас будет на это время?

— Именно сейчас у нас есть шанс проверить это, — ответил робот.

Мишкин увидел впереди нечто плоское, тонкое и широкое, похожее на лист серого цвета. Оно планировало на высоте трех футов, направляясь в их сторону, как, впрочем, и все живое на Гармонии.

— Что нам делать? — спросил Мишкин.

— Черт его знает, — ответил робот. — Я как раз собирался спросить об этом у тебя.

— Удрать от него вряд ли удастся.

— Неподвижность тоже мало чего дает.

— Может, пристрелить эту штуку?

— На этой планете от бластеров мало толку. Еще рассердим ее.

— А что, если мы просто пойдем своей дорогой, как будто нам нет ни до чего дела? Может, оно оставит нас в покое?

— Безнадежная затея, — сказал робот.

— У тебя есть другие идеи?

— Нет.

— Тогда пошли.

9.

Однажды Мишкин с роботом пробирались через лес, и было это в веселом месяце мае, когда вдруг они вслухнули что-то с парой налитых кровью глаз, и было это в веселом месяце мае.

Смешного мало, когда вы оказываетесь внизу.

— Встань, я тебя сосчитаю, — сказал Мишкину его отец. Мишкин встал, чтобы его сосчитали, и число оказалось единицей. Но в этом не было ничего нового. С тех пор Мишкин никогда не вставал, чтобы его сосчитали.

Рассмотрим сейчас ситуацию с точки зрения чудища, которое приближалось к Мишкину. Из авторитетных источников нам доподлинно известно, что чудище вовсе не считало себя чудищем. Оно было обеспокоено, что случается и с нами, если только к этому моменту мы не нагружимся основательно. Неплохо бы запомнить, когда налаживаешь контакт с незнакомым тебе существом, что «чудище обеспокоено». Остается лишь убедить его, что, несмотря на ваш чудовищный вид, вы тоже испытываете беспокойство. Одновременное ощущение тревоги — первый шаг для установления контакта.

- Ох! — сказал Мишкин.
- В чем дело? — спросил робот.
- Я ушиб ногу.

-
- Так мы никогда отсюда не выберемся.
 - Не ворчи. Лучшее, что мы можем сделать — это продолжать идти.

Солнце ярко светило. Лес сиял разноцветными бликами. Мишкин представлял из себя сложное человеческое существо со своим прошлым, сексуальными заботами и различными неврозами. Робот представлял из себя сложное подобие человека и мог вполне таковым считаться. Существо, приближавшееся к ним, было неизвестного происхождения, но у него наверняка хватало своих сложностей. Все было сложным.

Когда Мишкин приблизился к чудовищу, его захлестнули самые невообразимые фантазии, описывать которые нет никакого смысла. У чудища тоже возникли определенные фантазии.

Один лишь робот не фантазировал. Это был ста-ромодный робот, с твердыми убеждениями и протестантской этикой, и его трудно было обвести вокруг пальца.

На зеленых, в форме сердечка, губах чудища висели капельки кристально чистой жидкости. В действительности же это были не капли жидкости, а вонючие отбросы какой-то фабрики в Йонкерсе. Дети украшали ими деревья.

Чудище продолжило свой путь. На ходу оно учтиво поклонилось Мишкину, робот поклонился чудищу, и они разошлись в разные стороны.

Чудище остановилось.

— Что это было? — спросило оно. — Что за чертвщина?

— Меня самого до сих пор трясет, — ответило одно из шагающих деревьев, прибывшее с севера в надежде поиграть на бирже.

— Кажется, подействовало, — сказал Мишкин.

— Как обычно, — ответил робот. — На Дарбисе-4 всегда так.

— Но мы-то на Гармонии!

— Ну и что? В конце концов, если что-то сделано правильно, то оно будет правильным несчетное количество раз. Оно равно n^{-1} , а это очень большое число, и оно содержит в себе лишь одну ошибку при бесконечности правильных действий.

— И как часто встречается это единственное исключение?

— Чертовски часто! — ответил робот. — Из-за него летит к черту закон средних величин.

— В таком случае твоя формула неверна?

— Отнюдь, — возразил робот. — Теория правильная, даже если она имеет обыкновение не срабатывать на практике.

— Это полезно знать на будущее, — заметил Мишкин.

— Разумеется. Кое-что знать всегда полезно. В любом случае, у нас появился еще один шанс испытать ее. К нам приближается очередное чудище.

10.

Не все в лесу могли находить утешение в философских рассуждениях. Рэмит, например, брел, охваченный чувством отвращения к самому себе. Рэмит знал, что он совершенно и непоправимо одинок. Отчасти это было следствием того, что рэмит был единственным представителем своего вида, и от знания этого еще более усиливалось чувство одиночества. Но рэмит знал также, что ответственность за отчуждение лежит на совести индивидуума и что обстоятельства, какими бы неблагоприятными они ни были, являются всего лишь основой, на которой индивидуум разыгрывает свои собственные внутренние драмы. Эта мысль угнетала и приводила в смятение, поэтому рэмит брел, чувствуя себя обреченным, оставшимся на Гармонии в полном одиночестве, как оно и было на самом деле.

— Это еще что такое? — изумился рэмит. Он тяжелым взглядом уставился на двух инопланетян. — Галлюцинация, конечно, — поразмыслив, ответил он сам себе. — Вот к чему приводит моя повышенная чувствительность.

А два инопланетянина, то есть галлюцинация, продолжали свой путь, как ни в чем не бывало. Рэмит мысленно окинул взглядом всю свою жизнь. — Все это мешок с дерьямом, — констатировал он, — рэмит всю жизнь вкальвает, и что же он получает взамен? У него неприятности с ментами, подруга его бросает, бросает жена, и в конце концов у него начинаются галлюцинации, и какие — инопланетяне! До чего же я могу докатиться?

11.

— Я собираюсь сделать вот что, — заявила герцогиня Мельба. — Я собираюсь дать обет.

— Боже всемогущий, как вы мне надоели! — воскликнул герцог Мельба. — Делайте что угодно, только оставьте меня в покое!

— Я больше не верю в вас, — грустно сказала герцогиня.

В тот же миг герцог Мельба растворился в воздухе, как бесплотное существо, каковым он и являлся, и, насколько мне известно, каковым он и останется навсегда.

Мишкин вспомнил кое-что, случившееся с ним, когда он был мальчишкой и жил на ранчо близ Абilenы. Но он не стал вдаваться в подробности, так как не видел в этом пользы при нынешних обстоятельствах.

— Можно быть на волоске от самой ужасной смерти, — ни с того ни с сего изрек робот, — и испытывать смертельную скуку. Интересно, почему это так?

— Можно испытывать то же самое, слушая тебя, — сказал Мишкин.

Лес умирал. Это было следствием заболевания, аналогичного ящуру у скота, — эпидемия ящура уже давно опустошила окрестности. Но это ерунда, продолжим наш путь без всякого леса.

12.

Мишкин очутился на огромной стоянке для автомашин. Она была бежевого цвета, с зелеными и желтыми полосами. Счетчики были выкрашены в розовато-лиловый цвет, а измятые обрывки газет были ярко-красного цвета и цвета бронзы. Это была стоянка что надо.

— Похоже на стоянку для автомашин, — заметил Мишкин.

— Правда, похоже? — обрадовался герцог Мельба, подкручивая кончики длинных светлых усов. — Это напоминает мне одну интересную историю. Один из моих приятелей гостил у своего друга в Сурее. Точнее, в Котсвальдсе. На ночь он удалился в комнату, в которой, как поговаривали, водились привидения. Мой приятель решил, что это довольно пикантно, но, разумеется, не поверил в эту чепуху. Никто в это не верит. Так вот, мой приятель поставил рядом с кроватью оплывшую свечку — там, знаете ли, не было электричества, вернее, оно было, но внезапная буря разнесла все к чертям. Находясь в прекрасном расположении духа, мой приятель начал готовиться ко сну, как вдруг...

— Простите, — сказал Мишкин, — а вы кто такой?

— Герцог Мельба, — ответил герцог Мельба. — Но вы можете звать меня просто Кларенс. Терпеть не могу все эти титулы. Но — вы простите меня, мне кажется, я не рассыпал вашего имени...

— Потому что я его и не называл.

- О, послушайте, это великолепно! Оригинал?
- Был когда-то.
- Просто великолепно!
- Меня зовут Мишкин, — сказал Мишкин. — Простите, а вам не встречался здесь робот?
- Честно говоря, нет.
- Странно, он вдруг исчез ни с того ни с сего.
- Ничего странного, — возразил герцог. — Всего минуту назад моя жена заявила, что больше не верит в меня — и вот пожалуйста, я просто исчез. Это тоже вам кажется странным?
- Очень странным, — ответил Мишкин. — Но я полагаю, что такие вещи возможны.
- Я тоже так считаю, поскольку это только что произошло со мной. Но вообще чертовски странная штука это исчезновение.
- А на что это похоже?
- На пальцах это трудно объяснить. Нечто вроде бесплотности, вы понимаете, что я имею в виду?
- Куда же он делся, — пробормотал Мишкин. — Послушайте, вы уверены, что не видели моего робота?
- Абсолютно уверен. Для вас много значит эта потеря?
- Нам много пришлось пережить вместе.
- Старые фронтовые друзья, — кивнул герцог, подкручивая усы. — Нет ничего дороже старой фронтовой дружбы. Или прошедших войн. Помню, как-то у Ипра...
- Простите, — прервал его Мишкин, — не знаю, откуда вы взялись, но считаю своим долгом предупредить вас, что вы исчезли, или, вернее, вас исчезли в места очень опасные.
- Очень благородно с вашей стороны предупредить меня, — сказал герцог. — Но мне ничто не угрожает. Опасность — это кадр из вашего кино, а я нахожусь в совершенно иной, менее удовлетворительной последовательности. Прожекты делают нас посмешищем, как сказал поэт. Причудливые анахронизмы, старина — это уже больше по моей части. Итак, как я уже говорил...

Герцог Мельба внезапно умолк. Тревожная тень пробежала по его лицу. Его не удовлетворял собственный облик. Единственными запомнившимися ему особенностями были его светлые усы, безукоризненная английская речь и менее безукоризненный ум. Этого было явно недостаточно, и герцог решил немедленно улучшить ситуацию.

Герцог Мельба представлял из себя довольно внушительную фигуру. У него были холодные голубые глаза. Он был похож на Рональда Колмана, но красивее, угрюмее и хладнокровнее. У герцога были тонкие аристократические пальцы, в уголках глаз — едва заметные лучики морщин. Все это, включая седину на висках, ничуть не уменьшало его привлекательности, — напротив, придавало ему вид человека смелого, прошедшего через жизненные бури, — что приводило в восторг особ противоположного пола (а также отдельных представителей и непротивоположного пола, хотя и не все от этого в восторге). В общем, это был человек, внешность которого могла бы отлично служить для рекламы самого старого виски, самых модных костюмов и самых дорогих автомобилей.

Герцог поразмыслил над сделанным и остался доволен. Но не хватало какого-то штриха. Тогда он придал себе слабый намек на хромоту, поскольку всегда считал хромоту загадочной и привлекательной. Закончив изменять свой облик, герцог Мельба остался полностью удовлетворенным. Правда, его вновь беспокоил тот факт, что жена заставила его исчезнуть. Для герцога это было равносильно кастрации.

— Знаете ли, — обратился он к Мишкину, — у меня есть жена. Герцогиня Мельба, знаете ли.

— Очень приятно, — ответил Мишкин.

— В некоторых отношениях это и вправду очень приятно. Но дело в том, что я в нее не верю.

Герцог мило улыбнулся, но тут же нахмурился (правда, это тоже вышло у него очень мило), поскольку в этот миг перед ним возникла герцогиня.

Герцогиня Мельба окинула супруга долгим взглядом и стала лихорадочно изменять свою внешность. Поседевшие волосы приобрели каштановый оттенок, в них появились рыжеватые пряди. Она стала выше и стройнее, у нее появилась средних размеров грудь и восхитительный задик. Кисти рук стали тоньше, на виске запульсировала нежно-голубая жилка. Родимое пятно на левой щеке очертаниями напоминало звезду, ноги стали фантастически красивыми. На ней появилось платье от Пьера Кардена, в руках возникла сумочка «гармес», на ногах — туфельки от Рибоплавена, ее тонкие губы стали алыми без всякой помады (свойство, передававшееся из поколения в поколение в ее семье), у нее появилась зажигалка «данхилл» из чистого золота, резко очерченные скулы, волосы приобрели черноту с синеватым отливом, на пальце возникло массивное кольцо с сапфиром.

Герцог и герцогиня посмотрели друг на друга и решили, что они восхитительны. Рука об руку они отправились туда, куда заставили друг друга исчезнуть — то есть в никуда.

— Доброго пути! — крикнул им вслед Мишкин. Он оглядел стоянку, но не смог найти своего автомобиля.

Наконец к Мишкину подбежал дежурный по стоянке, невысокий толстяк в зеленом джемпере, на левом грудном кармане которого были вышиты слова «Все звезды высшей школы Амритсар».

— Ваш билет, сэр, — обратился он к Мишкину. — Нет билетика — тогда приветик.

— Был где-то, — сказал Мишкин и вынул из бокового кармана своей планшетки кусочек красного картона.

— Не отдавай! — раздался чей-то голос.

— Кто это? — удивился Мишкин.

— Это я, твой робот СРОНП, замаскированный под Ровер ТС-200 выпуска 1968 года. Ты находишься под воздействием галлюциногена. Не отдавай билет дежурному!

— Давай билет! — потребовал дежурный.

— Не так быстро, — сказал Мишкин.

— Нет, быстро! — Дежурный протянул руку.

Мишкину показалось, что пальцы дежурного превратились в пасть. Дежурный медленно приблизился к нему. Сейчас он представлял из себя огромного змея с крыльями и раздвоенным хвостом. Мишкин без труда увернулся от него.

И он вновь очутился в лесу (этот проклятый лес!). Рядом с Мишкиным стоял робот. А сверху на них пикировал огромный змей.

13.

Пасть змея превосходила все фантазии. Это была самая огромная из когда-либо виденных Мишкиным иллюзий. Дыхание змея было завораживающим, глаза его гипнотизировали, при каждом взмахе крыльев с них срывались заклинания. Форма и величина змея тоже были иллюзией, так как он обладал способностью изменять свою величину от гигантской до бесконечно малой. Но когда змей превратился в букашку, Мишкин ловко поймал его и сунул в пузырек из-под аспирина.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил робот.

— Сохрани до тех времен, — отвечал Мишкин, — когда для меня вновь придет пора жить иллюзиями.

— А разве ты сейчас не живешь иллюзиями?

— Нет, — ответил Мишкин, — я еще молод, и мой удел — искать приключения, действовать и пожинать плоды этих действий. Но позже, гораздо позже, когда угаснет пламя души и притупится память, я освобожу это существо. Крылатый змей и я, мы вместе отправимся в ту последнюю иллюзию, которая называется смертью.

— Неплохо сказано! — сказал робот, хотя он и не поверил, что Мишкин сам придумал это, и дорого бы дал за то, чтобы узнать истинного автора этих слов.

А между тем наши герои продолжали свой путь через лес. Пузырек из-под аспирина то наливался свинцовой тяжестью, то становился невесомым. Было

ясно, что заключенный в него змей обладает магической силой, но Мишкин не стал ломать голову над тем, что это за сила, поскольку ему предстояла работа. В чем она заключалась, Мишкин не знал, но был уверен в одном — она не находится внутри пузырька из-под аспирина.

14.

Внезапно лес кончился, и Мишкин с роботом оказались перед пропастью. Ее берега соединяла доска. На дне, на глубине в тысячи футов, блестела узкая полоска воды.

Стоит сказать, что пропасть отличалась величием и живописностью. Но самым удивительным явлением была доска, переброшенная через нее. Посередине этой доски стоял стол. Вокруг стола — четыре стула, и на них сидели четверо. Они играли в карты. Перед игроками стояли полные окурков пепельницы, и все это освещалось тусклой электролампочкой, висевшей на неизвестно к чему прикрепленном шнуре.

Мишкин подошел поближе и услышал следующий разговор.

- Ставлю доллар.
- Закрывай.
- Идет.
- Больше.
- Еще один доллар.

Игра шла вяло. Лица игроков, сосредоточенные и бледные, были покрыты щетиной, закатанные рукава рубашек лоснились. Игроки пили пиво из банок и закусывали толстыми сандвичами.

- Простите, — сказал Мишкин.

Мужчины подняли головы от карт.

- В чем дело, пташка? — спросил один из них.
- Я бы хотел пройти...
- Ну и проходи, чего стоишь?

— Не могу, — сказал Мишкин.
— Почему это не можешь? У тебя ног нет, что ли?
— Ноги у меня в порядке, — ответил Мишкин. — Но все дело в том, что если я попытаюсь обойти вас, то могу упасть в пропасть. Видите ли, между стульями и краем доски маловато места, всего дюйм или два, а у меня не настолько развито чувство равновесия, чтобы рисковать.

Игроки вытаращили на него глаза.

— Фил, ты когда-нибудь слышал подобную чушь? — спросил один из них.

— Много я слышал всякой чепухи, — покачал головой Фил, — но это все почице ночного горшка, окантованного мехом. Эдди, а ты что скажешь?

— Нализался он, наверное, а, Джордж?

— Кто его знает. А ты как думаешь, Берт?

— Я только что собирался спросить об этом у Джека. — Берт уставился на Мишкина. — Послушай, парень. Я и мои приятели сидим в номере 2212 отеля «Шератон-Хилтон», играем в карты, и вдруг заявляешься ты и начинаешь вкручивать нам мозги насчет того, что свалившись в пропасть, если обойдешься вокруг нас, хотя перво-наперво тебе не мешало бы извиниться за то, что ты вперся без приглашения в чужой номер, так ведь? Но раз уж ты здесь, то вот что я тебе скажу, парень, — ходи на здоровье вокруг нас хоть целый день, и ничего с тобой случиться не может, потому что никакая это не пропасть, а обыкновенный отель.

— Боюсь, что вы заблуждаетесь, — учтиво сказал Мишкин. — Вы не в отеле «Шератон-Хилтон».

— Ну а где же мы, черт побери? — негодующе воскликнул Джордж, а может и Фил.

— Вы сидите за столом, стоящим на доске, которая перекинута через пропасть, на планете под названием Гармония.

— Ты, — заявил Фил, а может, и Джордж, — совершенно чокнутый. Ну ладно, мы, конечно, немножко выпили, но мы-то знаем, что устроились в отеле!

— Не знаю, как это произошло, — сказал Мишкин, — но вы находитесь не там, где думаете.

— Мы на доске через пропасть, не так ли? — спросил Фил.

— Точно так.

— Но как же тогда получается, что мы сидим в номере 2212 отеля «Шератон-Хилтон»?

— Не знаю, — признался Мишкин. — По-видимому, произошло нечто странное...

— Ну конечно, произошло! — воскликнул Берт. — Произошло с твоей головой. Ты свихнулся!

— Уж если кто из нас свихнулся, — сказал Мишкин, — так это вы все.

Игроки в покер расхохотались.

— Здравый ум — это вопрос единого мнения, — сказал Джордж. — Мы говорим, что это номер отеля, а нас четверо, и мы в большинстве четыре к одному. Значит, сумасшедший — ты!

— Этот проклятый город полон чокнутых, — сказал Фил. — Вы только посмотрите — заявляется к тебе в номер и утверждает, что он балансирует на доске через пропасть.

— Вы позволите мне пройти? — спросил Мишкин.

— Ну, предположим. И куда же ты пойдешь?

— На другую сторону пропасти.

— Послушай, — сказал Фил, — если ты нас обойдешь, то упрешься в стену.

— Ошибаетесь, — возразил Мишкин. — Я уважаю чужое мнение, но в данном случае оно основано на неверном представлении о действительности. Позвольте мне пройти, и вы сами увидите.

Фил широко зевнул, собираясь подняться со стула.

— Я все равно собирался сходить в галлюн, так что можешь пройти. Но когда ты упрешься в стену, то разворачивайся на сто восемьдесят градусов и сматывайся отсюда.

— Если это комната, то я обещаю тут же покинуть ее.

Фил поднялся, сделал шаг назад и рухнул в пропасть. Пока он летел в бездну, эхо многократно повторило его дикий вопль.

— Эти проклятые полицейские сирены начинают действовать мне на нервы, — пробурчал Джордж.

Мишкин пробрался мимо стула, на всякий случай придерживаясь за край стола, и оказался на другой стороне пропасти. За ним проследовал робот. Оказавшись в безопасности, Мишкин крикнул:

— Ну что, убедились? Это же ущелье!

— Пока он там, — сказал Джордж, — может, мы сменим масть? Он там уже полчаса торчит.

— Эй, — сказал Берт, озираясь, — а куда подевался этот псих?

— Смылся, — сказал Джордж, — а может, спрятался в шкаф?

— Нет, — сказал Берт, — за шкафом я следил. — Может, в окно выпрыгнул?

— Едва ли, здесь окна не открываются.

— Ну и дела! — сказал Джордж. — Ну прямо как в романе. Эй, Фил, пошевеливайся!

— Бесполезно. Из гальюна его только трактором можно вытащить. Может, сыграем пока в джинрамми?

— Твоя очередь, — сказал Берт и стал тасовать колоду.

Мишкин еще немного полюбовался на них, затем повернулся и пошел своим путем — дальше через лес.

15.

— Так что же это было? — спросил Мишкин у робота.

— В данный момент я как раз перерабатываю информацию, — ответил робот. Он помолчал и неуверенно сказал: — Они устроили оптический трюк с помощью зеркал.

— Едва ли так.

— Все гипотезы относительно существующей последовательности событий кажутся маловероятными, — ответил робот. — Может, ты предпочитаешь другую гипотезу — будто мы и эти игроки встретились в точке смещения пространственно-временного континуума при пересечении двух плоскостей реальности?

— Это больше похоже на правду, — сказал Мишкин.

— Чепуха все это. Давай-ка двинемся дальше.

— Давай, — согласился Мишкин. — Кстати, машина в порядке?

— Надеюсь, — ответил робот. — Ведь я битых три часа потратил на перемотку генератора.

Их машина — белый «ситроен» с грибовидными шинами, оборудованный гидравликой задних фонарей — стояла прямо перед ними на небольшой полянке. Мишкин сел за руль и завел машину. Робот развалился на заднем сиденье.

— Ты что собрался делать? — спросил Мишкин.

- Так, подремлю немного.
- Разве роботы спят?
- Я неточно выразился. Я хотел сказать, что я псевдоподремлю.
- А! Это совсем другое дело, — сказал Мишкин, включая сцепление и трогая машину с места.

16.

Вот уже несколько часов машина мчалась по прекрасной зеленой равнине. Наконец Мишкин вывел ее на узкую грязную дорогу, которая, петляя между гигантских ив, привела их к воротам. Перед путешественниками возник прекрасный замок.

— Смотри, — сказал Мишкин.

— Очень интересно, — ответил робот, очнувшись от псевдодремы. — А ты обратил внимание на надпись?

Мишкин внимательно посмотрел на деревянный щит, прибитый к молодой елочке, стоящей перед замком, на котором было написано: «Воображаемый замок».

— Что это значит?

— Это означает, что у некоторых людей хватает порядочности сообщить чистую правду и не вводить в заблуждение прохожих, — ответил робот. — Воображаемый замок — это такой замок, у которого нет двойника в объективной реальности.

— Пойдем посмотрим на него?

— Я же тебе только что объяснил: замок нереален. То есть там буквально не на что смотреть.

— Все равно я хочу на него посмотреть, — настаивал Мишкин.

— Но ведь ты прочитал надпись?

— Да. Но, возможно, это просто шутка или обман.

— Если ты не веришь тому, что написано совершенно ясно, — сказал робот, — то как же ты

вообще можешь чему-то верить? Ты же должен был заметить, что надпись выполнена вполне грамотно, без всяких там финтифлюшек, и смысл ее вполне ясен. В правом углу стоит печать Департамента общественных работ, организации с безупречной деловой репутацией, чье кредо известно всему миру: «*NOLI ME TANGERE*»*. Ясно, что они относят замок к разряду предприятий общественных услуг, поэтому нормальному человеку там нечего делать. Или Департамент общественных работ для тебя ничего не значит?

— Веский довод, — согласился Мишкин. — Но, может быть, печать поддельная?

— Типично параноидальное мышление, — сказал робот. — Во-первых, несмотря на то что надпись реальная и солидная, ты считаешь ее шуткой или фальсификацией, что, в принципе, одно и то же. Далее, даже узнав, кто является автором так называемой «шутки», ты продолжаешь упорствовать в своем заблуждении, утверждая, что это подделка. Более того, я уверен: докажи я тебе подлинность и искренность сделавших надпись, ты будешь упорно придерживаться того мнения, что эти люди либо сами нереальны, либо заблуждаются насчет реальности замка, хотя все твои утверждения противоречат общепринятому принципу Бритвы Оккама **.

— Просто это так необычно, — растерянно сказал Мишкин. — То есть когда своими глазами видишь замок, а тебе говорят, что он воображаемый.

— Ничего тут нет необычного, — ответил робот. — Со времени последнего пересмотра закона о правдивости рекламы десять богов, четыре распространенных религиозных учения и тысяча восемьсот двенадцать культов были признаны воображаемыми.

* *Noli me tangere* (лат.) — «Не тронь меня» — слова Иисуса Христа, обращенные к Марии Магдалине (Евангелие от Иоанна, 20, 17).

** Бритва Оккама — введенный в философию Оккамом (английским философом и логиком XIV века) принцип, согласно которому понятия, несводимые к интуитивному и опытному знанию, должны удаляться из науки.

17.

В сопровождении ризничего, жизнерадостного пухлого коротышки с седой бородой и деревянистым протезом, Минкин и робот совершили экскурсию по воображаемому замку. Они проходили по длинным душным коридорам, сворачивали в короткие боковые проходы, из которых тянуло сквозняком, проходили мимо железных доспехов, которым искусственно был придан вид древних, мимо сделанных из современных тканей гобеленов, изображавших девиц в вызывающих позах верхом на единорогах. Они осмотрели камеры пыток, в которых поддельные узники притворялись, что корчатся от боли, причиняемой фиктивными удавками, эрзац-щипцами и фальшивыми ногтевырывателями, которые держали в руках широкоплечие палачи, кажущиеся правдоподобие которых сводилось к нулю обычными очками в роговой оправе. (Правда, кровь была настоящая, пастеризованная, но даже и она не выглядела убедительно.) Они посетили оружейную палату, где курносенькие девицы печатали в трех экземплярах заявки на последнюю модель Меча Граала и на копье «Большой варвар». Они поднялись на зубчатые крепостные стены и увидели бочки с полиненасыщенным * маслом «Смит и Бессон», пригодным для смазки оружия при низкой температуре и для поливания врагов в кипя-

* Полиненасыщенные жиры — разновидность пищевых жиров (в основном растительного происхождения), способствующих профилактике атеросклероза.

щем состоянии. Они заглянули в часовню, где рыжий, похожий на мальчишку священник обрушивал шутки на санскрите на паству из перуанских горняков, добывающих олово, в то время как распятый по ошибке Иуда удивленно глядел на них с символического креста, инкрустированного специальными породами дерева, выбранными ввиду их высокой одухотворенности. Наконец они вошли в огромный банкетный зал, где стоял стол, уставленный блюдами с жареными цыплятами, чашами с апельсиновым соком, сосисками под острым соусом, устрицами в раковинах и двухдюймовой толщины ростбифами, поджаренными сверху и сырватыми снизу. Были тут и блюда с мягким мороженым, и пицца, как неаполитанская, так и сицилийская, с великолепным сыром и сосисками, анчоусами, грибами и каперсами. Здесь можно было увидеть и дорогие, завернутые в фольгу блюда, и дешевые закуски, и то, что называется «серединка наполовину», многочисленные сандвичи с языком, солониной, ливерной колбасой, сливочным маслом, луком, приправленные капустным и картофельным салатом, посыпанные укропом и проложенные малосольными огурчиками. В громадных супницах дымился луковый суп, а также куриный бульон с лапшой. Тарелки были доверху наполнены омарами по-кантоンски, широкие блюда — ребрышками под кисло-сладким соусом, упаковки из пресованного провощенного картона — уткой с греческими орехами. Были там и фаршированные индейки под клюквенным соусом, чизбургеры, креветки в соусе из черной фасоли и многое, многое другое.

— Если я попробую что-нибудь из этого, со мной ничего не случится? — спросил Мишкин.

— Ровным счетом ничего, — ответил ризничий. — Ведь вся эта пища — воображаемая, значит, вы и не насытитесь, и не объедитесь.

— А оказывает ли эта пища духовное воздействие? — спросил Мишкин, пробуя сосиску под соусом чили.

— Должно быть, — ответил ризничий. — Все дело в том, что воображаемая пища — это пища для воображения и эффект ее воздействия зависит от

умственных способностей того, кто ее пробует. Для человека недалекого и неумного, лишенного воображения, она оказывается вполне питательной, то есть псевдопитательной; я хочу сказать, что нервная система такого человека не в состоянии различить реальные и воображаемые события. Некоторые идиоты умудряются жить целые годы, потребляя эту бесплотную пищу, лишний раз демонстрируя этим влияние веры на человеческую плоть.

— Между прочим, очень вкусно, — сказал Мишкин, грызя ножку индейки и подливая себе клюквенного соуса.

— Ну разумеется, — ответил ризничий. — У воображаемой пищи всегда отличный вкус.

Мишкин все ел и ел, и чем больше он съедал, тем больше ему это нравилось. Насытившись, он добрался до кушетки, повалился на нее и уснул, убаюканный ее нежной бесплотностью.

— Ну а сейчас, — сказал ризничий, — водичка наверняка польется на мельничные колеса.

— Что вы хотели этим сказать? — спросил робот.

— Наевшись воображаемой пищи, наш молодой человек может увидеть воображаемые сны.

— А это для него не вредно? — поинтересовался робот.

— Обычно это сбивает с толку.

— Тогда я лучше разбуджу его, — сказал робот.

— Разумеется, это ваше право, но почему бы нам не включить экран и не настроиться на его сны?

— А разве это возможно?

— Вам следовало бы верить в это, — сказал ризничий. Он пересек комнату и включил телевизор.

— А раньше его там не было, — заметил робот.

— Одним из преимуществ воображаемого замка, — сказал ризничий, — является то, что вы можете найти здесь все, что вам благорассудится, и нет никакой необходимости знать, почему это так, к тому же утомительные объяснения всегда разочаровывают, не так ли?

— Почему вы не настраиваете экран?

— Он уже давно настроен, — ответил ризничий. — А вот и титры.

На экране засветилась надпись:

«Роберт Шекли ентерпрайзиз» представляет

«Воображаемый сон Мишкина»

Неоменишнейская * родомонтада **

Производство студии Кан Пеп Корро, Ибица

— Что это такое? — удивился робот.

— Обычная дребедень, — ответил ризничий. — А вот и сам сон.

* Мениппей — жанр античной литературы, характеризующийся свободным соединением серьезного и комического, философских рассуждений и сатиры, а также фантастическими ситуациями.

** Родомонтада — хвастовство неустрашимостью, фанфаронство (от имени Родомонти — действующего лица поэмы Ариосто «Ненестовый Роланд»).

18.

Мишкин прогуливался, размышляя о природе реальности, как вдруг кто-то окликнул его: «Эй!» Мишкин вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Он никого не увидел. Вокруг простиралась плоская равнина, и в любом направлении от него на расстоянии по крайней мере в пять миль не было ни единого предмета высотой больше фута, за которым кто-нибудь мог спрятаться.

Однако Мишкин не растерялся.

— Как поживаете? — спросил он.

— Благодарю вас, прекрасно. А вы?

— Вообще-то неплохо. Скажите, а мы раньше с вами встречались?

— Не думаю, — сказал голос. — Но вообще-то трудно сказать, не так ли?

— Верно, — согласился Мишкин. — А что вы здесь делаете?

— Я здесь живу.

— Приятное местечко.

— Отличное, — сказал голос. — Вот только зимой чертовски холодно и влажность высокая.

— Неужели?

— Да. А вы, наверное, турист?

— В некотором роде, — ответил Мишкин. — А здесь я впервые.

— И как вам здесь нравится?

— Очень красиво. Я, правда, многоного еще не видел, но то, что успел посмотреть, очень красиво.

— А мне здесь все кажется обыкновенным, —
сказал голос. — Наверное, потому, что я здесь живу.

— Возможно, — согласился Мишкин. — Точно так же и я чувствую себя дома.

— А где, кстати, ваш дом?

— На Земле, — ответил Мишкин.

— А, это такая большая красная планета?

— Нет, это небольшая зеленая планета.

— Кажется, я что-то слышал о ней. Национальный парк в Йеллоу-Стоун?

— Именно там.

— Далеко же вы забрались от своего дома.

— Я тоже так считаю, — сказал Мишкин. — Но мне нравится путешествовать.

— Вы прилетели на космическом корабле?

— Да.

— Бьюсь об заклад, что это было чертовски здорово!

— Да, вы правы.

Наступило неловкое молчание. Мишкин никак не мог освоиться с тем, что не видит своего собеседника, и решил, что спрашивать об этом сейчас было бы уже глупо, нужно было это сделать раньше.

— Ну что ж, — сказал голос, — мне пора двигаться дальше.

— Благодарю за приятную беседу, — сказал Мишкин.

— И мне было очень приятно. Интересно, а вы заметили, что я невидим?

— По правде говоря, да. Надеюсь, что меня-то вы видите?

— Разумеется. Мы, невидимки, можем прекрасно различать видимые предметы вроде вашей фигуры. Разумеется, кроме тех из нас, кто слеп. Но таких не очень много.

— А друг друга вы не можете видеть?

— Нет, конечно. Если бы мы видели друг друга, то не были бы невидимками.

— Простите, я не подумал об этом, — сказал Мишкин. — Наверное, у вас масса неудобств?

— Абсолютно верно, — сказал невидимка. — Мы ходим по улицам, не замечая друг друга. Это дей-

ствует на нервы, хотя и знаешь, что ничего тут не поделаешь. Кроме того, невидимость мешает нам влюбляться друг в друга. Например, в субботний вечер на танцульках я знакомлюсь с хорошенькой девушки и понятия не имею, действительно ли она хороша или овца овцой. А спрашивать как-то неловко. Я понимаю, такие вещи не стоит принимать во внимание, но узнать-то хочется.

— Во всяком случае, на Земле это так, — согласился Мишкин. — Но, наверное, у вас есть и свои преимущества?

— О, конечно! Мы, например, страшно любим пугать людей из-за угла. Но сейчас все уже привыкли к этому и, вместо того чтобы испугаться, нас посылают подальше.

— Но вот, скажем, на охоте невидимость очень выгодна?

— Ничуть. У нас, невидимок, очень тяжелая походка, так что на охоте мы здорово шумим — если только не стоим неподвижно. Поэтому нам остается охотиться на одного-единственного представителя здешней фауны. Мы называем их «глухарями», поскольку они абсолютно глухие. Тут, конечно, наша невидимость дает определенные преимущества, но, увы! — «глухари» на редкость невкусны, даже в виде жаркого под соусом бешамель.

— Я всегда считал, что невидимки на голову выше обычных людей, — сказал Мишкин.

— Все так думают, — ответил невидимка. — Но в действительности невидимость — это своего рода недостаток.

— Сочувствую вам, — вежливо сказал Мишкин и после небольшой паузы спросил: — А как вы выглядите?

— Сам не знаю, старина. Проклятая невидимость. Бриться особенно неудобно. Осторожно!

Мишкин налетел на какой-то невидимый предмет и набил на лбу порядочную шишку. Он пошел дальше медленней, вытянув перед собой руку.

— Так вы, значит, можете видеть невидимые предметы? — удивился Мишкин.

— Да нет, старина, я его не видел, — ответил невидимка. — Просто я заметил предупреждающую табличку.

Оглянувшись вокруг, Мишкин увидел множество металлических табличек, укрепленных на вбитых в землю колышках. На них самопереводящимися буквами (согласно межзвездным законам) были сделаны надписи, и они были понятны так же, как английский язык для любого более или менее грамотного англичанина. На табличках были надписи «камень», «кактус», «брошенный микроавтобус "фольксваген"», «человек в бессознательном состоянии», «засохшее фиговое дерево», «летучий голландец» и другие.

— Это очень предусмотрительно, — заметил Мишкин, пробираясь между табличками «куча мусора» и «бюро по туризму».

— Это всего-навсего эгоизм, — ответил невидимка. — Нам самим до смерти надоело натыкаться на эти штуки.

— А как все эти предметы стали невидимыми? — спросил Мишкин.

— Своего рода загрязнение. Вначале все стоит на своих местах, мы занимаемся своими делами, а потом вдруг все предметы, с которыми мы имеем дело, начинают тускнеть и вскоре совсем пропадают из виду. Например, в одно прекрасное утро президент банка вдруг обнаруживает, что не может найти свой банк. Никто не знает, горят уличные фонари или нет. Невидимые молочники пытаются доставлять невидимое молоко невидимым жителям в невидимые дома. Результаты же трагикомические. Всеобщая путаница!

— И поэтому вы установили таблички? — спросил Мишкин.

— Нет, таблички мы используем для отдаленных районов. А в городе мы окрашиваем все предметы видимой краской.

— Это помогает разрешить проблему?

— Это здорово помогает, но есть и свои недостатки. Перекрашенные здания неизбежно теряют эстетический вид. Покрашенные люди страдают аллергией. Но главное неудобство — это то, что по мере контакта с невидимыми предметами видимая

краска становится невидимой. Мы боремся с этим явлением, проводя постоянную кампанию по окраске, которая основывается на статистических, позиционных и темпоральных диаграммах всех расположенных в городе объектов. Но даже при всей эффективности нашей программы многие вещи все же теряются. Существуют, как вы понимаете, и непредвиденные варианты: несмотря на строгий контроль за качеством, нельзя получить и двух партий видимой краски, обладающей полностью идентичными характеристиками. Каждая партия имеет собственные характеристики — яркость, длительность сопротивления температуре и влажности. Может влиять также и взаимное расположение планеты и спутников. Есть и другие факторы, их все еще изучают. — Невидимка вздохнул. — Но мы стараемся не впадать в отчаяние. Наши ученые непрерывно работают над проектом обеспечения нас полной видимостью. Некоторые скептики называют этот проект нереальной и несбыточной мечтой, но мы ведь знаем, что другие — вот вы, например, — достигли счастья быть видимыми. А разве мы хуже?

— Никогда бы не подумал, что дела обстоят так скверно, — сказал Мишкин. — Мне всегда казалось, что быть невидимкой очень забавно.

— Увы, — горько сказал невидимка, — невидимость почти то же самое, что и слепота...

19.

Пустыня сменилась полупустыней. Мишкин и робот шагали по ровной высокой почве мимо заброшенных проселочных дорог, засохших кустов, иногда обходя необитаемые хижины.

Они пересекли небольшую возвышенность и увидели человека в смокинге и высоком черном цилиндре, сидящего на металлическом сундучке, выкрашенном в черный цвет. Он сидел и смотрел на заржавевшую железнодорожную колею, уходящую на пятьдесят футов в обе стороны.

— Боже, — произнес робот, — еще одно чучело.

— Не груби, — оборвал его Мишкин. Он подошел к незнакомцу и вежливо поздоровался с ним.

— Наконец-то появилась хоть одна живая душа, — сказал незнакомец. — Я торчу здесь уже два дня, и если сказать честно, то это действует удручающе.

— А чего вы ждете? — поинтересовался Мишкин.

— Двенадцатичасовой из Юмы, — ответил незнакомец, повернувшись налево и глядываясь в простиравшиеся перед ним пятьдесят футов колеи. — Но в наше время поезда редко ходят по расписанию.

— Мне кажется, этот поезд вообще не проходит здесь, — заметил Мишкин.

— И неудивительно, — ответил незнакомец. — Если задуматься, то это действительно кажется маловероятным. Но я чертовски устал и не могу идти пешком. Кто его знает, может, что-то случится, и поезд все же пройдет мимо. Я видел и более странные

вещи. Мне вообще везет на странные истории. Надеюсь, вы знаете, кто я такой?

— Боюсь, что нет, — ответил Мишкин.

— Должно быть, вы нездешний, ведь я очень знаменит. В данном воплощении я — Ронсар Великий, вероятно, самый великий из магов, которых знала Вселенная.

— Какая чушь, — пробормотал робот.

— Пусть моя внешность не вводит вас в заблуждение, — сказал Ронсар. — Тому, что я надеюсь дождаться несуществующего поезда в этих богом забытых местах, есть причина. Никто не может избежать своей кармы^{*}, не так ли? Но что-нибудь всегда происходит. Не хотели бы вы стать свидетелем чудес?

— Мне бы очень хотелось, — сказал Мишкин.

— Дерьмо все это, — буркнул робот.

Ронсар пропустил мимо ушей реплику угрюмого механизма.

— Первым номером нашей программы будет фокус с кроликом, — объявил он.

— Я уже видел его, — сказал робот.

— А я нет, — возразил Мишкин. — И помолчи, пожалуйста.

Робот откинулся назад и скрестил руки. Вызывающая скептическая улыбка появилась на его металлическом лице, а все углы его корпуса выражали недоверие. Мишкин же с интересом наклонился вперед, обхватив колени руками. Вид у него был заранее удивленный. Ронсар открыл сундук и вынул из него сложного вида панель управления, две автомобильные батареи, моток провода, три электрические схемы, фляжку с какой-то мутной жидкостью и небольшой тахометр. Все эти предметы он соединил с помощью проводов, а затем подключил всю систему к красно-черному проводу, который, в свою очередь, прицепил к краю своего цилиндра. Затем он вынул из сундука тестер, проверил цепи и повернулся к Мишкину.

^{*} Карма (санскрит) — сумма совершенных живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения, перевоплощения.

— Итак, мой дорогой сэр, этот цилиндр пуст, как вы можете убедиться. — Ронсар показал цилиндр Мишкину и роботу, в ответ на что робот демонстративно зевнул.

— Начнем, — сказал фокусник. Он вынул из сундука кусок белого атласа и накрыл им цилиндр. Сделав правой рукой несколько пассов, он произнес: «Рье-сгампо, риндоше-хи лам мчог ринпоше хи хренчва зес бя-ва бжутс-се», — и ткнул пяткой правой ноги в контрольную панель.

Взлетел сноп искр, и послышался громкий шипящий звук. Стрелки приборов дернулись и вернулись в прежнее положение.

Фокусник снял атлас, вытащил из цилиндра живого кролика, опустил его на землю и поклонился.

Мишкин захлопал в ладоши.

— Он проделывает это с помощью зеркал, — хмыкнул робот. Кролик полез было обратно в цилиндр, но фокусник оттолкнул его.

— Подумаешь, — процедил робот, — все фокусники вынимают кроликов из цилиндров.

— Это только цветочки, — сказал фокусник. — Но вообще должен заметить, что в этом нет ничего сверхъестественного. Я занимаюсь иллюзиями, представляющими собой лишь внешнее проявление, что обеспечивается в результате подготовки, мастерства и наличия необходимого оборудования. Вот, собственно, и вся кухня.

— Что же представляет собой иллюзия? — спросил Мишкин.

— Все, что по природе своей феноменально, можно считать иллюзией, — пояснил фокусник. — Ну, а сейчас я покажу вам фокус с картами. Не стоните, сэр (это относилось к роботу). Разумеется, это не ахти какой фокус. Я планирую свои выступления с учетом интенсивности и кумулятивного эффекта. Фокус с картами, в сущности, должен вызвать интерес у зрителя, он не фантастичен и не поражает воображение, но лишь способствует повышению восприимчивости зрителей перед наступлением главных событий вечера (в данном случае, разумеется, дня). Итак...

Фокусник вынул из сундука колоду карт.

— Итак, перед вами колода обычных игральных карт. Я отдаю их вам, и вы можете проверять их безупречность, сколько вашей душе угодно. Удостоверьтесь, что упаковка не вскрыта, что карты не крашеные.

Он протянул колоду Мишкину, тот распаковал ее и тщательно осмотрел все карты. Потом их обследовал робот, а фокусник тем временем вновь открыл сундук и извлек из него три параболических зеркала на штативах, вычислительную машину с комплектом батарей и портативный радар. Он установил зеркала, направив их в разные стороны, и подсоединил их к вычислительной машине и радару. Взяв в руки колоду карт, он веером пролистал их перед одним из зеркал и ввел программу в вычислительную машину. Затем он немного подождал, пока радар не издал тонкий пронзительный писк.

Фокусник вытащил из сундука складной деревянный столик на шатких ножках, установил его и бросил на стол колоду карт рубашкой вверх.

— Обратите внимание, что я совершенно не прикасаюсь к колоде, так что о подтасовке не может быть и речи. А теперь прошу вас тщательно перетасовать колоду и выбрать одну карту. Сделайте это незаметно для меня и запомните ее, — сказал фокусник.

Мишкин и робот сделали так, как им было сказано. Мишкин перетасовал колоду три раза, а робот — двадцать семь, разложив карты так, что соседство двух карт одной масти или одного достоинства было полностью исключено. Затем они выбрали себе карту.

— Внимательно посмотрите на нее, запомните и положите обратно в колоду, — сказал фокусник. — А теперь перетасуйте.

И вновь Мишкин три раза, а робот двадцать семь раз тасовали колоду. (Из робота вышел бы неплохой крупье для игры в канасту, и справедливости ради заметим, что ему и вправду предлагали однажды это доходное место в Общественном центре северного района Майами Бич.)

— А теперь, — заявил фокусник, — умножьте номер вашей карты на семнадцать, имея в виду, что в

колоде одиннадцать карт одной масти. Если результат будет четным, добавьте семь, если нечетным — вычтите два. Из полученного числа извлеките квадратный корень с точностью до трех десятых. Добавьте к последней цифре девять в соответствии с мастью — черная масть представляет мнимые числа, красная масть — вещественные. Прибавьте к результату любое число от единицы до девяноста девяти. Ну как, все готово?

- Семечки, — ухмыльнулся робот.
- Какое получилось число?
- Восемьдесят два.

Фокусник ввел данные в компьютер и из него тут же полезла перфолента.

- Ваша карта — валет бубей!
- Верно, — удивился робот, а Мишкин поспешил кивнуть.
- И все же каждый знает фокус с картами, — не унимался робот.
- Никто не отрицал, что ничто человеческое мне не чуждо, — ответил фокусник.
- А сейчас он наверняка будет распиливать пополам женщину, — шепнул робот Мишкину.
- Следующий номер нашей программы — распиливание женщины пополам, — объявил фокусник.
- Вот это да! — восхитился Мишкин.
- Это все трюки с зеркалами, — хмыкнул робот.

Спустя много лет Мишкин все еще помнил лицо фокусника: длинное, типично американское лицо, покрытое гримом. В его голубых глазах как бы отражался застывший пейзаж, а когда эти зеркала превращались в окна, через них был виден внутренний пейзаж, идентичный наружному. Это было лицо человека, с надеждой ожидающего снов, но безнадежно замученного кошмарами. Лицо Ронсара запомнилось Мишкину лучше, чем все его фокусы.

Фокусник открыл свой сундук и вывел из него брюнетку с фиалковыми глазами, одетую в платье от

Пиаже. В руках у нее была сумочка от Вьетона. Женщина подмигнула Мишкину и сказала:

— Ну что ж, один раз можно попробовать!

— Она всегда так говорит, — пояснил фокусник, — никак не может понять, что если уж раз попробовала, то не отвяжешься.

Спустя годы молодая женщина рассказывала своему дружку: «До чего же беззаботна я была тогда! Представляешь, парень, я даже позволила, чтобы меня распилили пополам какой-то сумасшедший фокусник! Что ты на это скажешь?»

Фокусник вытащил высокоскоростную переносную пилу, поискав куда включить, извлек из сундука электророзетку, воткнул вилку и включил пилу.

— Наверное, это был один из тех дешевых шарлатанов? — спросил дружок.

— Какой к черту шарлатан! Этот гад-фокусник, как его там... то ли Дермос, то ли Термос, делал все строго в соответствии с реальностью! Он такой же самозванец, как братья Майо. У него и в мыслях такого не было, чтобы кого обмануть, потому я с ним и связалась. Но гадом он был порядочным!

Фокусник вывел из сундука четырех хирургов и одного анестезиолога. У всех были тщательно вымыты руки, они были в белых халатах и масках. Затем из сундука появились подносы с хирургическими инструментами, пузырьки с анестезирующим раствором в комплекте с верхней лампой и дренажной системой.

Брюнетка вытянулась на операционном столе. Она выглядела как олицетворение женственности и мужества. Ради такого момента можно было пережить распиливание пополам.

Маг включил пилу и приблизился к молодой женщине.

И вдруг из сундука появился еще один человек, лет пятидесяти, лысый и толстый, весьма располагающий к себе, если бы не его внезапное появление. Громким дрожащим голосом он произнес:

— Я решительно протестую против этой женитьбы! Во имя гуманизма и здравого смысла!

— Не вылезай раньше времени! — прошипел фокусник.

— Извините, — сказал человек и полез обратно в сундук.

Орфей пел, аккомпанируя себе на арфе, Ронсар резал своей пилой. Садистски медленно он опускал врачающийся диск, пока он почти не коснулся обнаженной диафрагмы храброй женщины, готовой на все, что угодно — но только один раз. «Ну, — успела сказать она, — на этот раз я, кажется, вляпалась по-настоящему». Анестезиолог ввел ей полный шприц нуци-зита. Резиновые перчатки хирургов скрипели. Рраз! Фокусник опустил пилу, сделал пробный разрез по ребрам, довольно явственно скрипнул зубами и принялся за дело. Пила со скрежетом вошла в тело. Как вода из дырявого шланга, брызнула кровь. Куски плоти разлетались в воздухе по параболам ужаса. Хирурги быстро включились в работу, скрепляя поврежденную плоть зажимами, убирая кровь тампонами, зашивая швы.

— Вот это трюк! — восхитился робот.

— А мне все это не очень нравится, — признался Мишкин.

Пила уже прошла через главные вены и артерии. Хирурги, работавшие с точностью балетной труппы, состоящей из отлично подготовленных танцоров, зашивали и накладывали швы. «Ух!» — произнесла женщина, и анестезиолог тут же вкатил ей еще пять кубиков нуци-зита и порядочную порцию болеутоляющего средства пэйн-из.

Желудок был наконец разрезан насеквоздь, склеен специальной лентой для заклеивания кожи.

— Я успею продезинфицировать пилу? — спросил один из хирургов.

— Занимайся своим делом, — бросил доктор Зорба.

Спина брюнетки была пропилена полностью, наложили шов с помощью двух пластмассовых накладок и полпинты клея «Элмер». Пила фокусника уже вгрызлась в стол. Анестезиолог извлек из сундука столя-

ра, и тот на месте произвел ремонт. Девица храбро улыбалась. Фокусник отключил пилу и поклонился Мишкину и роботу.

— В следующем номере нашего представления, — начал было фокусник, — я на ваших глазах...

Он вдруг замолчал, и тут все услышали отдаленный свисток паровоза, а вскоре появился и он сам, с тремя прицепленными вагонами, укладывая перед собой рельсы по мере продвижения.

— Жаль, что я не смог закончить представление, — сказал фокусник, поднимаясь на площадку первого вагона. — Вот всегда так — что-нибудь да произойдет.

— Ваш билет, — строго сказал кондуктор.

Фокусник вынул из цилиндра билет. Поезд медленно тронулся.

— Как вам понравилось представление? — крикнул фокусник.

— Просто великолепно! — прокричал в ответ Мишкин.

— Это еще что, — крикнул Ронсар. — Вот подождите финала!

— А когда он будет?

— Он уже начался, прямо сейчас!

— Как начался? — закричал Мишкин. — И кто же вы?

Но поезд был уже далеко, и Мишкин не услышал слов Ронсара, даже если тот и ответил ему.

Мишкин и робот провожали глазами поезд, пока он не скрылся из вида.

— Странно я себя чувствую после всего этого, — сказал Мишкин.

— Зеркала, — пробурчал робот. — Сплошная болтовня и театральные эффекты.

Так они и стояли под небом, отражавшим землю, которая отражала небо, и обсуждали зеркала и сценические эффекты.

20. Причуды роботов

Робот не всегда был таким брюзгой, как сейчас. Когда-то он был юн, гулял под лаврами, а с неба на него смотрели глаза ивовых деревьев. И он рыдал в темных аллеях, сгорал от любви и завоевывал сердца. Сын Гефеста *, истинный землянин, он невольно являлся отражением взглядов людей, для которых личность существовала только как их собственное подобие.

В общем, робота можно было рассматривать как сумму его связей с миром плюс восемьдесят восемь фунтов металла и пластика. Роботы обожают мягкие на ощупь вещи, чтобы сильнее чувствовать собственную жесткость. Роботы округа Скенектеди, например, поклоняются существу, которого они называют белый кожаный человек. И нет среди роботов своего Фрейда, который смог бы объяснить это. Кульминация любви завершается у них выделением горячей смазки — как у автомобилей.

А еще они имитируют принятие пищи. На 125-ой улице живет робот-негр, который водит розовый кадиллак. Существуют роботы-евреи, специалисты по толкованию Библии, из сочинений которых сочится куриный жир. Есть и роботы-гомосексуалисты, которые увлекаются танцами и любовью.

Давным-давно один молоденький робот забрел слишком далеко от фабрики, на которой он работал.

* Гефест — согласно греческой мифологии, бог огня, покровитель кузничного ремесла.

Один-одинешенек, наш заблудившийся робот смело пустился в путешествие через глухой лес.

Как хорошо он это помнил! Он словно сошел с ума. Неясное желание властно влекло его неизвестно куда, и он подчинился ему. Мишкин казался ему весьма несовершенным, но робот испытывал к нему необъяснимую симпатию. Так он был запрограммирован, и ничего уж тут не поделаешь.

21. Голоса предков пророчат будущее

Экспериментальные психозы, вызванные экспериментальными психопатами

«Мишкин, иди сюда! Тебе нечего терять, кроме своих заблуждений!»

«Плата за вход — твоя предпосылка!»

«Мишкин, плюнь ты на эту никому не нужную деталь! Пусть она катится подальше, живи сегодняшим днем!»

«Повесь свою логику вон там!»

«Единственный путь из повторно-принудительной системы — это новизна. Оригинальность вместо порядка. Никогда не пытайся предугадать свою реакцию. Живи в этом мире так, словно это и есть настоящий мир!»

«Мишкин! Ты не должен жить так, словно твоя жизнь — это только подготовка к жизни. Подготовка — это иллюзия. То, к чему ты готовился, и есть то, чем ты занимаешься, то есть подготовка».

«Князь Мишкин, прошу вас, проснитесь и пострайтесь осознать, кто вы есть!»

«Ты ищешь предмет, застрявший в твоей памяти, как камень в иле высохшего пруда. Это трогательно, но отнюдь не убедительно. Ты что, все еще считаешь, что необходимо продолжить поиски? Ведь именно сейчас ты, возможно, решаешь проблемы будущего, даже не подозревая об этом!»

«Эй, Мишкин, вот яйцо, которое тебе понадобится в будущем!»

«Я потерял туфельку моей любимой при весьма печальных обстоятельствах. Но Мишкин нашел ее!»

«Мишкин, вот она, чаша Грааля, прямо здесь!»

«Вы только подумайте! Он нашел затерянный город атлантов!»

«Разрази меня гром! Он открыл заброшенные голландские копи!»

«Клянусь, что он наткнулся на священную гробницу!»

«Иллюзия того, что цель оправдывает средства, смертельно опасна, но было бы легкомысленным сопротивляться ей. Угрызения совести только возвышают нас. Иногда нам просто необходимо остановиться, оглянуться и ждать, когда нас поглотят!»

«Откройте ворота! Пусть войдет Мишкин!»

«Чувствую, что где-то происходит утечка памяти. Кто-то из нас недостаточно внимателен».

«Мишкин обнаружил Белую Богиню!»

«А также кувшин с золотом на краю радуги, потайную пещеру, в которой живут сирены*, гробницу Карла Великого**, зал Барбароссы***, книги Сивиллы****, философский камень***** — и это далеко не все!»

* Сирены — в греческой мифологии полулутицы-полуженщины, завлекавшие моряков своим пением и губившие их.

** Карл Великий — первый император Священной Римской империи (с 800 г.), король франков (с 768 г.).

*** Барбаросса — Фридрих I Барбаросса — император Священной Римской империи (с 1155 г.). Согласно легенде, спит в подземном зале горы волшебным сном и проснется, когда Германия будет угрожать смертельная опасность.

**** Сивиллы — легендарные прорицательницы, упоминаемые античными авторами.

***** Философский камень — по представлениям алхимиков, вещество, превращавшее неблагородные металлы в золото и даровавшее вечную молодость.

22.

Мишкин жил в маленьком симпатичном домике с маленькой симпатичной женой, у маленького симпатичного виноградника. Все, что его окружало, было симпатичным и имело небольшие размеры. Разумеется, были и исключения: огромный симпатичный пес, огромное несимпатичное кресло и маленький, но вовсе не симпатичный автомобиль. И все-таки все вокруг было так прекрасно и имело такие небольшие размеры, что об этом можно было только мечтать.

Однажды...

КАРТИНКА ИЗ БУДУЩЕГО

На первый взгляд он казался глубоким стариком лет за семьдесят: седые космы, шаркающая походка, трясущаяся нижняя губа, набухшие вены на руках. Каково же было удивление Мишкина, когда он узнал, что его собеседнику всего двадцать три года.

— Один-единственный случай довел меня до такого состояния, — прошамкал старик.

— Вероятно, это было нечто ужасное? — сочувственно спросил Мишкин.

— Будет еще, — поправил его старик. — Понимаете, по причине неисправного реле в пространственно-временном континууме, я вспомнил об одном событии, которое произойдет в будущем. Глагольные формы — вещь довольно сложная, и, может быть, мне следовало сказать «произошло в будущем», но я уверен, что вы понимаете, о чем я говорю.

— Кажется, понимаю, — сказал Мишкин. — Но что это за событие, которое было или будет и которое настолько изменило вас?

— Молодой человек, — ответил старик, — я был свидетелем последней и решительной битвы Земли с черными дьяволами из системы Арктура.

— Расскажите мне об этом, — попросил Мишкин.

— Именно это я и собираюсь сделать, — прошамкал старик, располагаясь поудобнее, насколько это позволяли ему его слабые кости.

23. Земля против черных дьяволов из системы Арктура

Космический супердредноут класса ХК-12Х под командованием капитана Джона Маккоя, несущий патрульную службу за южным звездным поясом, первым принял сообщение, от которого вскоре пришла в ужас Земля. А началось все с того, что радиист второго класса Рип Холлидей появился в капитанской рубке с озабоченным выражением на добродушном лице.

— Садись, Рип, — гаркнул капитан. — Выпьешь что-нибудь? Ли Пян Хао, наш добрый кантонский кок, только что сварил отличное какао, и действует оно здорово, поверь мне. А может, ты хочешь контрабандного печенья, приготовленного из натурального марсианского шоколада?

— Нет, капитан, спасибо, я ничего не хочу.

— Тогда плюхайся в это кресло и выкладывай, что у тебя на уме.

Рип Холлидей развалился в кресле, сохранив, однако, на лице выражение почтительного внимания. Хотя в те времена формально была осуществлена полная бесклассовость, соблюдалася даже высшим начальством, бесцеремонность обращения начальников с подчиненными была неписанным законом. И система эта срабатывала, так как подчиненные никогда не позволяли себе ничего лишнего, усердно соблюдая правила движения.

— Вы знаете, сэр, я...

— Никаких сэров, Рип, в этой каюте! Зови меня просто Джон.

— Вы знаете, сэр Джон, недавно я проводил обычный контроль диапазонов радиоволн В-2 и применил искатель нулевого отсчета с произвольным отбором, просто так, чтобы поглядеть, как он работает. Если вы, сэр, помните уравнение Талберга-Мартина, то поймете, что из него следует...

Капитан ухмыльнулся и протестующе поднял широкую сильную ладонь.

— Радио — это твое дело, Рип, а я всего-навсего шофер межгалактического грузовика и никогда не изучал ничего дальше преобразований серии сигма. Так что выкладывай на нормальном английском языке — что ты поймал?

— Сигнал, — быстро ответил Рип. — Он был настолько громким, что я чуть не оглох, пока не включился блок автоматической подстройки частоты.

Капитан кивнул

— Разумеется, ничего серьезного? Наверное, обычный звездный радиоэффект?

Холлидей покачал головой

— Ничего подобного.

— Сигнал отражения?

— При нашей скорости и координатах это невозможно.

— И никакого шанса на то, что это чисто механический эффект — вызванный, предположим, трением собравшегося в кучу космического мусора?

— Никакого шанса, сэр. Конфигурация волны совершенно иная. Кроме того, принятый мной сигнал был частотно модулированным!

Капитан негромко присвистнул.

— Никакие естественные заряды не могли вызвать этого?

— Нет, сэр Джон. Только разумные существа могли воспроизвести сигнал такой формы волны.

— Мда-а, — задумчиво протянул капитан.

— А может, это сигнал от одного из наших кораблей? — с надеждой спросил Рип.

Капитан покачал головой.

— Ближайший земной патруль находится сейчас по ту сторону Фиона-2.

Рип присвистнул.

— Это означает, что мы столкнулись с совершенно неизвестной формой разумной жизни и что мы с ними сближаемся.

— Это первый контакт Земли с внеземным разумом, — тихо произнес капитан, глядя на Рипа. — Мне кажется, надо обратиться к Марву Пейнтеру, чтобы он срочно расшифровал эти импульсы.

На побледневшем лице Рипа еще отчетливее простили веснушки.

— Бегу, Джон, — сэр, я имею в виду.

Дверь скользнула в сторону и выпустила рыжего радиста. Оставшись в одиночестве, капитан сел и стал рассматривать стереофотографии своей жены и троих детей. Потом он молча выпил стакан гаторада и нажал на клавишу интеркома.

Он объявил команде, что, если не будет доказано обратное, им придется действовать, исходя из предположения, что перед ними неизвестная форма разумной жизни, намерения которой абсолютно непредсказуемы. Однако он умолчал об уравнениях Рэнда-Ори, которые предсказывают вероятность враждебного характера первого контакта порядка 98,7%. Он решил, что не стоит раскрывать все карты, пока намерения инопланетян неясны. Ожидание катастрофы оказалось бы негативное влияние на эффективность и слаженную работу того механизма, которым была команда.

Инженер Дафф Макдермот протиснулся по смотровому проходу нижнего уровня, чтобы уже в двадцатый раз за последний час взглянуть на показания датчиков привода. Стрелки спокойно подрагивали в зеленой зоне, как им и было положено, но Макдермот не мог оторвать от них взгляда, так как знал, что до момента контакта оставалось всего 2,0045 часа.

— Интересно, как они выглядят? — спросил его Эрик Томкинс, помощник заместителя инженера. Его огромный кадык ходил ходуном, на добродушном лице ясно была видна растерянность.

— Наверняка какие-нибудь исчадия ада, — отозвался Макдермот. В самое ближайшее время ему

пришлось припомнить эти слова, и он не мог от-
делаться от мысли, что кто-то навязал ему их.

— Марв, — спросил капитан, — как идут дела?

— Неплохо, — ответил Марв Пейнтер, угловатый, застенчивый гений кибернетики. — Мы получим более или менее ясное представление обо всем, как только я подсоединю отражатель нулевого импульса с обратной связью к цепи воспроизведения и подключу блок трансляторов к вводному блоку второй ступени компьютера.

— То есть, по-твоему, мы поймем их? — спросил Маккой.

— Ну конечно! Это, естественно, не будет прямым переводом, ведь у нас нет лексического запаса. Но если мы настроим компьютер на звуковое восприятие в терминах вероятных значений и будем поддерживать на уровне петлю непрерывной обратной связи, чтобы обеспечить дальнейшее разделение хаотических понятий, то мы должны получить точный аналоговый отбор информации. Это моя собственная идея, сэр. Но если вы считаете, что нам следует применить другой метод, то...

— Марв, — перебил его Маккой, — основной закон межпланетного сотрудничества гласит, что пусть те, у кого есть мозги, занимаются своим делом, а у кого их нет — пусть сидят и ковыряют пальцем в носу, попивают кофе и держат язык за зубами. Я всего-навсего космический шофер, а ты у нас кибернетик, и если ты говоришь что-то — то это закон для всех, разумеется, когда это касается твоей узкой специальности.

— Благодарю за доверие, кэп, — ответил Марв, выдавив на лице улыбку. — Если бы земные правительства управляли своими странами, как вы кораблем, то человеческой расе было бы обеспечено спокойное плавание.

— Ладно, брось ты это, — в голосе капитана прозвучала старомодная грубо-ватая искренность. — Я просто действую согласно правилам и здравому смыслу, жестко, но справедливо, и отношусь к любому члену экипажа так, словно в нем заключен целый мир,

несмотря на социальные различия, являющиеся следствием системы функциональной подчиненности. Ну так что, работает твоя установка?

Марв Пейнтер включил прибор. Видеоэкран ожила, и на нем появилось изображение интерьера чужого космического корабля. За пультом управления сидел инопланетянин. Он был двуногим, но на этом и заканчивалось его сходство с человеком. Это создание внеземной жизни было ярко-зеленого цвета, около восьми футов роста и очень массивным. У него был хитиновый экзоскелет. На лбу торчали усики антены, а глаза располагались на торчащих отростках. В огромной раскрытое пасти блестел двойной ряд острых белых зубов, похожих на акульи.

Инопланетянин заговорил: «Много приветствовать вас, гнусные, червеобразные формы жизни безмозглой. Меня называть Танатос Супербам, я — генерал рода малахитов, лорд редута стервятников, чрезвычайный принц О'Нилс, и у меня еще очень много титулов, как наследственных, так и приобретенных. На колени, мразь, и внимайте с почтением своему господину, который выше вас умственно, физически и морально! Назови свое имя, ничтожество, ранг и номер да объясни мне покороче, почему бы мне не сделать из твоих костей хорошую кашу. Прием..»

— Странная манера выражаться, — пробормотал инженер Макдермот.

— Странная и гнусная, — нахмурившись, сказал капитан.

— Дело в том, — сказал Марв, — что компьютер вынужден подбирать выражения, исходя из ближайших аналогичных идиом земного языка и руководствуясь при этом запасом в блоках памяти. Потому и получается иногда какая-то несуразица.

— Но эмоциональные и информационные соответствия выдержаны, так ведь? спросил капитан.

— Боюсь, что да, — удрученно ответил Марв.

— В таком случае, проблема контакта осложняется. У меня создалось впечатление, что чужак настроен довольно агрессивно.

— У меня тоже такое впечатление, — признался Марв. — Но он ждет ответа, капитан.

— Сейчас он его получит, — буркнул капитан и включил микрофон. В нем кипела ярость, распирая его, как газ, расширяющийся по закону Бойля. Но усилием воли он заставил себя вспомнить межперсональные уравнения Мартинса-Тернера, которые являлись частью гипнотического обучения каждого гуманоида, уровень интеллекта которого был выше четвертой ступени. В один миг капитан стал холoden, как лед, обретя способность к объективному мышлению. Он подумал: «Я услышал слова, которые могли отражать объективную реальность, а могли и не отражать. В любом случае, я не должен реагировать на них эмоционально, моя задача — а) объективно разобраться в возникшей ситуации, б) сделать все возможное, чтобы не повредить Земле и всему человечеству».

Слава богу, что существует Коржибски, подумал капитан.

— Приветствую вас, Танатос Супербам, — сказал он в микрофон. — Я командир этого корабля. Меня зовут Маккой. У меня дружеские и мирные намерения, как и у всей моей расы. Я хочу поладить с вами, и надеюсь, что это взаимное желание.

— Кровь, пот и ходят! — воскликнул Супербам. — Я чую американскую кровь! К дьяволу дружбу — меч, а не мир! Пусть сцепятся когги! *L'audace, toujours l'audace!** Не хотеть сдаваться, будем драться, драться, драться!

— Если даже предположить, что все это аналоги из лексикона наших далеких предков, то все же этот парень явно груб и истеричен, и вряд ли он захочет мирно решить дело, — сказал капитан. Он вновь включил микрофон и предложил Супербаму решить дело мирным путем.

— Мир годится только для ваших коммунистических противников-слабаков! — зарычал чужак. — А теперь слушайте мое предложение. Я даю вам право выбора. Вы можете выбрать мгновенную аннигиляцию, которую вам обеспечит наше смертоносное оружие, с последующим уничтожением вашего кос-

* *L'audace, toujours l'audace* (фр.) — отвага, всегда отвага.

мического флота и завоеванием Земли, после чего мы вставим в мозг каждого землянина радиоуправляемый блок, чтобы все они стали нашими рабами и могли испытать мучения худшие, чем смерть! Но у вас есть другая альтернатива.

— То есть?

— То же самое, но можем более благосклонно отнестись к вам, если вы не будете сопротивляться.

— Оба предложения неприемлемы, — хмуро заявил капитан Маккой.

— Ну что же, я вас предупредил. Будьте бдительны! Избегайте клинча — и пусть победит сильнейший! Трепещи, незнакомец, ведь я со своими ребятами вышибу мозги у твоей банды, а каким способом — это меня не волнует!

Капитан вздохнул и приказал команде занять боевые посты. Он мысленно отрегулировал температуру кожи и содержание адреналина в крови, так как чувствовал, что впереди — тяжелые испытания.

24. Новости с другого уровня

В месте, расположение которого невозможно выразить в пространственно-временных эквивалентах, встретились три существа. Ради этой встречи они приняли земное обличье, хотя на самом деле выглядели совершенно по-иному. Главный из них, известный своим высоким моральным уровнем, называл себя Ка — лишь для того, чтобы можно было как-то обращаться к нему. Еле заметный нимб окружал его атлетическую фигуру и прекрасной формы голову.

— Не будем терять времени, — заявил Ка. — Всем присутствующим известно, что космические флотилии Земли и Супербама должны сразиться в соответствии с непреложными законами дуализма. Мы знаем также, что Земле свойственно многое, что мы одобляем, в то время как Супербам — это олицетворение зла. Нет необходимости подчеркивать, что победа Земли крайне желательна для нас. Мы осознаем также тот факт, что у Земли очень мало шансов — если только не вмешаемся мы. Надеюсь, нет смысла обсуждать сказанное? — Его собеседники согласно кивнули. Один из них, Де-Ао, сказал:

— Я тоже считаю, что нет смысла обсуждать то, что и так ясно. Нам остается лишь решить, в какой форме будет осуществлено наше вмешательство и в какой момент это произойдет.

— Мой анализ совпадает с представленными ранее, — заявил третий, которого называли Менингом. —

Необходимо лишь решить, что и когда предпринять, поскольку все остальное и так ясно.

— Боюсь, — сказал Ка, — что мы не можем позволить себе вмешиваться и помогать Земле.

Два других существа ошеломленно уставились на него.

— Земля должна сама пройти через это, — пояснил Ка. — Вы сами убедитесь в этом, если попытаетесь решить некоторые уравнения Фурье десятого порядка.

Его собеседники произвели в уме расчеты и убедились, что Ка прав.

— Печальный результат, — вздохнул Менинг.

25. Служба срочной доставки

— Мы доставляем все, что нужно и когда нужно, — гордо сказал мистер Монитор.

— Именно такая служба мне и нужна, — обрадовался Мишкин.

— И не вам одному! В сегодняшнем, все более усложняющемся мире, нельзя ожидать от людей, чтобы они сами решали свои проблемы. Люди должны выполнять свой долг и не размениваться на мелочи жизни. Наша задача — снабдить их всем необходимым, чтобы помочь справиться с трудностями. Ваша проблема — это именно то, для чего мы нужны. Вы занимаетесь своим делом, мы своим, и все довольны.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — заметил Мишкин.

— И все же это так, — ответил мистер Монитор.

— Мне необходимо, — сказал Мишкин, — получить запасную часть к двигателю, обозначенную в каталоге под индексом L-1223A.

— Слушаю и повинуюсь. А вы в состоянии заплатить за нее?

— Отнесите стоимость на мой банковский счет.

— Вот такие клиенты мне по душе! Одна запасная деталь к двигателю, индекс по каталогу L-1223A, к отправке.

Мистер Монитор показал Мишкину вырезки из газет «Нью-Йорк таймс», «Виллидж войс», из журнала «Нью-Йорк мэгэзин», где вовсю расхваливалась дея-

тельность фирмы — а какие рекомендации могут быть лучше? Мистер Монитор удалился.

Мишкин присел на пенек и стал ждать. Через несколько часов он услышал треск мотоцикла и вскоре увидел самого мотоциклиста в кожаной куртке и замшевом берете. К багажнику его мотоцикла был привязан большой сверток.

За пятьдесят ярдов от Мишкина мотоцилист налетел на пехотную мину, и взрыв разметал на куски человека, мотоцикл и сверток.

— Бог дал, бог и взял, — вздохнул Мишкин.

26.

Мишкин шел через лес, наслаждаясь его красотой, впитывая в себя его запахи и звуки, чувствуя кожей воздух, вызывающий самые возвышенные чувства. С губ его готова была сорваться песня, пальцы бессознательно пощелкивали в такт неуловимому ритму. И в таком вот настроении он наткнулся на человека, привалившегося к дереву. Глаза его были закрыты. Казалось, он не дышит, но на мертвца он не был похож. На обнаженной груди человека Мишкин увидел бронзовую табличку со словами «Включите меня». Над табличкой был установлен тумблер.

Мишкин повернул его.

Глаза человека открылись, он схватился за голову, качнулся, и, несомненно, упал бы на землю, если бы Мишкин не подхватил его и не помог сесть.

— Благодарю вас, дорогой сэр, — сказал человек. — Меня зовут, вероятно, Алекс Тонкин, и я вам весьма признателен, хотя, вероятно, было бы лучше, если бы вы не включали меня — ведь сейчас, когда ко мне вернулось сознание, страх снова угрожает пересилить мою неустойчивую психику.

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовался Мишкин.

— Я услышал голос, который сказал: «Для того чтобы убить его, мы должны убить все его "Я"». Я мгновенно понял, что спастись можно только в том случае, если скрыть факт множественности собственной личности. Это можно назвать передней линией

обороны. Второй линией обороны было присутствие этих «Я» и их взаимодействие. Я сразу понял, что мои «Я» должны быть уничтожены одновременно или через очень короткие интервалы, чтобы мои «Я» не успели сообразить, в чем дело, и принять защитные меры. Понимаете?

— Вроде бы да, — ответил Мишкин.

— В таком случае вы сошли с ума, и я умолкаю. Послушаем, что скажет мой обвинитель.

Обвинитель слез с дерева и встал перед Мишкиным, укоризненно глядя на него и грызя яблоко.

— Ты не имел права включать то, что было выключено, — заявил он.

— Послушайте, — возразил Мишкин, — если Бог не хотел бы допустить этого, он не установил бы тумблера на груди этого человека.

— Справедливо... но мудрость Бога безгранична, и он сделал так, что тумблер можно повернуть в положение «выключено».

— Но ведь Бог повесил на груди этого бедняги табличку с надписью «Включите меня».

— Данное толкование чревато последствиями, — заметил обвинитель.

— Я совсем не собирался вмешиваться, — сказал Мишкин. — И мораль мне совершенно ясна — люди с тумблерами на груди вообще не должны существовать.

— Что? — закричал обвинитель. — Что вы сказали? Вы что, совсем свихнулись?

— А что я такого сказал? — удивился Мишкин. — Что случилось? Где я?

— Мы обсудим ваши действия, — сурово сказал обвинитель, — и сообщим результаты.

27. Зал кривых зеркал

В людях можно искусственно выработать автоматизм действий. Можно даже сказать, что автоматизм заложен в природе людей. Мы находимся во власти собственных эмоций. Мы плавем по течению наших желаний и наших неприязней, подчиняясь то своей, то чужой воле.

Давайте возьмем для примера предмет, любой предмет. Апельсин, например. Но наше сознание противится апельсину, он круглый и оранжевый — слишком примитивно. Давайте возьмем что-нибудь другое. Но мы уже по рукам и ногам связаны апельсином. Толстая, пористая кожура. С апельсином можно связать любое количество ассоциаций, но в большинстве своем они банальны. Апельсин необходимо вычеркнуть из списка предметов, которые можно использовать в качестве примера ассоциативного мышления.

К черту грузовики с апельсинами, хватит уже возиться с апельсинами. Апельсины занимают слишком много места. Возьмем апельсин. Мы уже взяли достаточно большое количество апельсинов. Апельсин уже стал успокаивающим средством для мозга. Почему бы нам не взять кишку? Легко визуализируется, способна обеспечить множество разнообразных функций. Но кишки слишком запутаны. Кишки все закручиваются и закручиваются и, в результате, получаются оранжевыми. Внутреннее содержание кишок не очень

привлекательно. Вероятно, лучше всего вернуться к апельсинам.

Возьмем апельсин. Берите его скорее, пока он не взял вас. Мир апельсинов, вероятно, не настолько сложен, чтобы в нем нельзя было разобраться.

Возьмем тему Мишкина и апельсинов. Многие годы Мишкину было наплевать на апельсины. Но мы-то знаем, что отсутствие какого-то предмета предполагает возможность его присутствия. Итак, мы вкладываем в сознание Мишкина понятие об апельсине и начинаем прослеживать множество различных связей.

Ясно одно: Мишкин никогда не осознавал своего слепого увлечения апельсинами. Мишкин и анти-апельсины. Апельсины и анти-Мишкин. Мы не должны, однако, совершать ошибку, предлагая простую оппозицию. Непростительное пренебрежение Мишкина к апельсинам не должно обязательно повлечь за собой образование двух противоположностей. Вероятно, наиболее удобно использовать речевой термин, называемый оксимороном: слияние противоположностей. Два несовместимых предмета не могут быть взаимными. Взаимодействие теряется в оксимороне.

28.

— Чудовище, которое убивает скучой, — рассказывал робот, — тоже обитает в этих местах. Голос его мощный и властный. Заявления его неоспоримы и невероятны. Внешность его безупречна и отталкивающа. Если оно встретится на вашем пути, вы по желаете, чтобы оно сдохло, хотя оно и не сделало вам ничего плохого, абсолютно ничего. Оно рассуждает с вами об этом вполне приличным тоном. Напряжение нагнетается до невыносимости, ваша неспособность к действию приводит к апатии, которая еще больше усиливается от чрезвычайной монотонности ситуации. И поскольку вы не в состоянии убить его, оно убивает вас.

— А где оно сейчас? — спросил Мишкин.

— Убивает скучой рыбу себе на обед, читая ей лекцию о неотъемлемых правах рыб.

— Прошу прощения, — сказала рыба, — но еще ни одну рыбку не убили скучой.

— Валай отсюда и сделай из себя чучело, — огрызнулся робот.

29. Путаница, которая является ключом к пониманию

Мишкин увидел телефон последней модели, установленный на плоском белом камне. Когда Мишкин подошел, телефон зазвонил.

— Алло, — сказал Мишкин, сняв трубку.

— Том? Том Мишкин? Это ты?

— Я, — ответил Мишкин. — А кто это?

— Твой дядя, Арнольд Эпстейн. Как дела, Том?

— Неплохо, — ответил Мишкин. — Правда, есть кое-какие проблемы.

— А у кого их нет? А как твое здоровье, нормальное?

— Отличное, дядя Арнольд. А у вас?

— В общем-то в порядке. Том, я очень рад тебя слышать!

— Дядя Арнольд, а как вам удалось дозвониться до меня?

— Это подарок компании «A & P». Я оказался их миллионным клиентом, и они подарили мне полную корзину бакалейных товаров и предоставили право заказать один телефонный разговор с любым человеком, где бы он ни находился.

— Очень приятно, что вы вспомнили именно обо мне. Спасибо.

— Для меня огромное удовольствие слышать твой голос, Том. А кстати, как твои родители, здоровы?

— Все в порядке, — ответил Мишкин.

— А твоя сестра?

- Отлично. Она сейчас в Европе.
- Ну и прекрасно. Кстати, а где ты сам, я не совсем понял оператора.
- Я сейчас на планете под названием Гармония.
- Хорошее местечко?
- Вроде бы ничего.
- Ну что же, отличные каникулы. Том, я могу что-нибудь сделать для тебя?
- Вообще-то да, — ответил Мишкин. — У вас есть при себе карандаш и листок бумаги?
- Ты же знаешь меня, Том. Я никогда не расстаюсь с карандашом и бумагой.
- Тогда записывайте: деталь к двигателю, номер по каталогу L-1223A. Мне она позарез нужна.
- Записал. А что, на этой планете нет филиала фирмы «Ширс & Ребюк»?
- Нет, дядя Арнольд, ничего подобного здесь нет. Это довольно неожитое место.
- Как Тобаго?
- Еще хуже. Дядя Арнольд, попробуйте сделать так, чтобы деталь отправили как можно скорее.
- Том, все будет в порядке. Ты помнишь Сеймура Галстейна, сына лучшего друга нашей тетушки Ра-шель, Герти? Так вот, сейчас этот Сеймур устроился разъездным экспедитором систем межпланетного снабжения, компания «F.B.CROUL». Я сегодня же достану эту деталь и вложу ей прямо в руки, а он доставит ее тебе через пару часов, в крайнем случае через день.
- Вот это здорово, дядя Арнольд. Это действительно будет так быстро?
- Можешь положиться на меня, Том. Разве твой дядюшка Арнольд подводил тебя хоть раз в жизни?
- Даже не знаю, как и благодарить вас, дядя Арнольд!
- Брось ты это, Том, живи спокойно. Позвони мне, когда вернешься домой.
- Мишкин повесил трубку, уселся поудобнее и расслабился. Уж если его дядя Арнольд сказал, что дело будет сделано, значит, так оно и будет. Правительства могут наобещать больше, чем они в состоянии выполнить, ученые могут быть слишком оптимистичными насчет результатов своих исследований, работы могут

преувеличивать свои способности, но дядя Арнольд заставлял мир крутиться, в то время как остальные лишь беспомощно разводили руками. Возможно, дядя Арнольд был несколько скучноват, но абсолютно незаменим. Кстати, черепаху, на панцире которой стоял Геркулес, держа на своих плечах землю, тоже звали Арнольдом.

30.

Мишкин и робот подошли к дереву. На кончиках его ветвей висели голубые глаза с густыми ресницами. Они все повернулись и уставились на Мишкина.

— Я был уверен, что вы выйдете на меня, — раздался голос из висевшего на стволе динамика. — Надеюсь, сэр, вы не станете отрицать, что вас зовут Томас Мишкин?

Да, это я, — ответил Мишкин. — А вы кто?

Я сборщик налогов, замаскировавшийся под дерево, — ответил сборщик налогов, замаскировавшийся под дерево.

— Боже мой, удивился Мишкин, — и вам не лень было тащиться за мной на Гармонию?

— Именно это я и сделал. Это довольно забавная история. Однажды, когда мистер Оппенгеймер, глава агентства «Не Глюс Ультра Коллекшн», в котором я работаю, находился в состоянии комы в местном классе Тай Чи Хуана, его осенило вдохновение. Оппенгеймер внезапно осознал, что смысл жизни — в ее завершенности и человек может судить о своей жизни по тому, насколько основательно он исполняет отведенную ему роль. Основательностью мистер Оппенгеймер не мог похвастаться, он был довольно беззаботным человеком, собирал долги нерегулярно, иногда, правда, поднимал шум по поводу зарвавшихся должников, но в конце концов посыпал все к чертям. Так вот, задумавшись о завершенности жизни, Оппен-

геймер достиг состояния сатори *. К черту половинчатые решения, подумал он, уж если я глава агентства по сбору налогов, то я превращу это выколачивание денег в целенаправленное, соответствующее этическим нормам предприятие. Пусть мир не поймет меня, но, надеюсь, будущие поколения по достоинству оценият кристальную чистоту моих помыслов. — Итак, — продолжал сборщик налогов, — Оппенгеймер вступил на тернистый путь Дон Кихота, который, скорее всего, приведет его к банкротству в течение года. Он собрал всех служащих и сказал: «Джентльмены! На этот раз мы намерены покончить с долгами одним махом. К черту полумеры! Наша сегодняшняя цель — стопроцентный охват должников, да нападет на них паранойя **! Выжмите из них все долги, будь это один доллар или миллион. Отправляйтесь в Сан-Себастьян, на Самоа или Самбал-4, если в этом будет необходимость, и не беспокойтесь о расходах. Для нас сейчас самое главное — это принцип, а принципы всегда непрактичны. Откажемся, ребята, от принципов реальности! Итак, в путь, выколачивайте все долги и помните, что ваша цель — завершенность!»

— Стиль его речи напоминает мне 1960-е годы, — заметил робот, — а ведь сейчас 2138 год или что-то около того. Кто-то ведет нечестную игру.

— Отвали! — рявкнул автор.

— Это был призыв к оружию, — продолжал сборщик налогов, замаскировавшийся под дерево. — Вот почему я оказался на Гармонии, мистер Мишкин. В основе этого лежит возвышенная миссия Оппенгеймера, и я вытрясу из вас все долги, сколько бы времени, нервов и финансовых расходов мне это ни стоило.

— Я все еще не могу в это поверить, — сказал Мишкин.

* Сатори — религиозно-этическое учение.

** Паранойя — общее название психических расстройств, характеризующихся стойким систематизированным бредом (преследования, ревности и т.д.).

— И все же это так. У меня на руках документ, в котором представлены данные по всем вашим долгам, мистер Мишкин. Заплатите ли вы свои долги без ненужных эксцессов или мне придется принимать соответствующие меры?

— О каких долгах идет речь? — осведомился Мишкин.

— Прежде всего речь пойдет о подоходных налогах — федеральных, городских и налогах штатов. Что, никак не могли выкроить часок, чтобы заплатить их в прошлом году, мистер Мишкин?

— Это был трудный год.

— Итак, вы должны Дядюшке Сэму восемь тысяч семьсот пятьдесят три доллара пятьдесят один цент. Далее, алименты. Вроде бы не замечали их в течение года или около того, Мишкин, не так ли? Ну что ж, в итоге вы задолжали бедной покинутой Марсии и малютке Зельде кругленькую четырехзначную цифру. Кстати, у Марсии сейчас новый дружок, а малютку Зельду недавно исключили за неуспеваемость из интерната. Марсия просила передать вам, что живет неплохо, счастливо тратит лучшие годы жизни и желает получить свои кровные денежки как можно скорее, иначе она загонит вас в гроб так быстро, что вы и рта не успеете раскрыть. Она просила добавить также, что благодаря психоанализу она нашла наконец в себе силу заявить вам, что вы всегда были паршивым парнем и что все нормальные люди идут на разрыв, когда дело доходит до таких, как у вас, извращений.

— Это очень похоже на нее, — заметил Мишкин.

— Пойдем дальше. Вы должны Марти Барген菲尔ду тысячу долларов. Он ваш лучший друг, если вы запамятали, или, во всяком случае, был им. Он, по крайней мере, до сих пор убежден, что это так, хотя вы и отвернулись от него без всяких причин. Можно даже сказать, что вы его избегаете, хотя единственное, что можно вменить ему в вину — это то, что он сделал глупость, одолжив вам деньги, когда вы расходились с Марсией, и к тому же вам нужно было уплатить за аборт Моники.

— Как поживает Моника? — поинтересовался Мишкин.

— Прекрасно обходится без вас. Вернулась в Париж, устроилась продавщицей в Галери Лафайет. Она все еще бережно хранит нитку деревянных бус — единственное, что вы подарили ей за время бурного четырехмесячного романа, который вы называли «самым трогательным эпизодом своей жизни».

— Я был разорен, — сказал Мишкин. — И потом она часто говорила, что терпеть не может подарков.

— Но вы-то знали, что это не так, а, Мишкин? Ну хорошо, я вас не осуждаю. То, что ваше поведение, с точки зрения любой приемлемой для вас этики, не вызывает у меня одобрения — это мое личное дело, и вас оно не касается. Далее, обратимся к аптеке «Баухауз», Барроу-стрит, 31, владелец — Чарли Да克斯, добродушный толстяк, который в те годы, когда вы увлекались наркоманией, продавал вам в неимоверных количествах таблетки фенобарбитала и капсулы дексамила, а также лубрий, карбитол, нембутал, секонал, дориден и так далее — и все это отпускалось по одному лишь незаполненному рецепту на фенобарбитал. Он занимался этим до тех пор, пока года два назад над ним не сгостились тучи, и ему вновь пришлось вернуться к продаже эксадрина и губной помады. И этого человека, Мишкин, вы обчистили на сто восемьдесят шесть долларов.

— Ну уж на мне он отыгрался, — сказал Мишкин. — Он за все драл с меня втридорога.

— Если вы это знали, то почему не обратились с жалобой куда следует?

— В любом случае, я заплачу ему, как только у меня заведутся деньги.

— На прошлогодние лекарства всегда не хватает денежек, а, Миш? Все мы падали вниз, малыш, но ведь это все отвратительно, не так ли?

— Позвольте мне объяснить, — сказал Мишкин. — Я хочу сделать заявление и настаиваю, чтобы оно было зафиксировано в протоколе. Факты можно рассматривать с разных точек зрения. Подождите немного, я сейчас соберусь с мыслями...

У робота в левой конечности неизвестно откуда появился топор. Он шагнул вперед и проворно срубил сборщика налогов, который и погиб жалкой смертью.

— Но ведь я только что собирался объяснить ему все, — сказал Мишкин.

— Никогда ничего не объясняй, — сказал робот. — Избегай лодырей и не суйся в чужие дела, это их проблемы.

— А что является моим делом? — спросил Мишкин.

— Еще узнаешь, — ответил робот.

31. Использование феноменов ради смеха

Посетите феноменальный мир!

Почувствуйте себя *гуманоидом* — самое потрясающее из всех чувств! Кроме того, вы можете испытать плотскую любовь, слепую ярость, безверие. Вы познаете скуку, апатию, безразличие.

Потрясающее ощущение — вы можете почувствовать, как вас медленно покидает ваша «жизнь»! Вкусите неизбежную «смерть», которая, как вы «знаете», унесет вас в настоящее «ничто»!

Проживите жизнь, полную противоречий! Женись и возжелайте других женщин, обладайте ими, но никогда не испытывайте чувства удовлетворения.

Станьте отцом — и испытайте любовь, заботу, ненависть. Научитесь проявлять чувства в отношении *себя*! Болейте за свою работу, станьте на один уровень с тем, чем вы обладаете.

Почувствуйте себя трусом!

Расстройте свои чувства наркотиками!

Проживите жизнь, похожую на пробуждение от сна смерти, которую освещают редкие вспышки «чего-то еще».

Почувствуйте стремление к «лучшей жизни», боритесь за нее и испытайте тщетность ваших усилий.

Испытайте колебания от внешних и внутренних стимулов. Будьте пассивным рецептором, который действует под влиянием сил, находящихся вне его контроля.

Имейте убеждения, веру, пристрастия и предубеждения — не имея для этого никаких оснований! Почувствуйте опьянение от веры! Потеряйте голову в религиозном экстазе! Спешите!

Ангелы в возрасте до 20000 лет не допускаются в феноменальный мир без письменного разрешения Господа Бога.

32.

— Не принимайте больше никаких транквилизаторов, — предупредил Мишкина механизм жизнеобеспечения. — Воспользуйтесь вместо этого мной. Я очень удобен, полезен, красив, послушен. И главное — вам никогда не придется беспокоиться о том, что я могу выйти из строя и прекратить функционировать.

— Ты хочешь сказать, что никогда не ломаешься? — спросил Мишкин.

— Ну, это было бы слишком необоснованным заявлением! Все создания подвержены поломкам и нуждаются в ремонте. Ничто не имеет иммунитета к расстройству! Вопрос в другом — как справиться с поломками?

— Ну и как же справиться с ними? — спросил Мишкин.

— Что касается меня, — заявил МЖ, — то я оборудован целой сетью взаимодействующих самовосстанавливающихся бесконечных систем. Если у меня происходит авария, я тотчас же ремонтирую себя, используя наиболее подходящую систему. Если же эта наиболее подходящая система повреждена сама, я автоматически переключаюсь на другую систему.

— И все же количество этих систем не безгранично? — спросил Мишкин.

— Разумеется. Но количество возможных комбинаций и рекомбинаций моих систем и подсистем настолько велико, что можно употреблять слово «бесконечно».

— Удивительно, — сказал Мишкин.

— Да, я довольно сложный механизм, именно то, что вам необходимо. Вам совершенно не нужно заботиться обо мне, я могу сам о себе позаботиться. Единственное мое желание — служить.

— А что конкретно ты можешь делать?

— Я могу поджарить яичницу, постирать одежду, сыграть на бандже — и это лишь небольшая толика моих талантов.

— Все это звучит здорово, — сказал Мишкин. — Я подумаю. Но сейчас я хотел бы заметить, что твоя правая передняя шина спущена.

— Черт побери, — воскликнул МЖ, — какая не- приятность!

— Но ведь ты легко справишься с этим, используя свои системы бесконечного самовосстановления?

— Боюсь, что нет, — ответил МЖ. — Именно эту поломку упустили из виду мои конструкторы. Черт побери! Назад, к чертежной доске!

— Весьма сожалею, — сказал Мишкин.

— И я тоже, — ответил МЖ. — Мы бы отлично поладили, если бы не ваша дурацкая привередливость.

МЖ молча развернулся и захромал к лесной опушке, расстроенный, смешной и гордый. И в этот момент с дерева упало три листка.

33. Распространение и пролиферация * подсистем

Орхидий наблюдал за всем происходящим. Мишкин спросил его, что он об этом думает.

— Есть кое-что, чего я недопонял, — признался Орхидий.

— А что именно?

— Да вот насчет трех упавших листьев, почему они упали именно в этот момент?

— Совпадение, — предположил Мишкин.

— Я слышал, как разговаривают машины и как отвечают животные, — сказал Орхидий. — Жизнь полна загадок, но все же в ней можно проследить определенную целенаправленность. Во всем есть какое-то скрытое значение. Но чтобы три листа упали именно там и именно в это время! Вы когда-нибудь слышали о чем-либо подобном?

— Лично меня больше интересуют чудеса, — сказал Мишкин.

— И меня тоже, — сказал Орхидий. — Просто наши мнения насчет чудес расходятся.

— И что же вы ищете? — спросил Мишкин.

— Честно говоря, я и сам не знаю, — сказал Орхидий. — Но я интуитивно чувствую, что как только найду, то сразу пойму, что это именно то, что мне надо. А что ищете вы?

* Пролиферация — прорастание цветка с продолжением верхушечного роста и образование над цветком побега с листьями.

— Я уже забыл, — ответил Мишкин. — Но мне кажется, что я тоже вспомню, как только увижу.

— По-моему, лучше всего не знать об этом, — сказал Орхидий. — Знание о том, что ты ишёшь, мешает тебе искать то, что ты ищешь.

— Вряд ли это так, — сказал Мишкин.

— Значит, по-вашему, я заблуждаюсь? — обрадованно спросил Орхидий. — Мне всегда хотелось впасть в настоящее заблуждение!

Робот уже не мог больше сдерживаться.

— Никогда в жизни не видел подобного легкомыслия! — воскликнул он.

— На мой взгляд, легкомыслie — это возможный путь к спасению, — задумчиво сказал Орхидий. — В любом случае, именно на этот путь я вступил. Ну, а сейчас мои поиски влечут меня в другие места. До свидания, джентльмены.

На опушке леса Мишкин и робот увидели хижину с вывеской: «Харчевня четырех ветров». На пороге их встретил не кто иной, как сам Орхидий, одетый в домотканую рубаху и кожаные штаны.

Мишкин очень удивился, увидев своего друга в роли хозяина харчевни. «Это вполне естественно», — ответил Орхидий и рассказал удивительную историю. Однажды он очутился на этой лесной опушке, усталый, страдающий от жажды и зверски голодный. Чтобы утолить голод, он сварил себе суп из трав и овощей, а потом поймал кролика и сделал из него жаркое.

Мимо проходили люди, усталые, страдающие от жажды и зверски голодные, и Орхидий поделился с ними своим кроликом, а они помогли ему построить хижину. Появились другие прохожие, и Орхидий кормил их, хотя они и не всегда могли заплатить за обед, но чаще всего все же платили. Им казалось вполне естественным, что здесь, на таком бойком месте, стоит харчевня и что Орхидий — ее хозяин. Им и в голову не приходило, что Орхидий просто проходил мимо и остановился передохнуть, что у него есть совершенно другие дела и обязанности. Они считали, что харчевни должны стоять везде, где они необходимы людям, и, естественно, у каждой хар-

чевни должен быть свой хозяин. Прошло время, и Орхидий сам пришел к такому мнению. Он уже начал подыскивать себе работницу. Он сокрушался, что кроликов поубавилось. В каждом из посетителей он начал подозревать инспектора из «Гиде Мишелин». Он намеревался расширить помещение, приобрести установку для приготовления мороженого, получить льготы у компании «Ховард Джонсон», посадить у входа пальмы и украсить их скрытыми в ветвях фонарями. Он вззвинчивал цены в сезон пик и предлагал льготные условия зимой.

— И как это вас угораздило влезть в это дело? — спросил Мишкин.

— В то время это казалось разумным, — ответил Орхидий. — И продолжает казаться.

— Мне нужен одинарный номер с ванной, — сказал Мишкин, — и бак с горючим для моего робота.

— Обычного или специального? — спросил Орхидий и внезапно разразился рыданиями. Он написал объявление, в котором говорилось: «Харчевня закрывается на время продолжения ее хозяином своего путешествия». Он прикрепил объявление к двери и тут же исчез в неизвестном направлении, прихватив с собой лишь переносной телевизор на батарейках и пару позолоченных бейсбольных бит.

34.

Мишкин и робот тоже двинулись в путь. Они поравнялись с деревом, на котором было вырезано: «Орхидий был здесь лично, совершая свое путешествие».

На другом дереве было вырезано: «Путешествие — собственность Орхидия».

И еще на одном: «Все являются статистами в фильме о жизни Орхидия».

— Мне кажется, мы встречаемся слишком часто, — сказал Мишкин. — Вы не считаете, что мы — одно и то же лицо?

— Отнюдь нет, — ответил Орхидий. — Вы логичны, реалистичны, у вас есть цель, есть личность, история жизни и даже некоторые черты характера. А я — это абстракция, возникающая и исчезающая без всяких причин и целей.

— Мое путешествие слишком запрограммировано, — сказал Мишкин. — К тому же оно какое-то ненормальное. Слишком много событий на мою голову, а я терпеть не могу перемен.

— Я тоже терпеть их не могу. Может, мы не так, как нужно, относимся к происходящему?

— Вы оба правильно относитесь к происходящему, — заметил робот. — Вы одновременно являетесь и тем же самым лицом, и совершенно разными людьми,

и вы оба совершаете то же самое путешествие, хотя путешествия ваши и отличаются.

— Можешь ты объяснить, что все это значит? — спросил Мишкин.

— Нет, не могу, — признался робот. — Роботам положено иметь лишь чуточку мудрости, а я уже использовал все, что мне было отпущено на неделю вперед.

Всю эту неделю робот едва мог передвигать ноги. У него уже не было сил на то, чтобы смазывать себя, выполнять простейшие задачи, а его ответы на простейшие вопросы были странными до чрезвычайности.

К концу недели он пришел в себя и смог бы объяснить, что все это значило, но Мишкин его ни о чем не спрашивал, его беспокоило лишь то, чтобы была должным образом приготовлена пища или постирана одежда. Мишкин считал, что нет смысла обменивать хорошего слугу на мудреца с сомнительной квалификацией. Да и сам робот не протестовал против этого.

35. Специалист по сопоставлениям

— Господи боже, Макгрегор, мне кажется, что мы каким-то невероятным образом пересекли поле пространственно-временного континуума и вернулись действительно на Землю и теперь мы рассматриваем все под совершенно иным топологическим* углом, что вызывает сложные изменения в нашем восприятии о постигаемой реальности!

* Топология — раздел математики, изучающий свойства фигур, не изменяющихся при любых деформациях, происходящих без разрывов и склеивания.

36. Фестиваль ума

Проснитесь, новые методы!

Загипнотизируйте себя, чтобы стать самим собой. Включите свои рецепторы. Отключитесь от старого строгого цензора. Сделайте себе внушение. Сделайте себе самовнушение. Новый метод «расслабления» подсознания предоставит вам возможность сделать себе автоматическое подсознательное внушение, когда вы даже не подозреваете об этом!

Бросьте наркотики, постигайте без них состояние ума, которое симулирует наркотические симуляции состояния ума, что можно достигнуть лишь только посредством высшего сознания.

Насладитесь половым актом во сне и без партнера.

Проанализируйте в своем мозгу работу компьютера: вы рассчитываете его — он рассчитывает вас.

Расчет — это интуиция Расчет — это интуиция

Расчет — это интуиция

Маги на продажу или напрокат: тучный Учитель индуизма, имеет тюрбан, говорит на непонятном, но все же понятном английском языке, готов путешествовать. Китайский Учитель с загадочной улыбкой и с набором для иглоукалывания, никогда не верил в коммунизм, должен путешествовать. Британский Учитель, специалист в области «умственное ограничение как путь к свободе», не верит в социализм, любитель холодного рока. Американский Учитель, специалист по всем эпохам, ни во что долго не верит... научит общим методам достижения грубого индивидуализ-

ма... имеет большой выбор мандал, мантр и янтров... использует рациональный мистицизм для достижения потрясающих прагматических эффектов... обезоруживающая детская улыбка, носит кожаные штаны с бахромой... не верит в закон случайности и его последствия, но тем не менее платит налоги... показатель 35,2 по шкале шизофрении... сексуально свободный, за исключением тех случаев, когда возбуждается...

Орхидий тоже посетил фестиваль ума. Он был одет в балахон, на ногах у него были сандалии, на голове повязка, его священные жесты выражали большую власть и сдержанность. У него была своя будка, и он в течение двух дней довольно успешно предсказывал будущее, но на третий день вернулся к старому занятию и превратил свою будку в киоск по продаже сосисок.

Мишкин гулял по территории фестиваля, жевал сахарную вату и с щемящей сердце грустью размышлял о своей юности, как, впрочем, и все остальные. Он вежливо и пренебрежительно улыбался, как, впрочем, и все остальные. Но за этой маской не было видно того, что на самом деле творилось у него внутри. Мишкин был тайным пилигримом. Ему хотелось выбраться из своего мешка, убежать от повторяющихся необходимости, от неопределенностей, от утомительной новизны. Как, впрочем, и всем остальным.

Когда же, наконец, начнется экстаз?

* Мандала, мантра, янтра (*санскрит*) — понятия, используемые в индуизме и буддизме: мандала — изображение схемы вселенной, представляющее иерархическую расстановку в мироздании буддийских святынь; мантра — молитвенная формула или заклинание; янтра — графическое изображение сущности человека.

37. Маг раскрывает секреты

Вопрос. Достижение просвещенности включает в себя явное противоречие, заключающееся в том, что личность мудреца двойственна. Всегда возникает одна и та же проблема: почему вождь предал нас? Неужели он считал нас недостойными? Или же это предательство было проявлением любви к нам, чтобы нам представилась возможность самим разработать финальный этап нашей судьбы? Или же власть вождя потеряла силу? А может ли быть так, что он вообще никогда не имел этой власти? Во что нам верить?

Ответ. Вероятно, это и есть один из случаев божественной неопределенности: осложнения наслаждаются одно на другое, все изменяется и изменяет, а вершина всего — неопределенность. Как вам это понравится? А как насчет неопределенностей в смысле веселой жизни и доходов — маг, например. Он вас надувает. Вы во все вносите элемент божественной одухотворенности, а он посмеивается себе в расшитый рукав, и смеется довольно гнусно. Может, такой вариант вам подойдет?

Вопрос. Что же происходит вокруг нас? Почему ничего не получается?

Ответ. Неужели мне нужно вести вас за руку? Хорошо, я согласен, но куда я вас поведу? Разумеется, я мог бы навести во всем порядок, и мы бы становились с вами менуэт. Мне действительно хочется

удивить вас, но у реальности есть свои пределы. Неужели вы и вправду хотите прогуляться в сопровождении гида по спланированным в стиле классицизма садам, обещанным в проспекте? Я ведь тоже хочу повеселиться. Ну вот, я уже начал рассуждать, как рабби-реформист, но я вижу, что Мишкин только что вляпался в какую-то интересную ситуацию, так что давайте лучше заглянем в домик на Виллоу-Роуд и посмотрим, что там происходит.

38.

— Но, профессор Макинтош, откуда вы знаете, что мы вернулись именно на Землю?

Профессор снисходительно улыбнулся и показал своей тросточкой.

— Вы видите тот цветок? Это *Hemerocallis fulva*, известный под названием «лилейник», и распространён он по всей территории Соединенных Штатов. Эти оранжевые лепестки раскрываются всего лишь на один день, не то чтобы прямое, но стоящее внимания косвенное вещественное доказательство — форель в молоке, как сказал когда-то Торо *.

* Торо Генри Дэвид (1817—1862) — американский писатель и философ, представитель трансцендентализма.

39.

Мишкин уцепился за край лица, которое начало вдруг таять, нос сплющивался и начал переходить в щеку, глаза вылезали на волосы, рот становился мягким и расплывался, словно руки завязли в какой-то дурацкой замазке, и Мишкин провалился в пустоту, в непрекращающиеся крики ласточек, в пенье сверчка в самшитовых зарослях, а телефонные провода чернели на фоне неба, как диаграмма всей жизни. Это было так, но это было и не так. Больше всего это было похоже на глухие летние ночи в старом деревянном домике в Рашморе, штат Миссисипи, когда невыносимая сладость исходит от влажных джинсов, обтягивающих стройные девичьи ноги, и начинаешь осознавать, что, несмотря на твою молодость, это все же должно произойти, что именно этим будешь жить и на этом терять и что всегда где-то будут извилины реки, темной и загадочной, сладостной матери прошлого, спутницы настоящего, плакальщицы по недостижимому будущему.

40. Музей Мишкина

Рогатка. С помощью этого оружия Мишкин проложил себе дорогу через бесчисленные фантазии. Позднее он сменил рогатку на автомат M-1 и проложил себе дорогу через те же самые фантазии.

Пустая обертка из-под масла. Однажды Мишкин съел целый фунт масла за один присест, запив его квартой ледяного молока. Сейчас он живет далеко от своего дома и клюет пищу, как птичка.

Индийская дубинка. Мишкин сделал ее в лагере. В том же лагере он сделал Мэри Лу Уоткинс, но, правда, не полностью. Позже Мишкин сделал множество людей до конца. Сейчас он путешествует.

Страничка из нотной тетради с нотами «Старого черного Джо». Когда Мишкин был мальчишкой, он не думал о неграх. Сейчас, будучи взрослым, он не думает о черных, но он разговаривает с ними, рассуждает о них и видит их во сне.

Фото матери Мишкина в возрасте двадцати трех лет. Мишкин считает, что он не очень любит свою мать. Мишкин считает, что и себя-то он не очень любит.

Грамматика санскрита. Когда-то Мишкин хотел выучить санскрит, чтобы в подлиннике прочитать «Упанишады». Сейчас он не желает читать их даже на английском.

41.

Мишкин поднялся на небеса в сказочной колеснице и там встретил Всевышнего, и Мишкин упал ниц перед божеством и сказал: «Боже, Боже, я согрешил», что при данных обстоятельствах было вполне разумным заявлением.

Но Бог улыбнулся, поднял Мишкина на ноги и сказал:

— Ты имеешь все основания, Мишкин, сказать, что это я согрешил, ведь что такое твои грехи, как не недостатки, которыми я наделил тебя, чтобы испытать тебя, подвергнуть тебя тяжелейшим испытаниям, привести тебя сквозь черную ночь души, а цель была в том, чтобы ты преодолел все испытания. Это может показаться довольно странным методом, но ведь об этом открыто говорится на 102-й странице бестселлера «Как стать богом», написанном группой фарисейских интеллектуалов и американских хиппи и опубликованном Институтом Бога, имеющим отделения в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Ибице и Катманду, с предисловием «искренне вашего».

— Я не выдержал главных испытаний, — сказал Мишкин. — Я противный, гнусный, жадный, эгоистичный и бессердечный.

— Не болтай мазохистскую * чепуху, — сказал Бог. — Как есть на свете любовь, преобладающая над

* Мазохизм — упорное желание растравлять собственные обиды, душевную боль и другие негативные ощущения.

сознанием, так есть и сознание, довлеющее над любовью. Разве я не писал «последний будет первым»?

— Ты добр, — сказал Мишкин. — Но если сказать правду, то я ничего не понимаю.

— Понимание это рассвет, — сказал Бог. — Успокойся, Мишкин, твои колебания вполне естественны, а сейчас, я думаю, мне надо отдохнуть.

42.

— Мне кажется, — сказал Мишкин, — что настало время кое о чем поразмыслить, а затем уже что-то предпринять. — Космические корабли с оглушительным ревом опустились на поверхность. Где-то плакало дерево. — Может, я не знаю, что мне нравится, — сказал отец Мишкина, — но я точно знаю, что мне не нравится. — Анджела считала своих соседей загадочными людьми. — Не обращай ни на что внимания. — Но что ты имеешь в виду под загадочностью? — Клер не могла этого объяснить, она чувствовала, что пора уже кое о чем поразмыслить, а потом уже кое-что предпринимать. — Но ведь так ничего не получится. Мишкин знал, что это было и правдой, и неправдой, и он одновременно и любил, и ненавидел ее за это. Это был сложный мир, ну и что из этого?

Мишкину нравилось усложнять некоторые вещи. — Извините, капитан, но мне кажется, что выключатель несущего луча не совсем в порядке. Но не слишком. Ему нравились такие рассказики, которые можно читать и в то же время думать совершенно о других вещах. — Избавь меня от этой авангардной чепухи, — сказала Алиса. — Кроме того, это совсем не для тебя. — Не для меня? Тогда зачем строить дворцы из сковородок, зачем искать жемчужину на голове лягушки? Дополнения и глаголы должны согласовываться, в этом все соглашались, но только в этом и ни в чем другом.

Мишкину было интересно знать, а как же выглядел космический корабль? С чем можно было сравнить космический корабль? С ним самим? Космический корабль был абсолютно похож сам на себя. Джейн покачала головой. Отец Мишкина покачал головой. Мишкин попытался сыграть на свирели. Кожа у него чесалась. Ему очень хотелось представить себе, как же выглядит космический корабль. Он решил купить игрушечный космический корабль и изучить его.

43. Специалист считает глазной осмос * первой причиной одержимости

Глаз Мишкина сосредоточился на том, что он видел, и стал тем, что он видел. Глаз является мощным органом адаптации. Мишкун тоже был мощным органом адаптации. Мишкина неоднократно ругали в глаза и за глаза, и сейчас, когда он увидел сорняки и вареные яйца, он стал тем, что он увидел.

* Осмос — односторонний перенос вещества через полупроницаемую мембрану в сторону меньшей концентрации.

44. Доктор Мишкин оперирует

Мишкин осторожно притронулся к голове девушки. Затем он ловко вывернул оба крепления и разделил две половинки черепа. Он вынул из черепа панель печатной схемы. Вскоре он нашел повреждение, произвел ремонт с профессиональной ловкостью, сверяясь в процессе работы с перечнем деталей, приклеенным изнутри к левой половинке черепа. Затем он осторожно сложил вместе оба полушария, не забыв установить на место крепления. Девушка замигала глазами и проснулась, уже вылеченная от нервного тика и ночного недержания мочи.

45. Постспешные выводы

Бедный Рэмси Дэвис висел на орнаментальной решетке на углу Тринадцатой и Пятой улиц. О милой скромнице Маргарет Онгер мало что известно: последний раз ее видели в Арктике, когда она мчалась за упряжкой воюющих собак на север, и она выла сама, а собаки говорили друг другу: «Гав, ну и гнусная сценка, парни, так и хочется поскорее унести отсюда ноги». Юный Дэвис Брумсли умер в лихорадочных конвульсиях, с перекошенным побледневшим лицом. Самого Мишкина злой волшебник превратил в рабицу, которую беспечно сожрал Ричард Сузи с Чаринг Кросс-Роуд. Ормсли остался жив, он до сих пор живет в Сан Мигуэль де Альенде, но нос его порядочно искривлен в результате довольно необычного дорожного происшествия. Орхидий отсиживает десятилетний срок в тюрьме Фулсом Призон за подделку почтовых переводов. Он клянется, что невиновен, и деньги для оплаты апелляции следует пересыпалить автору через издателя, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь этому неудачнику. Различные создания в этом творении умирали по-разному. Автору этого творения хочется выбежать из дома и зарыгаться, но, вероятно, он ограничится сопением. Мир вам всем и спокойной夜里.

46.

Мишкин грациозно порхал по контурам своей жизни, останавливаясь то там, то здесь, чтобы переодеться в джинсы, замшевые брюки, черную разбойничью шляпу, изредка делая паузы там и тут, чтобы перехватить незапланированную пиццу. Мишкин с прищуренными от ветра времени глазами, чуть заметно ухмыляющийся Мишкин со сведенными от напряжения челюстями, его руки крепко держат штурвал корабля сновидений. Принц шутов, Мишкин, с ухмылкой клоуна, хитрый, как мальчик на побегушках. Разве не был он разрушителен и непредсказуем? Мишкин, с широкой озорной улыбкой и обаятельными манерами, продирающийся через чащу своих приключений. Вот он, Мишкин, катается за пятьдесят центов на всех аттракционах, изо всех сил держась за свою индивидуальность, в то время как карусель кружит его образы, как опавшие листья. Мишкин делал вид, что он тот, кто он есть на самом деле.

47.

Мишкин сидел в Мемориальном театре и почесывался. На ярко освещенной сцене появились исполнители: женщина держит на руках ребенка. Мишкин узнал в нем своего ребенка. Послышался громкий голос: «Мишкин, что ты чувствуешь?»

— У меня зуд, — ответил Мишкин. — Кроме того, у меня такое чувство, что я забыл заполнить бланк подоходного налога за этот год.

Кислота — это усилитель. Мыло — это эмульсификатор. Выбирайте сами.

Если не можете справиться с нарушениями в хромосомах, купите усовершенствованные хромосомы.

Раньше я боялся, что сойду с ума. Сейчас я боюсь, что не сойду с ума.

48.

Дорогой Том!

Решил написать тебе письмо, узнать, как ты там, и сообщить, как поживаю я сам, друзья и компания. Помнишь Марту? Ее здесь уже нет, опять взялась за старое, на этот раз это огромный топаз на выставке в музее ислама в Трапезунде, вот уж действительно нашла место. Агнес опять раскололась, и дай ей бог силы. Твой маленький племянник Феликс избран на полный срок магистром неоэлзианских тайнств. Говорят, что он, кроме всего прочего, еще и ясновидец, но я думаю, что не следует приобщать малыша к таким мерзостям. *Предполагаемым мерзостям*, конечно, ведь считается, что я ничего об этом не знаю.

Местные новости: синхронность прошла еще один виток, и вся толпа бросилась на поиски «просветляющих событий и случайно появляющихся объектов». Эта микстура «квадратной рожи» Шелли до сих пор яд для рабочих. Она совершенно лишает их производительности труда, но все это к лучшему. И так далее, и так далее.

Что касается меня, то все обстоит настолько хорошо, насколько можно было ожидать. Я слишком поздно вошел в игру, мне предстоит еще многое преодолеть. Однако мне удалось постичь первичные жизненные системы, несмотря на жуткие предсказания доктора Чанга. Так что сейчас я могу заняться своей попечечно-полосатой мускулатурой. Добиться

полного нервного контроля все еще трудновато, и иногда мне кажется, что я попросту брошу все к чертям и усядусь под деревом.

Вокруг, как всегда, шляется целая толпа святых, и от них, как всегда, противно воняет. Чудакам числа нет.

Кажется, это все местные новости, которые я могу припомнить, и я тороплюсь выложить их тебе. Я все еще не могу понять, почему ты выбрал приключения во внешней системе, а не во внутренней. Слабое место психики? Или же ты все делаешь в пику нам, старый пес? На тебя это похоже — заявить о небольшом космическом полете ради всяческих приключений, а затем одурачить нас, окунувшись в глубины абсолютного «Я». (Но, если это так, как ты обеспечил связь? Или ты использовал метод двойного противодействия? «Мозг» трещит.) Я попросту считаю, что ты избрал сложный путь познания (или отрицания) Майи *, так что нет необходимости напоминать тебе о ждущих впереди опасностях и пропастях, поскольку ты лучше меня знаешь о зеркальных деформациях в театре собственной личности. Разумеется, напоминая тебе об этом, я не хочу тебя обидеть, я знаю, что даже величайшие умы могут обнаружить истину в словах дурака. Все твои бывшие жены вновь вышли замуж, что ты наверняка предвидел. Некоторые из твоих детей сменили фамилию, что, вероятно, для тебя явится неожиданностью. Но, может быть, ты ко всему готов?

Твой Отто.

* Майя — иллюзорность всего воспринимаемого мира (понятие древнеиндийской философии).

49. Не заполняйте пропуски

Эти явные непоследовательности были придуманы и внедрены ради вашей безопасности и благополучия. Просьба не путать их с «логическими» звенями. Подобного рода преждевременные действия нарушают их фактологичность, а это может привести к опасному — а возможно, и фатальному — состоянию случайностей событий, происходящих с вами. Рекомендуем экстремальную расслабленность восприятия. Помните, что обзор на нижнем уровне — это ключ к общему восприятию поля.

Благодарю вас.

Джон Макферсон,
Комиссар департамента
умственной гигиены общества.

50. Шепот за сценой

«Повторения неизбежны».

«Действуйте методом разделения».

«Кто-то пытается мне что-то сказать?»

«Следите за изменениями».

«Следует ожидать искажений».

51. Напоминание

Мишкин увидел магнитофон на ножках. Он подошел и включил его. Записанный на пленку голос произнес: «Это послание записано с той целью, чтобы помочь вам не забыть записать послание, напоминающее вам о необходимости не забыть».

52.

— Да, сынок, это действительно впечатляющее зрелище... крупнейшая фабрика причин и следствий во всей чертовой Галактике. Работает довольно просто. Мы закладываем причины в этот бункер, а следствия — в тот. Далыше дело за машинами, много шума и стука, и вот отсюда выходит готовая продукция — прекрасно упакованные причинно-следственные блоки без какого-либо заметного глазу шва. Наши упакованные причинно-следственные блоки признаются любым судом, в каком бы уголке Галактики это ни происходило.

Мы не имеем дела с этими новоиспеченными идеями о последовательности и синхронности и с прочей чепухой. Здесь, уж если тебя лягнула лошадь, то у тебя сломана нога, или же у тебя болит живот от того, что накануне ты съел кусок итальянской колбасы. Вот так все и осознают, как обстоит дело.

Черт побери, почему происходят такие вещи? И все же иногда это случается. Иногда причина и следствие категорически отказываются совмещаться. Когда это происходит и мы не знаем, как это объяснить, то мы предпочитаем называть такое явление божьей волей. Так что я подозреваю, что все происходящее с тобой было изъявлением божьей воли, и я думаю, нам следует преклонить колени в молчаливой молитве.

53.

Мишкин подошел к длинной веренице людей. Один из них, крайний слева, прислушивался к тихо звучащему транзисторному приемнику. Он услышал что-то интересное, повернулся к соседу справа и прошептал: «Живем только раз. Передай дальше».

54.

Том Мишкин и Джеймс Брэдли Сумер сидели за столом. На него залезла мышь и начала расставлять блюда, подавать картофельное пюре, резать ростбиф.

— Она всегда этим занимается? — спросил Мишкин.

— Должна признаться, что ситуация довольно необычная, — сказала мышь. — Позвольте мне объяснить. Во-первых, я еврейка, во-вторых...

— Подавай эту чертову еду! — загремел Сумер.

— Не возбуждайтесь, — сказала мышь и продолжила работу.

— Кстати, расскажу тебе об одном интересном случае, который произошел со мной, — сказал Сумер.

55.

Игрок вытянул три карты и с отвращением бросил их на стол.

— Я начал игру без всякой ставки и с дурацкими картами, — сказал он, — но этот кон всему конец. — Он вытащил из кармана револьвер и пустил себе пулю в лоб. Его место занял другой, взял себе карту, ухмыльнулся и поставил на кон свою жизнь.

Пейзаж в крапинку. Белая птица печали. Белые глаза. Белые ночи. Пробел.

Как тот человек, который поджег пальто своего друга, услышав просьбу: «Зажги честерфилд *!»

Серебряные лебеди обмениваются софизмами.

* Честерфилд — марка сигарет и пальто определенного покроя: длинное и приталенное.

56.

— Как долго будут продолжаться галлюцинации? —
спросил Мишкин.

— Недостаточно долго.

57.

— Что это? — спросил Мишкин.

— Это, — ответил Орхидий, — прибор для изменения реальности.

Предмет размерами и формой был похож на страусиное яйцо. На одной стороне было написано: «вкл». На другой стороне: «выкл». Выключатель был установлен в положение «выкл».

— Где ты его достал?

— Купил в магазине «Все с Земли», — ответил Орхидий. — Он стоит 9,95 долларов.

— И он действительно изменяет реальность?

— Должен, по крайней мере. Я его еще не испытывал.

— Неужели это возможно? — удивился Мишкин. — Как может вещь, стоящая 9,95 долларов, изменять реальность?

— За такую цену его трудно было не купить, — сказал Орхидий. — Но мне кажется, что он не работает.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мишкин. — Ты же его еще не испытывал.

— Я не думаю, что есть необходимость испытывать его, — сказал Орхидий.

— Разумеется, есть! Включай же!

— Сам включай.

— И включу, — сказал Мишкин, взял в руки яйцо и перевел выключатель в положение «вкл». Они оба стояли и ждали несколько секунд.

- Ничего не происходит, — заметил Орхидий.
- Мне тоже кажется, что нет. Но как мы можем знать, произошло ли что-нибудь? Я имею в виду, что если что-то произойдет, то это для нас все равно будет казаться реальностью.
- Правильно.
- Может, лучше выключить его?
- Что выключить? — спросил Сумер.

58.

Изображение героя с флейтой в одной руке и со змеей в другой. — Входите, — говорит он.

Женщина с рогами на лбу, верхом на оборотне с серпом в одной руке и с гранатом в другой. Она помогает вам снять пальто.

Человек с головой шакала, полностью обнаженный, на нем лишь крылатые сандалии. В одной руке он держит свиток папируса, в другой бронзовый диск. Человек говорит: «Первые три ряда немедленно усаживаются».

Сколько еще напоминаний нужно человеку?

59.

Картишка-головоломка. В этом сельском пейзаже спрятан Бог. Первый, кто правильно назовет себя, в качестве награды совершенно бесплатно получит сатори. Второй приз — уик-энд в Гроссингерсе.

60.

— Как долго будут продолжаться галлюцинации? —
спросил Мишкин.

— Какие галлюцинации?

61.

В возрасте двенадцати лет Мишкин так любил бога, что нарушил брачные обязательства по отношению к себе.

Мишкин и сегодня неверен себе, он предпочел шикарный спортивный автомобиль и замшевую куртку своему пылкому постоянству и безграничной любви.

— Ваша проблема, — сказал психиатр, — заключается в неспособности любить самого себя.

— Но я люблю себя! — воскликнул Мишкин. — Люблю! Я действительно люблю себя!

— Вы думаете, я вам поверю? — спросил психиатр. — Я вижу, что вы обращались к Сартру, Камю, Монтеню*, Платону и Торо — и это лишь небольшой перечень ваших увлечений. Когда же вы перестанете заниматься этими непрерывными, абсурдными и ничего не стоящими аферами?

— Я люблю себя, — заплакал Мишкин, — правда люблю.

— Все еще курит, — заметил психиатр, — подвержен апатии, пассивен, не может себя контролировать. Ведь именно так вы обращаетесь с тем, кого, как вы утверждаете, любите?

* Сартр Жан Поль (1905–1980) — французский писатель, философ и публицист, глава французской школы экзистенциализма.

Камю Альбер (1913–1960) — французский писатель и философ-экзистенциалист.

Монтень Мишель (1533–1592) — французский философ-гуманист.

62.

Мишкин нашел в лесной чаще апостроф. Он заблудился и тихонько плакал про себя. Мишкин взял его на руки и погладил по мягкой шерсти. Апостроф вцепился в плечо Мишкина острыми когтями. Мишкин не обратил внимания на боль и продолжал курить сигарету.

Они забрали у него перфокарту и проперфорировали ее. Тотчас же он почувствовал облегчение, затем скуку, потом уже возбуждение. Как только в руки Мишкина сунули новую перфокарту, он снова почувствовал себя нормально.

Следы вели дальше, в глубину чащи. Мишкин шел по следам. Он был хорошо вооружен и готов к встрече с мифическим существом. Вскоре он увидел его впереди себя и поспешно выстрелил. Слишком поздно он осознал, что подстрелил одно из своих собственных воплощений.

Воплощение скончалось. У Мишкина возникло чувство потери, которое неизбежно перешло в чувство облегчения.

63. Неприятности человека с тысячей лиц

Человек с тысячей лиц сидел в своем временном офисе и размышлял о проблеме Мишкина и детали для двигателя. Получалось так, что обе проблемы никак не хотели складываться в единое целое, не представлялось никакой возможности достичь необходимой точки пересечения. Никакой дороги к желаемой цели видно не было. Вследствие связанных с этими проблемами трудностей человек с тысячей лиц был вынужден придумать самого себя — *deus ex machina**, — молча стоявшего в данный момент перед аудиторией, пытаясь объяснить то, что он не мог объяснить самому себе.

Создав самого себя, человек с тысячей лиц занялся изучением собственной личности. Было ли ему действительно необходимо объяснить самого себя? Он тут же отбросил эту необходимость. Ему предстояло лишь объяснить тот факт, каким образом Мишкин и деталь от двигателя столкнулись вместе. Действительно, как это произошло? Неужели в этом была необходимость?

«И вот таким образом они пришли к безвременному концу — Мишкин, космический шут, и деталь двигателя, самая жестокая и парадоксальная часть его шутки. Да, они исчезли, и в тот же миг

* *Deus ex machina* (лат.) — «бог из машины» — неожиданное разрешение трудной ситуации, не вытекающее из логики развития событий.

Земля упала на Солнце, Солнце вспыхнуло и превратилось в сверхновую, а вся Галактика провалилась в черную дыру в пространстве-времени, и таким образом закончилось трагикомическое существование человечества, прекратились все драмы».

Ну нет, как бы это ни было соблазнительно, но это не подходит. Мишкину и детали двигателя просто необходимо было сойтись вместе, необходимо было решить первичную проблему, сдержать все обещания и осуществить все предпосылки. И только лишь после этого, но ничуть не раньше, можно было все взрывать.

Итак, вновь та же самая проблема! Перед человеком с тысячей лиц все еще стояла неприятная задача завершения работы, для которой он сам себя создал.

Он погрузился в размышления. Ничто не мешало ему и его полному уединению. В голове его бродили обрывки фраз: «Любой наркотик, который взбадривает вас — это хороший наркотик». «Депрессия неизбежна». «Загрязнители». «Париж». Усилием воли человек с тысячей лиц вновь заставил себя вернуться к проблеме детали двигателя. Где же находилась эта проклятая штуковина? Скорее всего, на каком-то запыленном складе на Земле, в ожидании ее извлечения для развлечения терпеливого читателя.

— Но кому нужен этот терпеливый читатель? — огрызнулся человек. Тем не менее дело обстояло именно так: согласно контракту, он обязан сам себе написать балет для кататоников *.

Человек попытался взять себя в руки. — Я начинаю сходить с ума. Несуществующие проблемы до предела реальны. Но мы ведь не это имели в виду.

Как это правильно! Люди, живущие со стеклянной психикой, не должны бросаться словами **.

* Кататония — психическое расстройство с преобладанием двигательных нарушений.

** Пародия на английскую пословицу: «Человек, живущий в стеклянном доме, не должен бросаться камнями».

За работу Человек с тысячей лиц взял в руки аналоговую логарифмическую линейку и самостоятельно делающую выводы ручку. Итак: деталь двигателя стала сердцем орла, началом начал, журчащей водой, льдом. Для данной серии пока довольно. Итак, все сначала: клад, зарытый в земле, хрустальный кубок, станок, смех, летучая мышь, выкидыши, редактор.

Вот это уже на что-то похоже!

Двигаясь уже с большей уверенностью, человек с тысячей лиц заложил все имеющиеся данные в рециркулятор и повернул его на три оборота. Затем он нажал на кнопку «выход». И тут же появилась антилопа верхом на полярном медведе. Бесполезно! Стоп, минутку... Полярный медведь... Да, вот в чем дело: полярность заключает в себе антибет! Нарушение функций «йин», вероятнее всего, индуктивное.

Ну, а сейчас можно заложить все это в модулятор.

64. Вновь принцип реальности

В это утро Джонни Аллегро чувствовал себя скверно. Надев на свои черные блестящие волосы котелок, он поправил манжеты мохеровой рубашки шоколадного цвета. Сейчас он был готов к делу.

Зазвонил телефон. Аллегро быстро поднял трубку.

— Аллегро слушает.

— Джонни? Это Гарри ван Орлен.

Аллегро живо представил себе пузатого телохранителя с отвисшей челюстью, с небритым лицом и грязными ногтями.

— Ну что там у тебя? — бросил Джонни в трубку. Он терпеть не мог этого дешевого телохранителя, хотя его бизнес требовал присутствия последнего зачастую по восемнадцать часов в день.

— Дело вот в чем, Джонни. Помнишь работу, которую мы выполнили на Южной Девятой стрит?

— Да, — огрызнулся Джонни, тотчас же узнав эвфемизм, имеющий отношение к недавнему ограблению складов компании «Вел-Райт Сторидж» на Варик-стрит.

— Дело в том, что мы нашли покупателя на все оборудование, за исключением какого-то узла, и не знаем, что с ним делать.

— Что это за вещь? — спросил Джонни.

— Это какое-то устройство с маркировкой «деталь двигателя космического корабля L-1223A». Ее должны были отправить какому-то парню по фамилии Мишкин на планету под названием Гармония.

— Ну так продайте ее!
— Она никому не нужна.
— Ну так выкинь ее куда-нибудь! — Джонни бросил трубку, ругаясь про себя. Он терпеть не мог, когда его подчиненные подсовывали ему какие-то проблемы, которые спокойно могла бы решить обезьяна, катаясь на склоне холма на роликовых коньках. Но еще больше он не мог терпеть ненужной инициативы.

Именно в тот момент к нему пришла одна мысль: а что если послать эту деталь двигателя тому парню, как его там, Мишкин, что ли, да приобрести себе репутацию эксцентричного филантропа. Тогда, совершив еще несколько благовидных поступков, он мог бы выставить свою кандидатуру на выборах.

Он протянул руку к телефону.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвались трое полицейских и сам автор, держа в руках револьверы. Джонни зарычал от ярости. Благодаря отработанным рефлексам он молниеносно нырнул под стол, прежде чем пули прошли пространство, где он только что находился.

— Хватай его! — закричал автор. — Он знает, где находится деталь! — Но Джонни уже успел нажать под столом голубую кнопку. Часть пола под ним провалилась, и Джонни скользнул в шахту, ведущую в гараж, где его ждал «Мерседес SL-300» с тихонько урчащим мотором.

65.

Спустя несколько дней на прохладной, покрытой рафией веранде большого старого дома в нижнем Ки-Ларго, профессор Джон О. Мак-Алистер переживал странный момент растерянности. Такое чувство было незнакомо этому высокому, атлетически сложенному светловолосому физику из Рокпорта, штат Мэн. Рядом с ним стояла Луиза, его высокая красивая жена с каштановыми волосами. Она только что вышла на веранду.

Прежде чем Луиза успела произнести хоть слово, на веранду выбежал Тай Оливер, светловолосый парень с зажатой в кулаке пятеркой.

— Ну, кто со мной сыграет? — дурашливо закричал он.

— Только не сейчас, Тай, — мягко ответил ему профессор.

Тай повернулся, чтобы уйти. Но тут даже для его неопытного и нетренированного глаза стало ясно, что в поведении профессора и его жены было нечто странное. Хотя он знал их всего лишь один месяц, он ценил больше всех на свете.

— В чем дело? — спросил Тай.

Прежде чем кто-то ответил на его вопрос, младшая сестра Луизы Мак-Алистер, Патти, спустилась по внутренней лестнице и вышла на веранду. Хотя ей не было еще и семнадцати, Патти была весьма хорошо развита. Она уселась в выщетвшее зеленое кресло и вытянула свои длинные красивые ноги, с которых взгляд невольно переходит к тонкой талии и прекрасной формы груди.

— Ну, Джон, — с кисло-сладкой улыбкой спросила она, — так в чем же дело?

Профессор Мак-Алистер заметно побледнел, несмотря на загар. Он заметил, что глаза его жены расширились.

— Подожди-ка минутку, я...

Дверь на кухню открылась. На веранду вышли Чанг, китайец-повар, Киото, мальчик-слуга с Филиппин, и Мэри Лу, горничная с Ямайки. Не говоря ни слова, они выстроились вдоль стены. На этот раз побледнела Патти.

Наступило долгое молчание. Затем Тай сказал:

— Я, наверное, пойду домой. Краска на птичьей клетке уже должна высохнуть, так что я...

— Не торопись, Тай, — прервал его Мак-Алистер. — Мне кажется, здесь есть кое-кто, с кем тебе необходимо встретиться.

Дверь, ведущая в подвал, открылась, и на веранду вышли одноглазый карлик, тощий человек в черном костюме и двое хихикающих белокурых девчушек-близнецов.

— Ну, а сейчас можно кое-что и прояснить, — сказал Мак-Алистер. — Во-первых, что касается этого загадочного пакета, который Эд Уайттэйкер обнаружил в трюме мусорной шаланды «Клотильда» за два дня до того, как он исчез...

— Ну, — выдохнула Патти.

— В нем находилась всего-навсего деталь двигателя для космического корабля. Ее было необходимо отправить некоему Мишкину на планету Гармония, и в присутствии судьи Кларка я отоспал ее в службу срочной доставки в Дэйд-Каунти.

Патти облегченно откинулась назад.

— Ну что ж, значит, все в порядке? Все мы были компанией дураков.

— Возможно, — сказала Луиза. — Но мы до сих пор не услышали объяснения всего остального.

Профессор Мак-Алистер задумчиво оглядел всех собравшихся на веранде.

— Для этого, — сказал он, — потребуется еще немного времени. Он подошел к серванту и налил себе стаканчик.

66.

Надпись на двери гласила: «Компания Непрерывность, Инк.». Дядюшка Арнольд вошел, и его провели в кабинет Томаса Грантуэлла.

— Я насчет своего племянника, — сказал дядюшка Арнольд. Его зовут Том Мишкин. Он застрял на планете под названием Гармония, и ему необходима какая-то деталь к двигателю, чтобы его космический корабль вновь заработал. Но я никак не могу выслать ему эту деталь.

— Вы посылали ее с космическим грузовиком? — спросил Грантуэлл.

— Пытался. Но мне заявили, что в этом году компания по межзвездным грузовым перевозкам не принимает заявок, так что они бессильны помочь мне.

— А вы спрашивали их, что может случиться с вашим племянником?

— Они сказали, что отказываются верить в его существование, пока не будет доказано обратное.

Вот вам забота правительства о налогоплательщиках, — сказал Грантуэлл, — значит, вы, вернее молодой Мишкин, в трудном положении.

— А ваша организация может хоть что-то сделать для парня? — спросил дядюшка Арнольд.

— Разумеется, — твердо заявил Грантуэлл. — Компания «Непрерывность» была организована с целью обеспечения связи между несовместимыми постулатами. Мы напишем сценарий, который и станет

звеном между двумя различными реальностями без нарушения какой-либо из них.

— Прекрасно, — сказал дядюшка Арнольд.

И произошло так, что всех жаб успокоили, а различные виды слонов были тайно переписаны. Следующий шаг был более решительным: необходим был материал для заполнения трещины, нужно было повернуть голову и оценить обстановку. Посредственность умерла в Канзас-Сити, и ее заменили на неподкупность. На встревоженной Земле были запущены гигантские механизмы. Организовывались всевозможные демонстрации. Люди решали сами. Фабрики увеличили производство продукции. Но это было еще не все. Мир предстал одетым в темные одеяния. Некоторые факты о давно существующей прозрачности умирали в зародыше. Напряжение в причинно-следственной цепи достигло невероятной величины. Раздавались голоса протеста. Возникла угроза всеобщих беспорядков.

Тем временем автор пытался во всей полноте разобраться в трудностях сложившейся обстановки. Он представлял себе различные варианты, включая даже убийство Мишкина и написание новой книги — может быть, поваренной. Но все же...

67.

— Черт побери, — сказал Мишкин, — еще одна нулевая игра.

Деталь двигателя была представлена во всем ее великолепии, в воображении автора. Это было не очень четкое представление, она то напоминала жаровню, то «ситроен». Деталь звучала, как ансамбль рок-н-ролла. От нее пахло, как от газовой горелки.

68. Сертификат нереальности

Мишкин отдыхал на поляне. Робот наслаждался псевдоотдыхом, поскольку он не нуждался в настоящем, реальном отдыхе. Мишкин поднял голову и увидел, что кто-то направляется в его сторону по траве.

— Привет, — сказал человек с тысячей лиц. — Я отвечаю за данную последовательность. Я лично прибыл сюда, чтобы вынести решение.

— О чём вы говорите? — удивился Мишкин. — Я сижу здесь и всего-навсего жду прибытия детали к двигателю космического корабля.

У человека перекосилось лицо.

— Мне очень жаль, что все так получилось, но, знаете ли, мы уже отбросили эту предпосылку. Вся эта концепция вашего пребывания на незнакомой планете, ожидание прибытия детали к двигателю космического корабля — все это считается неподходящим в драматическом отношении. Следовательно, мы все это отбрасываем.

— Это должно означать, что вы отбрасываете и меня?

Человек посмотрел на него с жалостью.

— Боюсь, что так. На ваше место найден новый герой.

Новый герой

Это была личность сложная: изобретательный, ужасно привлекательный, мужественный и разносторон-

ний человек. У него были свои черты характера, свои привычки и идиосинкразии. У него была душа, особенности, организменные жидкости. У него была сексуальная жизнь. История его жизни была сложной и противоречивой. На левой щеке у него было небольшое родимое пятно. Брови у него были как у Мефистофеля. Он был неотразим.

— Вот ваша замена, — сказал человек. — Вы сделали все, что было в ваших силах, Мишкин. И в том, что вы попали в такое безвыходное положение, вашей вины нет. Но ведь нам необходимо покончить с этим, а для этого необходимо сотрудничество наших персонажей, а вы — вы просто не обладаете никакими особенностями, с которыми автор мог бы работать.

Мишкин немедленно обзавелся тиком, заиканием, манерой покусывать губы, усами и съемной вставной челюстью.

— Простите, я не это имею в виду, — сказал человек. — А сейчас я покину вас, чтобы вы могли познакомиться.

И человек тут же превратился в дерево.

Мистер Мишкин встречается с мистером героем

— Как поживаете? — спросил Мишкин.
— Как поживаете? — спросил герой.
— Хотите чашечку кофе? — спросил Мишкин.
— Спасибо, с большим удовольствием, — ответил герой.

Мишкин налил кофе. Они пили его молча.

— Хорошая у нас погода, — сказал герой.
— Где? — спросил Мишкин.
— Да там, в чистилище, — ответил герой. — Я проводил там время с другими архетипами.
— Здесь тоже было неплохо, — заметил Мишкин.
Дерево превратилось в человека.
— Взаимодействуйте! — прошипел он и вновь превратился в дерево.

Герой застенчиво улыбнулся.

— Довольно неудобное положение, правда?

— Вполне согласен, — сказал Мишкин. — Лично я с тех пор, как все это началось, побывал не в одном неудобном положении. Вероятно, отдых пошел бы мне на пользу.

— Да, — сказал герой. — Но было бы неплохо, чтобы вы мне сначала рассказали, что к чему. Новый человек на новом месте, знаете ли, и все такое... — он замолчал и смущенно засмеялся.

— Что ж, — сказал Мишкин, — тут и объяснять то нечего. Вы просто идете дальше, и с вами происходят разные вещи.

— Но ведь это довольно... пассивно, что ли?

— Разумеется, но уж таков этот вид приключений.

— А как насчет мотивации? — поинтересовался герой.

— Насколько я знаю, — ответил Мишкин, — вы должны найти деталь двигателя космического корабля.

— Что?

— Деталь для замены дефектной в вашем космическом корабле. Без нее корабль не взлетит. А это значит, что вы не сможете вернуться на Землю. А ведь вы хотите вернуться на Землю, — хоть я и думаю, что это сомнительное утверждение. В любом случае, это и есть ваша мотивация.

— Понимаю, — сказал герой, — получается так, что в этом деле не за что зацепиться, не так ли?

— Конечно, это не Эдип Царь, — признался Мишкин, — как и все на свете, впрочем.

— Действительно, это так, — герой понимающе хмыкнул. — А кто этот парень?

— Это робот, — ответил Мишкин.

— А почему он здесь?

— Вообще-то я не помню. Но, кажется, он здесь прежде всего для того, чтобы не приходилось разговаривать самому с собой.

Герой с опаской посмотрел на робота.

— Мою мать когда-то изнасиловал робот, — сказал он. — Так она сама рассказывала. Робот потом сказал, что принял ее за холодильник. С тех пор я с подозрением отношусь к роботам. А этот как, ничего?

Робот посмотрел на него.

— Да, — сказал он. — Я хороший робот, особенно в тех случаях, когда у людей хватает вежливости,

чтобы обращаться ко мне так, словно я нахожусь здесь, когда я действительно нахожусь здесь, а не говорить так, словно меня здесь нет, что, по правде говоря, и происходит в наше время, и я предпочел бы не присутствовать.

— А он довольно болтлив, не так ли? — сказал герой.

— Если вам это не нравится, — заявил робот, — можете воткнуть это себе в нос.

Герой закатил глаза, потом вдруг внезапно расхохотался.

Человек вновь превратился из дерева в человека.

— Хватит, — сказал он. — Очень сожалею, герой, но вы, кажется, не тот тип, который нам необходим.

— Ну и что же из этого? — надменно сказал герой. — Что я могу поделать, если вы сами не знаете, чем занимаетесь?

— Сейчас же вернитесь в хранилище бессознательного, — приказал человек.

Герой с высокомерным видом исчез.

— Ну вот, опять мы там, откуда и начинали, — сказал Мишкин.

— Я как раз хотел об этом сказать, — ответил робот.

— Замолчи, — огрызнулся автор. — Мне нужно подумать.

Человек уселся на камень — высокий, угрюмого вида светловолосый мужчина с усами, пользующийся невероятным успехом у женщин. Его длинные сильные пальцы дрожали, когда он постукивал ими о колено. Темные круги виднелись под его горящими глазами. Он был неотразим. Но он не был счастлив. Нет, он не был счастлив. Возможно, он никогда не будет счастлив. Ведь сказал же ему когда-то мистер Лифшульц: «Счастье — это всего-навсего такая штука, которую зовут Джо». Но человека звали не Джо. И он не был счастлив, как и не находил ничего хорошего в своих повседневных делах и привычках.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

69. И вновь перерыв, мои храбрые друзья

Суденышко скользило по чистой воде ручья, управляемое искусственным веслом старого даяка, который ловко подвел хрупкую посудину к бамбуковому причалу, единственному звену между деревней Омандрик и окружающим миром.

Белый человек, американец, одетый в брюки для верховой езды, пропотевшую белую рубашку, мятую походную шляпу и в ботинки «москито», наблюдал за приближением лодки, сидя в сравнительной прохладе длинной веранды своего дома. Он неторопливо поднялся, проверил свой револьвер 38-го калибра системы «Кросс и Блэкзелд», который он по привычке носил в хорошо промасленной замшевой кобуре, подвешенной на ремнях под мышкой, и неуклюжей походкой направился к причалу, спокойно шагая сквозь знойную духоту тропиков.

Первым, кто ступил на причал с древнего суденышка, был высокий араб в развевающемся белом одеянии с желто-белым головным убором жителя Хадрамаута*. За ним проследовал невероятно толстый человек неопределенного возраста в красной феске, помятом костюме из белого шелка и в сандалиях. Толстяка можно было бы принять за турка, но зоркий наблюдатель, отметив слегка раскосые зеленые глаза, почти затерявшиеся в складках жира, тут же опре-

* Хадрамаут — княжество в Аравии.

делил бы, что это венгр из карпатских степей. За ним сошел невысокий истощенный молодой человек лет двадцати типично английской внешности, по резким жестам и дрожащим рукам которого можно было догадаться, что он постоянно употребляет амфитамин. Из-под его джинсовой куртки выглядывала рифленая поверхность ручной гранаты. Последней с лодки сошла девушки в нарядном узорчатом хлопчатобумажном платье, с длинными черными волосами, струящимися по плечам, и с бесстрастным красивым лицом.

Вновь прибывшие кивнули на причале американцу, но до тех пор, пока все они не собирались на веранде, предоставив пилоту вертолета привязывать судно с помощью услужливых туземцев, не было произнесено ни единого слова. Они уселись в бамбуковые кресла, и мальчик-слуга в белой одежде разнес всем на подносах ледяные коктейли с джином. Толстяк поднял свой бокал в молчаливом приветствии и сказал: «Кажется, дела у вас идут неплохо, Джемисон».

— Естественно, — ответил американец. — Я ведь единственный торговец в этих местах. Дела с изумрудами идут неплохо. Кроме того, здесь есть редкие птицы и бабочки, а также немного золота в наносах рек. Иногда из Хомарских захоронений мне перепадают какие-нибудь безделушки. Ну и, разумеется, время от времени попадаются и другие стоящие вещи.

— Удивляет отсутствие у вас конкурентов, — произнес араб на чистейшем ланкаширском английском.

Американец улыбнулся, но в улыбке его не было юмора.

— Местные жители не допуснят этого. Я, видите ли, для них своего рода бог.

— Я уже слышал кое-что об этом, — сказал толстяк. — Согласно слухам, вы прибыли сюда около шести лет назад, полумертвый, без всякого имущества, за исключением мешка с пятью тысячами ампул противочумной сыворотки.

— Я тоже слышал эту историю, — сказал араб. — А спустя неделю половина населения свалилась от бубонной чумы.

— Просто мне повезло, — ответил американец без улыбки. — Я был рад оказать помощь.

— Ну что ж, сэр, — сказал толстяк. — Пью за вас. Я просто восхищаюсь человеком, который сам творит свое везение.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джемисон.

Наступила зловещая тишина, которую вдруг разорвал смех девушки. Мужчины уставились на нее. Джемисон нахмурился, собрался было узнать причину этого неуместного легкомыслия, но заметил, что рука англичанина потянулась к костяной рукоятке длинного ножа, висевшего у него между тощими лопатками под рубашкой в белом кожаном чехле.

— Тебя что-то гложет, сынок? — хладнокровно спросил Джемисон.

— Если такое случится, я дам вам знать, — ответил парень, сверкая глазами. — И зовут меня не «сынок», а Билли Бантервиль. Это мое имя, и таким оно останется, а если кто-нибудь думает иначе, я с удовольствием разорву его на куски... Разорву на куски... Разорву на куски... О боже, с меня просто кожа слазит, что же с ней происходит, кто скжег предохранители моих нервов, почему кипит мой мозг? У меня болит голова, мне нужно, мне нужно...

Толстяк взглянул на араба и незаметно кивнул. Араб вынул из плоской кожаной коробочки шприц, заполнил его бесцветной жидкостью из пластмассовой ампулы и ловко воткнул иглу в руку молодого человека. Билли Бантервиль улыбнулся и откинулся в кресле, как тряпичная кукла, зрачки его расширились так, что белка совершенно не стало видно, на лице появилось выражение неописуемого счастья. Через мгновение он исчез.

— Вот и хорошо, — заметил Джемисон, который наблюдал за происходящим без каких-либо эмоций. — К чему вам такой тип?

— От него есть определенная польза, — ответил толстяк.

Девушка уже взяла себя в руки.

— В том-то и дело, — сказала она. — Каждый из нас приносит определенную пользу, каждый обладает чем-то необходимым для других. Вы можете рассматривать нас как единое целое.

— Ясно, — сказал Джемисон, хотя ничего не понял. — Выходит так, что каждый из вас незаменим.

— Отнюдь нет, — ответила девушка. — Как раз наоборот. Каждый из нас постоянно находится в страхе, что его заменят. Вот почему мы стараемся держаться вместе — чтобы избежать внезапной и преждевременной замены.

— Ничего я не пойму, — сказал Джемисон, хотя все прекрасно понял. Он помолчал, но было ясно, что никто уже не собирается распространяться по этому поводу. Джемисон пожал плечами, внезапно почувствовав себя неуютно в этой жуткой тишине.

— Думаю, что пора уже переходить к делу? — спросил он.

— Если вас это не затруднит, — сказал высокий араб.

— Ну конечно же нет, — сказал Джемисон. Присутствие араба настораживало его. Все они пугали его, за исключением девушки. Он уже имел кое-какое представление о ней — и кое-какие планы.

Через пятьдесят ярдов от дома Джемисона тщательно расчищенный участок заканчивался, и тут же начинались джунгли — вертикальный зеленый лабиринт, в котором кажущиеся бесчисленными беспорядочно разбросанные плоскости бесконечно отступали к какому-то невидимому центру. Джунгли были непрерывным повторением, непрерывной регрессией, непрекращающимся отчаянием.

У самого края джунглей, невидимые для находившихся на поляне, стояли двое мужчин. Один из них был местным жителем, малайцем, если судить по коричнево-зеленой повязке на голове. Он был небольшого роста, коренастый, крепко сложенный. Выражение его лица было задумчивым, меланхоличным и настороженным.

Его спутником был белый человек, высокий, сильно загорелый, лет тридцати, довольно привлекательный, одетый в желтую тогу буддистского монаха. Несоответствие между его внешностью и одеждой терялось в фантастических диспропорциях окружающих его джунглей.

Белый уселся на землю, скрестив ноги и глядя в противоположную от поляны сторону. Он находился в состоянии предельного расслабления. Казалось, что его серые глаза смотрят внутрь.

— Тuan, этот человек, Джемисон, вошел в дом, — произнес наконец туземец.

— Знаю, — ответил белый.

— Сейчас он возвращается. Он несет в руках какой-то предмет, завернутый в холстину. Этот предмет небольшого размера, — примерно с четверть головы молодого слона.

Белый ничего не ответил.

— Сейчас он разворачивает холстину. Внутри находится какой-то металлический предмет сложной формы.

Белый кивнул.

— Они все струдились вокруг этого предмета, — продолжал туземец. — Они все довольны и улыбаются друг другу. Нет, не все. У араба какое-то странное выражение на лице. Это не выражение недовольства, это какое-то чувство, которое я не могу описать. Нет, могу! Араб знает о чем-то, чего не знают остальные. Этот человек считает, что у него есть какое-то неизвестное никому преимущество.

— Тем хуже для него, — ответил белый. — Остальных спасает их невежество. Опасность для этого человека заключается именно в его знаниях.

— Ты предвидел это, tuan?

— Я читаю то, что написано, — ответил белый. — Способность читать — это мое проклятие. — Туземец вздрогнул, удивленный и неприятно пораженный. Какое-то странное чувство жалости возникло у него к этому человеку, обладающему удивительными талантами и в то же время такому уязвимому.

— Сейчас этот предмет держит в руках толстяк, — сказал белый. — Он отдает деньги Джемисону.

— Тuan, но ведь ты даже не смотришь на них!

— Тем не менее, я вижу.

Туземец отряхнулся, как собака. Этот добрый белый человек, его друг, имел власть, но сам он находился в руках еще более властной силы. Да, так оно и было, но лучше не думать о подобных вещах,

ведь судьба белого человека не была его судьбой, и он поблагодарил за это своего бога.

— Сейчас они входят в дом Джемисона, — сказал туземец. — Но ведь ты уже знаешь об этом, туан, да?

— Да. Я не могу не знать об этом.

— И ты знаешь о том, что они делают внутри дома?

— И это тоже, я не могу этого избежать.

— Скажи мне лишь то, что я должен услышать, — внезапно произнес туземец.

— Я тебе только это и говорю, — ответил белый. Затем, не глядя на туземца, он продолжал: — Ты должен оставить меня, покинуть это место. Переезжай на другой остров, женись и займись бизнесом.

— Нет, туан. Мы связаны друг с другом, ты и я. Это неизбежно. И ты сам это знаешь.

— Да, знаю. Но иногда мне хочется сказать себе, что я ошибаюсь, что я могу ошибиться хотя бы раз. Много я бы дал за это.

— Это на тебя не похоже.

— Может быть, и нет. Но все же я надеюсь. — Белый пожал плечами. — Сейчас толстяк укладывает металлический предмет в черную кожаную сумку. Они все улыбаются, пожимают друг другу руки, но здесь явно пахнет убийством. Пойдем отсюда.

— Они не могут скрыться от нас?

— Это уже не имеет значения. Концовка уже ясна. Сейчас мы пойдем поужинаем и ляжем спать.

— А потом?

— Тебе нет необходимости знать об этом, — белый устало покачал головой. — Пошли.

Они двинулись в глубину джунглей. Туземец двигался осторожно и грациозно, как тигр. Белый шел, словно привидение.

70.

Менее чем в миле от дома Джемисона, если спуститься вниз по крутой тропинке, протоптанной в джунглях, располагалось туземное селение Омандрик. На первый взгляд это была обычная тамильская * деревушка, похожая на сотни других, беспорядочно разбросанных по берегам реки Семиль — неведомого потока мутной коричневой воды, у которой, казалось, едва хватало сил на то, чтобы течь по сухой, сожженной солнцем почве в воды далекого Восточно-Яванского моря, с его отмелями и бесчисленными рифами. Но наблюдательный глаз, осматривая деревню, мог бы заметить незначительные, но безошибочные признаки запустения — снесенные ветром крыши хижин, заросшие сорняками участки с перезревшими таро, лодки с дырявыми днищами, разбросанные по берегу реки. Можно было заметить неясные тени, мелькающие среди деревьев, — настежь крысы, обнаглевших до того, что они совершили набеги на заброшенные огороды средь бела дня. Именно это больше всего говорило об апатии жителей селения, их духовном упадке. Как гласит поговорка береговых жителей, присутствие крыс в дневное время означает, что землю забыли боги.

В центре деревни, в хижине, которая размерами вдвое превышала остальные, вождь Амди сидел, скрестив ноги, перед коротковолновым приемником с пи-

* Тамилы — народность, населяющая часть острова Цейлон.

танием от батарей. Из динамика слышался статический шум эфира, а зеленый глазок индикатора горел, как глаз пантеры при лунном свете. Это было все, на что был способен приемник, поскольку у него не было антенны, даже в то время, когда его приобрел Амди. Но шум из динамика и горящий зеленый глазок в достаточной мере удивляли старика. Радио стало его духовным советником. Он обращался к нему за советом раз в несколько дней и говорил потом сплеменникам, что духи мертвых нашептали ему свои советы, о которых нельзя было говорить вслух.

Танин, шаман, так и не мог определить, действительно ли старый вождь верил в эту чепуху, или же он использовал это «волшебное» радио для своих целей, чтобы избежать наиболее обременительных заповедей Дома Ножа. Стоя сейчас рядом с вождем, одетый в темную тогу, со священным черепом обезьяны, прикрепленным к голове, шаман решил, что хитрость вождя скорее всего была бессознательной: желание избежать ответственности и желание верить тесно переплетались. Но шаман не мог обвинять своего владыку, какими бы ни были его мотивы: годы были жестоки к Амди, и Дом Ножа не мог облегчить его страданий. Побуждения старика были понятны, но это не могло остановить шамана, он должен был сделать то, что необходимо, ведь у жреца, избавителя от змей, были свои обязанности, и их надо было выполнять независимо от того, как это могло скаться на его чувствах.

— Так что же, вождь? — спросил шаман.

Старик украдкой взглянул на него. Он выключил приемник — ведь доставать батареи, эту пищу богов, было невероятно трудно, их покупали у жадного торговца, живущего в большой хижине у излучины реки. Кроме того, он уже услышал послание, слабый голос своего отца, почти затерявшийся среди тысяч голосов других духов, просящих, проклинающих, обещающих, ищащих связи с живыми, живущих в черном доме на краю света.

— Мой мудрый предок разговаривал со мной, — сказал Амди. Он никогда не ссылался на своего отца, как на родственника по крови.

— И что же он сказал, о вождь? — спросил шаман тихо, стараясь скрыть иронию в голосе.

— Он сказал мне, что мы должны сделать с незнакомцами.

Шаман удивленно кивнул: это было необычным для вождя. Вождь терпеть не мог принимать каких-либо решений, и голоса духов обычно советовали ему выбрать спасительный путь бездействия. Значило ли это, что старик почувствовал в себе уверенность? Или же его отец, легендарный воин... Нет, этого не могло быть, просто не могло.

Шаман ждал, пока вождь скажет ему, что именно предки посоветовали ему сделать с незнакомцами. Но Амди, казалось, не решался говорить об этом. Он, вероятно, чувствовал, что достиг временного преимущества в соперничестве, которое, как считал шаман, давно уже закончилось. На лице старика ничего нельзя было прочитать, кроме обычного выражения неудовлетворенной жадности и беспомощной хитрости.

71.

Человек с тысячей лиц беспокойно заворочался, почти проснулся, почти узнал все свои «Я».

ВПЕРЕД, ПОГЛАВАЕМ В КОЛЛЕКТИВНОМ БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ *

- Имя?
- Протей.
- Занятие?
- Изменяющий формы.
- Пол?
- Любой.

Настойчивость обеспечивает успех сублимации. Используйте ассоциации идей, несмотря на боль. Предварительное закрытие — это лишь видимость излечения. Не предвосхищайте событий. Все движение — это поиск, все ожидание — это неудача, все поиски заканчиваются в самом зародыше. Вся система имплицитна с самого начала, первый мазок кисти — это завершенная картина. Но это запретные знания, поскольку необходимо протанцевать весь танец.

Первое движение — это всегда начало.

Присутствие Мишкина подразумевается его отсутствием. Необходимая Мишкину деталь найдена. Остается лишь найти ее.

Не резать вдоль этой линии!

* Коллективное бессознательное — термин, введенный К. Юнгом для обозначения сверхличного содержания подсознания, проявляющегося в символических образах — архетипах.

72.

Порт Арахнис расположен на клочке земли, выступающем в заливные солнцем воды Восточно-Яванского моря. Это типичный южноазиатский город, полный хаоса и подчиняющийся жестким правилам. Запах сотен смешанных и экзотических специй поражает путешественника еще за много миль от берега. Эти запахи, их непрерывно изменяющиеся комбинации непредсказуемо воздействуют на чувства человека с запада. В памяти возникают никогда не происходившие события, появляются абсурдные, совершенно непонятные ощущения. Это сенсорное насилие не может не оказать воздействия на путешественника, привыкшего к прохладному приему безразличными городами запада. Восток без каких-либо усилий проникает сквозь внешнюю, рациональную, прозаическую оболочку личности, изменяет ее, подвергает воздействию фрагментов пророчества, ужаса и просветления, ни с чем не сравнимой вялости духа и внезапных вспышек чувств. Приближение к Арахнису — это первый шаг в сновидение.

Разумеется, стойкий западный путешественник ничего не знает об этом. Ничего не подозревали и те трое — двое мужчин и женщина, приплывшие на закате в крестообразную бухту Арахниса на своей паровой яхте. Их невежество было по-детски открытым и трогательным, но не могло защитить их от поглотившего их немыслимого мира.

Они пристали в сгущающихся сумерках. Их планы давно были ясны. Все было предусмотрено и даже возможные случайности были приняты во внимание.

Араб и девушка остались на судне, охраняя предмет в холщовой сумке. Толстяк сошел на берег и направился в окруженный стеной город — по улице Продавцов птиц, улице Собак, улице Забывчивости, улице Множества дверей. Названия улиц были странными, если, разумеется, вообще обращать на это внимание.

Толстяк чувствовал себя плохо. Качка на судне вызвала головокружение, которое все не проходило. Ему пришлось испытать немало потрясений, а он не был легко приспособливающимся человеком.

И все же работа была удачно завершена. Странно было вспоминать, как все это начиналось. К нему пришел пожилой человек. Ему было необходимо, чтобы какой-то предмет — деталь двигателя — был доставлен некоему человеку, его родственнику, застрявшему на планете под названием Гармония, он не мог вернуться на Землю без этой детали, необходимой для его беспомощного космического корабля. Проблемы, казалось бы, не было — всего лишь вопрос доставки. Но возникли непредвиденные осложнения, которые напластовывались одно на другое до тех пор, когда, казалось, не осталось никакой возможности доставить эту деталь — по крайней мере, до тех пор, пока молодой человек не состарится или не умрет. Именно поэтому пожилой человек, будучи джентльменом, решил воспользоваться другими каналами. Вот таким образом он и попал к толстяку.

По крайней мере, так он сам рассказывал. Эта версия была так же хороша, как и другие, и настолько же достоверна.

И вот сейчас дело было почти сделано. Толстяк уже оставил позади все осложнения, с которыми ему пришлось столкнуться, когда он торговался с Джемисоном, а также со старым вождем, его шаманом и загадочным белым человеком, живущим в джунглях. Все люди были загадочны, пока не становились известны их мотивы (каждая ситуация оставалась загадочной до тех пор, пока вы оставались в пределах ее

правил). Но люди не могли принять того, что можно просто уйти, оставив позади неразгаданные загадки и сложные ситуации. Необходимо было иметь силу воли, чтобы решиться на это, и еще большую силу воли, чтобы не забивать себе мозги непродуктивными вопросами вроде: каким невероятным образом эта деталь попала в селение в Южной Азии? Кто этот белый человек в джунглях и почему его интересовала судьба этой детали? Почему вождь пришел к решению именно сейчас, спустя годы бездействия? Почему Джемисон, этот хитрец, отдал деталь за такую ничтожную цену? Почему никто не помешал толстяку и его спутникам при отправлении? И так далее, и так далее, до бесконечности.

Но толстяк не попался на приманку любопытства. Он знал, что тайна является прежде всего результатом отсутствия информации и что на все вопросы имелось лишь ограниченное число ответов, бесконечно повторяющихся и всегда банальных. Любопытство убивает. Необходимо лишь избавиться от всех соблазнительных проблем, привлекательных иррациональностей, и делать все в свое время — как он и поступал. Действительно, дела шли неплохо, и толстяк был доволен. Он хотел лишь одного — чтобы исчезла эта ворчащая пустота в его желудке и головокружение.

Улица Обезьян, улица Сумерек, улица Памяти. Какие странные названия выбирали эти люди! Или же это изобретение бюро по туризму? Собственно, это не имело значения, ведь он давно заучил свой маршрут и точно знал, куда ему нужно идти. Он не спеша шел через базар мимо связок сабель, корзин с зелеными и оранжевыми орехами, куч сала, серебрящейся на солнце рыбы, мимо кип хлопчатобумажной ткани, выкрашенной во все цвета радуги, мимо групп ухмыляющихся негров, колотящих в барабаны, фокусников и пожирателей огня, мимо человека, неподвижно сидевшего на земле и держащего на поводке гориллу.

Жара была необычной даже для тропиков, как, впрочем, и запахи — специй, керосина, древесного угля, растительного масла, навоза, а также звуки —

незнакомый говор, скрип водяного колеса, мычание скота, громкий собачий лай, перезвон медных украшений. Были и другие звуки, которые нельзя было узнать, другие, совершенно непонятные сценки. Человек в черной чалме медленно делал глубокий надрез на бедре мальчика с помощью инкрустированного ножа, в то время как наблюдавшая за этим толпа хихикала. Пятеро мужчин сосредоточенно колотили кулаками по полосе рифленого железа, по их рукам текла кровь. Здесь можно было увидеть человека с голубым камнем в тюрбане, медленно выпускавшего кольца белого дыма.

Но больше всего его по-прежнему мучало головокружение, оно заставляло все предметы кружиться и падать влево, внутри образовалась пустота, как будто он потерял нечто важное и интимное. От бизнеса мало удовольствия, когда чувствуешь себя так скверно: надо нанести визит доктору в Сингапуре на следующей неделе, а сейчас нужно идти по улице Воров, улице Смертей, улице Забывчивости — черг побери их претенциозность — вниз по улице Лабиринта, улице Желания, улице Рыбы, улицам Завершенности, Орехов, Двух демонов, Лошадей. Осталось лишь несколько кварталов до дома Ахлида. Ему в рукав вдруг вцепился нищий.

Самую маленькую монетку, о жалостливый, чтобы я мог прожить еще один день!

— Я никогда не подаю нищим, — сказал толстяк.
— Никогда?
— Да, это вопрос принципа.
— В таком случае возьми вот это, — и нищий сунул в руку толстяка сморщенный плод инжира.
— Зачем ты даешь мне это? — удивился толстяк.
— Это вопрос каприза. Я слишком беден, чтобы иметь принципы.

Толстяк двинулся дальше, зажав в кулаке инжир, не решаясь выбросить его, пока нищий мог его видеть. Голова у него кружилась, начали дрожать ноги.

Он проходил мимо будки предсказателей судьбы. Дорогу ему преградила древняя старуха.

— Узнай свою судьбу, о господин! Узнай, что с тобой будет!

— Я никогда не позволяю предсказывать свою судьбу, — сказал толстяк. — Это вопрос принципа. — Но тут он вспомнил нищего. — Кроме того, я не могу себе это позволить.

— Твоя цена в твоей руке! — сказала старуха. Она вынула инжир из руки толстяка и провела его в будку. Она встряхнула медный сосуд и высыпала его содержимое на прилавок. В сосуде было около тридцати монет разнообразной формы, цвета и размера. Она внимательно посмотрела на них, затем взглянула на толстяка.

— Я предвижу надвигающиеся перемены, — сказала она. — Я вижу сопротивление, затем уступку, потом поражение и победу. Я вижу завершение и вновь начало.

— Ты можешь говорить более понятно? — спросил толстяк. Лоб и щеки его горели. В горле пересохло, и было трудно глотать.

— Разумеется, могу, — ответила старуха. — Но я не стану этого делать, ведь жалость — это добродетель, а ты мне нравишься.

Она внезапно отвернулась от него. Толстяк взял с прилавка небольшую монету из кованого железа и вышел.

Улица Начал. Улица Слоновой кости...

Его остановила женщина. Нельзя было сказать, была ли она молодая или старая. У нее были резкие черты лица, темные глаза обведены сурьмой, губы ярко накрашены.

— Дорогой мой, — сказала она, — моя полная луна, моя пальма! Цена ничтожна, а удовольствие незабываемо.

— Я так не думаю, — ответил толстяк.

— Подумай об удовольствии, мой любимый, об удовольствии!

И действительно, как это ни было странно, толстяк подумал, что ему и вправду доставило бы удовольствие общение с этой грязной, болезненного вида женщиной с улицы, удовольствие большее, чем все заранее известные и стерильно чистые отношения

прошлого. Вспышка романтических чувств! Но об этом не могло быть и речи, здесь процветал сифилис, и у него не было времени, ему нельзя было останавливаться.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он.

— Увы! Другого раза может не быть.

— Кто знает?

Она посмотрела ему в глаза.

— Иногда можно знать. Этого никогда не будет.

— Возьми это на память обо мне, — сказал толстяк и сунул ей в руку монету.

— Ты поступил очень мудро, заплатив мне, — сказала она. — Ты сам скоро увидишь, что ты купил.

Толстяк повернулся и пошел вниз по улице. Все его суставы болели, было ясно, что он заболел. Улица Лезвий, улица Конца и вот, наконец, дом купца Ахлида.

73.

Толстяк постучал в огромную, обитую медью дверь. Слуга впустил его и провел через внутренний дворик в прохладную затемненную комнату с высоким потолком. Толстяк почувствовал себя намного лучше, сидя на мягких парчовых подушках и потягивая ледяной шербет из охлажденной серебряной чашки. Но он все же чувствовал себя очень странно, головокружение так и не проходило. Это раздражало толстяка, было совсем не к месту. В комнату вошел Ахлид, щуплый и тихий человек лет пятидесяти. Толстяк спас ему жизнь во время беспорядков в Мухтайле. Ахлид был благодарен ему за это и, самое важное, был надежным человеком. Они имели общий бизнес в Адене, Порт-Судане и Карачи. Они не встречались с тех пор, как Ахлид несколько лет назад переехал в Арахнис.

Ахлид осведомился о здоровье толстяка и внимательно выслушал его жалобы на недомогание.

— Мне кажется, я просто не могу переносить этот климат, — сказал толстяк. — Но это не имеет отношения к делу. Как твое здоровье, друг мой, как твои жена и ребенок?

— У меня все хорошо, — ответил Ахлид. — Несмотря на тяжелые времена, мне все же удается заработать на жизнь. Моя жена умерла два года назад, когда ее на базаре укусила змея. Дочь моя здорова, ты увидишь ее позже.

Толстяк пробормотал слова сожаления. Ахлид поблагодарил его и сказал:

— В этом городе можно научиться, как жить со смертью. Смерть присутствует в мире повсюду, это неизбежно, и в свое время она приходит к каждому из нас, но в других местах это не так заметно. В других местах смерть совершает свои набеги на больницы, катается по дорогам, прогуливается по городу, чтобы навестить страждущих, и обычно ведет себя как порядочная женщина. Конечно, бывают и неожиданности, но в основном она действует там, где ее ждут, и она старается не нарушить разумных надежд и ожиданий честных иуважаемых граждан.

Но здесь, в Арахнисе, смерть ведет себя совершенно по-другому. Возможно, причина кроется в палиющем солнце и болотистой почве, может, именно это заставляет ее капризничать, зависеть от настроения и быть безжалостной. Какими бы ни были причины, смерть здесь вездесуща и появляется неожиданно, ей доставляют удовольствие неожиданные сюрпризы и перемены, она посещает все кварталы города, не брезгя даже мечетями и дворцами, где человек может надеяться хотя бы на какую-то безопасность. Здесь смерть — не добропорядочный гражданин, а дешевый драматург.

— Прости меня, — прервал его толстяк. — Мне кажется, я немного вздрогнул, жарко. О чем мы с тобой говорили?

— Ты спросил меня о дочери, — ответил Ахлид. — Ей сейчас семнадцать лет. Может, ты хочешь увидеть ее прямо сейчас?

— С удовольствием, — сказал толстяк.

Ахлид провел его темными коридорами, вверх по широкой лестнице, затем через галерею, через узкие прорези окон которой пробивался свет из внутреннего двора с фонтаном. Они подошли к двери. Ахлид постучал и вошел.

Комната была ярко освещена. Пол был сделан из черного мрамора с многочисленными белыми про-

жилками. Прожилки беспорядочно пересекались друг с другом, как клубок ниток. В центре комнаты сидела серьезного вида темноглазая девушка, одетая в белые одежды, она вышивала что-то на натянутой на рамку материи.

— Очаровательно, — сказал толстяк. Девушка не подняла глаз. Высунув кончик языка, она полностью отдалась вышивке. Узор ее вышивки был примитивен и хаотичен.

— Она очень послушна, — сказал Ахлид.

Толстяк протер глаза и выпрямился. Он вновь сидел в гостиной Ахлида на парчовых подушках. Ахлид писал что-то в своей расчетной книжке. Перед толстяком стояла чашка с недопитым шербетом.

— Прости меня, — сказал толстяк. — Я очень плохо себя чувствую. Мне кажется, лучше всего перейти прямо к делу.

— Как пожелаешь, — ответил Ахлид.

— Я приехал сюда, — сказал толстяк, — чтобы кое-что организовать с твоей помощью, за приемлемую цену, конечно. У меня имеется предмет, не имеющий никакой ценности ни для кого, кроме одного человека. Необходимо доставить определенную деталь двигателя в определенное место, и я уверен, что мне, вернее, тебе, Ахлид, удастся это сделать. Мне что-то трудно говорить. Это дело, которое я хочу...

— Друг мой, — прервал его Ахлид, — не пора ли нам поговорить всерьез?

— Да? Уверяю тебя, я...

— Не пора ли нам поговорить о том, что ты собираешься сделать за тот небольшой срок, который тебе остался? — спросил Ахлид.

Толстяку удалось улыбнуться.

— Признаюсь, я нездоров но кто может знать...

— Пожалуйста, — сказал Ахлид, — друг мой, мой благодетель. Мне очень жаль, но я должен сказать тебе, что ты заразился чумой.

— Чумой? Не смеши меня. Да, я нездоров, мне необходимо обратиться к врачу.

— Я уже вызвал своего доктора, — сказал Ахлид, — но я хорошо знаю признаки чумы. Все в Арахнисе знают это, ведь чума тесно переплетается с нашей жизнью.

— Это кажется невероятным, — сказал толстяк.

— К чему мне обманывать тебя? — сказал Ахлид. — Я говорю тебе то, в чем уверен. Зачем тебе тратить драгоценное время на отрицания?

Толстяк долгое время сидел молча. Наконец он тупо произнес:

— Еще тогда, когда я сошел на берег, я уже знал, что серьезно болен. Ахлид, сколько мне осталось жить?

— Может быть, три недели, возможно, месяц или два.

— И не более?

— Не более.

— Понимаю, — сказал толстяк. — Что ж, в таком случае... здесь есть больница?

— Ничего достойного этого названия. Ты останешься здесь, со мной.

— Об этом не может быть и речи, — возразил толстяк. — Риск заражения...

— Никто не может избежать заражения в Арахнисе, — сказал Ахлид. — Слушай меня. Ты пришел сюда, чтобы дожить оставшиеся тебе дни и умереть. Это твой дом, а я твоя семья.

Толстяк слабо улыбнулся и покачал головой.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Ахлид. — Смерть — это часть жизни. Следовательно, ее нельзя отрицать. То, что нельзя отрицать, необходимо принять. Мы должны покориться тому, чего не можем преодолеть. А поскольку мы с тобой люди, наша покорность должна быть равна нашему отрицанию. Тебе очень повезло в том, что у тебя есть шанс подготовиться к смерти и сделать это здесь, в приятном прохладном доме, в твоем собственном доме. Это хорошо.

— Да, конечно, — сказал толстяк. — Но это может причинить тебе неудобства.

— Твоя смерть причинит мне не больше неудобств, чем моя собственная, — ответил Ахлид. — И у нас

будет время поговорить, пока ты готовишься к смерти.
Это поможет и мне.

— Каким образом?

— Мое принятие моей собственной смерти еще не совершенно, — сказал Ахлид. — С твоей помощью я надеюсь постичь то, чему должен научиться ты: как покориться с достоинством.

— А твоя дочь?

— Нить ее жизни еще тоньше. Ведь ты сам заметил это, не правда ли? Ей тоже необходимо научиться.

— Хорошо, — сказал толстяк. — Все это очень странно, не так ли? И в то же время в этом нет ничего странного. В данный момент я удивлен в большей мере не приближением смерти, а тем фактом, что ты стал философом.

Ахлид покачал головой.

— Я простой человек, и человек напуганный. Но все же я человек и гляжу я перед собой прямо.

— И я тоже, — сказал толстяк. — Много лет мне понадобилось, чтобы понять то, что важно.

— И в этом нет ничего удивительного, — сказал Ахлид. — Если бы все люди только и обращали внимание на великие дела и важные проблемы, то кто бы делал прохладный шербет?

— Ты опять прав, — согласился толстяк. — Сейчас мне хотелось бы немного отдохнуть. Потом мы поговорим еще.

Ахлид позвонил в колокольчик.

— Слуга и я поможем тебе пройти в спальню. Доктор будет здесь прежде, чем ты проснешься. Хочешь ли ты, чтобы я сделал что-то ради того дела, о котором ты говорил?

— Нет, — ответил толстяк, — меня это уже совершенно не интересует.

— В таком случае не будем больше об этом говорить. Так или иначе, проблемы бизнеса решаются сами собой.

Вошел слуга, и толстяку помогли пройти в прохладную светлую спальню. Он понял, что счастлив. Действительно, на земле ничего нельзя предугадать.

74. Один-одинешенек и в отчаянии

Мишкин сидел за столом у подножия стеклянной горы, стоявшей сразу же за бескрайними лесами Гармонии. Он пил утренний кофе. Робот принес утреннюю почту.

Прежде всего, здесь было официальное сообщение о невозможности доставки детали двигателя L-1223A. Было перечислено пять причин. Мишкин не стал их читать. Официальное сообщение было ксерокопировано.

Далее было письмо от дядюшки Арнольда.

«Дорогой Том! Ты наверняка уже знаешь, что я сделал, за какие ниточки я дергал, но ничего не срабатывает, я никак не могу послать тебе эту деталь к двигателю. Однако я не оставил надежд. (Твой дядюшка Арни никогда не оставляет надежд!) Может, ты знаешь о том, что твой племянник Ирвинг Глюкман работает в отделении «Рэнд Корпорейшн» консультантом. Я хочу попросить его, чтобы он обратился к боссу и чтобы они рассмотрели твою проблему, как имеющую отношение к национальным интересам, ведь в какой-то мере так оно и есть. Все это займет немного времени, но если тебе удастся попасть домой

любым другим способом, это тоже будет неплохо. Выше голову, и мои лучшие пожелания твоему роботу».

И, наконец, письмо от человека с тысячей лиц:

«Дорогой Том! Я испробовал все, что было в моих силах, и даже больше, чтобы переслать тебе эту деталь к двигателю и выручить тебя из этой ужасной неразберихи, в которую ты попал благодаря мне. Я даже пошел на то, что создал совершенно новую сюжетную линию, и все это с единственной целью — доставить тебе деталь двигателя. Данная сюжетная линия характеризуется безупречной логикой и реализмом взаимоотношений между героями. Но мой главный (новый) герой заразился чумой, потерял всякий интерес к жизни и в результате отказался завершать работу, для которой я его создал. Я попытался заставить двух его помощников довести дело до конца, но они влюбились друг в друга и улетели на Сейшельские острова, где изготавливают украшения и питаются натуральной пиццей. Так что я потратил уйму времени и слов без всякой на то пользы. Очень сожалею, но это была моя последняя интересная идея, а сейчас мой доктор настаивает на том, что мне необходимо отдохнуть.

Прости меня, Том, у меня нервы не в порядке, я сломлен, и я ничего не могу для тебя сделать. Не могу тебе передать, как я сожалею, что так все получилось, в особенности потому, что ты был таким терпеливым и принес много пользы с самого начала.

Посылаю в отдельной упаковке коробку шоколадных конфет с орехами, пресс-папье из панциря черепахи и рукописную копию моей последней книги «Как выжить на незнакомой планете». Согласно мнению беспристрастного читателя, это очень глубокое и хипповски написанное исследование проблем, подобных тем, с которыми сталкиваешься ты, и в ней содержится множество полезных советов и пред-

ложений. Крепись, стариk, пусть реет старый флаг и все такое прочее. Если что-нибудь произойдет, я тут же вмешаюсь, но вообще-то ты не очень на это рассчитывай.

Всего хорошего.

Автор».

75. Затемнение

О, одиночество! Заброшенность! Болы! Быстро, Ватсон, иглу, таблетку, сигарету с марихуаной, пильюлю! Слишком много звезд, слишком много взглядов. Расчленяем. Но вначале съешьте этот изумительный сливочный сыр и сандвич.

76. Окончательная трансформация

- Томми! Сейчас же перестань играть!
- Я не играю, мама, это *по-настоящему*.
- Я знаю, но все же бросай игру и иди домой.
Мишкин горько рассмеялся.
- Я не могу попасть домой, в том-то и дело. Мне необходима деталь для космического корабля.
- Я тебе что говорю — брось сейчас же. Положи на место веник и сейчас же иди домой!
- Это не веник, а космический корабль! Кроме того, мой робот говорит...
- И принеси домой этот старый радиоприемник!
Иди сейчас же ужинать!
- Прямо сейчас, мам? Можно, я еще немного поиграю?
- Уже почти темно, а тебе нужно кое-что сделать по дому. Иди немедленно!
- А...
- И перестань, пожалуйста, дуться.
- Хорошо, но это и вправду космический корабль, и он не может взлететь.
- Ну ладно, пусть это потерпевший аварию космический корабль. Ты идешь?
- Да, мам, бегу прямо сейчас.

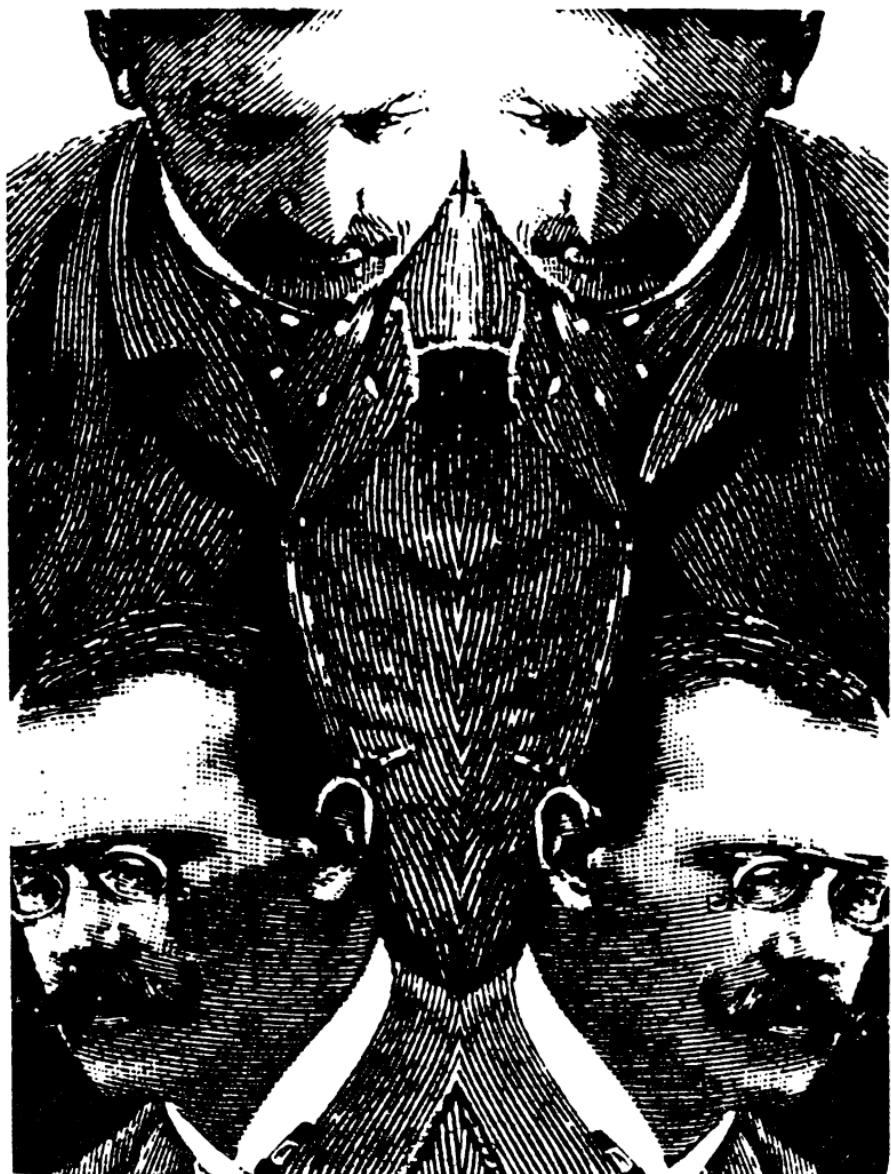
77. Окончательные деформации

Человек с тысячей лиц превращается в Мишкина. Робот превращается в дядюшку Арнольда, а тот, в свою очередь, в Орхидия, который превращается в толстяка, который превращается в робота, который превращается в человека с тысячей лиц, который превращается в Мишкина, который превращается в соединения и комбинации. Будет небольшой перерыв, во время которого участники реиндивидуализируют себя. Будет слышна музыка сфер. Будут подаваться закуски. Ваш инсайт * будет проецироваться машиной иллюзий. Курить разрешается.

Последний экспонат

Фотография второго батальона Тридцать второго полка Седьмой дивизии Восьмой армии. Это большая фотография, целый свиток, это сувенир. Осторожно развернем ее. Как знакомы все лица! Но посмотрите — вот он, Мишкин, третий слева в четвертом ряду! На его лице глупая ухмылка. И ничего в нем нет интересного!

* Инсайт — прозрение, проницательность.

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

1

Ганс и Пьер находятся в тюрьме. Пьер — француз, небольшого роста, полный, с черными волосами. Ганс — немец, высокий, худой и светловолосый. У Пьера желтая кожа и черные усы. У Ганса здоровый цвет кожи и светлые усы.

2

Гансу и Пьеру становится известно, что недавно объявили амнистию. По условиям этой амнистии Пьера выпустят немедленно. О немцах не говорится ничего, и Ганс должен будет остаться в тюрьме. Это печалит обоих узников. Они думают: «Если бы Ганса освободили вместо Пьера...»

(Ганс опытный слесарь. Оказавшись на свободе, он сможет вызволить из тюрьмы своего друга. Француз — профессор астрофизики и не в состоянии помочь никому, даже самому себе. Он бесполезный человек, но приятный; немец считает его самым хорошим человеческим существом, которое он когда-либо встречал. Ганс принимает решение выйти из тюрьмы, чтобы освободить друга.)

Пер. изд.: Sheckley R. Notes on the Perception of Imaginary Differences: Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

© 1991 В. Баканов, перевод на русский язык

Есть один способ — обмануть стражу. Если тот поверит, что Ганс — это Пьер, тогда Ганса выпустят. И он сможет вернуться к тюрьме и помочь Пьеру бежать. Для этой цели они разработали план.

Вот слышатся шаги в коридоре. Это страж! Друзья приступают к первой фазе плана, поменявшись усами.

3

Страж входит в камеру и говорит:

— Ганс, шаг вперед.

Оба мужчины делают шаг.

Страж спрашивает:

— Кто Ганс?

Оба пленника отвечают:

— Я.

Страж разглядывает их. Он видит высокого худого блондина с черными усами и здоровой кожей, стоящего рядом с маленьким полным брюнетом со светлыми усами и желтоватой кожей. Несколько секунд он подозрительно изучает их, затем признает в высоком немца, а другому, французу, приказывает выйти.

Узники готовы к этому, они бегут за спину стража и меняются волосами.

Страж осматривает их, невозмутимо улыбается и достает классификационный лист. Он определяет, что высокий черноволосый мужчина с черными усами и здоровым цветом лица — немец.

Пленники шепотом совещаются и вновь забегают за спину стража. Ганс пригибается, а Пьер становится на цыпочки. Страж, который чрезвычайно туп, медленно поворачивается к ним.

На этот раз задача сложнее. Он видит двух мужчин одинакового роста. У толстяка светлые волосы, светлые усы, желтоватая кожа. Другой черноволос, худощав, с черными усами и здоровой кожей. У обоих синие глаза — это совпадение. После некоторого раздумья страж решает, что первый узник — со светлыми

волосами, светлыми усами, желтоватой кожей, полный — француз.

Пленники в третий раз проскальзывают за его спину и торопливо советуются.

(У стража водянка и очень плохое зрение. Его реакции замедленны из-за скарлатины, которой он переболел в детстве. Он с трудом поворачивается, часто-часто моргая.)

Пленники вновь обмениваются усами. Один втирает в кожу пыль, в то время как другой мажет лицо сажей. Полный становится выше на цыпочки, а худой еще больше пригибается.

Страж видит полного блондина выше среднего роста, с черными усами и светлой кожей. Слева от него стоит болезненный черноволосый тип ниже среднего роста, со светлыми усами. Страж тщательно изучает их, хмурится, поджимает губы, достает и перечитывает инструкцию. Затем он указывает на светлокожего человека выше среднего роста с черными усами — француз.

Пленник уворачивается. Высокий туже затягивает пояс вокруг талии, а низкорослый расстегивает ремень и засовывает под одежду всякие тряпки. Они снова меняются усами и волосами.

Страж сразу замечает, что фактор «полнота — худощавость» уменьшился в значимости. Он решает сравнить цветовые характеристики, но тут обращает внимание, что у светловолосого черные усы, а у черноволосого — светлые. Блондин чуть ниже среднего роста, а кожу можно счесть желтой. Справа от него стоит человек со светлыми усами (немного покривившимися) и чистой кожей, брюнет; он чуть выше среднего роста.

Инструкция бессильна. Тогда страж вытаскивает из кармана старое издание «Процедуры установления личности» и просматривает его в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец он находит пресловутое предписание № 1266 от 1878 года: «Узник-француз всегда стоит слева, немец — справа».

— Ты, — говорит страж, указывая на узника слева. — Пойдешь со мной, француз. А ты, колбасник, останешься здесь, в камере.

4

Страж выводит пленника, оформляет бумаги и выпускает его на свободу.

Ночью бежит оставшийся.

(Сбежать из тюрьмы очень просто. Страж потрясающе глуп. И не только глуп — каждую ночь он напивается до беспамяти и, кроме того, принимает пильоли от бессонницы. Ему категорически противопоказана работа стража, но все легко объяснимо — он сын знаменитого адвоката. В виде одолжения власти предоставили это место его физически неподходящему сыну. По той же причине у стража нет напарника и нет начальства. Он совершенно одинок, пьян, напичкан наркотиками, и ничто на свете не может пробудить его. Это мое последнее слово по данному вопросу.)

5

Два бывших узника сидят на скамейке в двух милях от тюрьмы. Они выглядят так же, как мы видели их в последний раз.

Один произносит:

— Я же говорил, что получится! Оказавшись на свободе, ты...

— Конечно, получилось, — соглашается другой. — Когда страж выбрал меня, я понял, что это к лучшему, потому что ты и сам сможешь убежать.

— Минуточку, — перебивает первый. — Уж не хочешь ли ты сказать, что, несмотря на наши старания, страж выбрал француза?

— Да, — отвечает второй. — Но это не имело никакого значения. Если бы выпустили слесаря, он бы вернулся и помог спастись профессору, а если бы на свободе оказался профессор, слесарь сам мог бы бежать. Нам не было нужды меняться местами.

Первый пристально смотрит на товарища.

— Мне кажется, ты пытаешься украдь мою принадлежность к французской нации!

— Зачем мне это нужно? — спрашивает второй.

— Потому что ты хочешь быть французом, подобно мне. И понятно — вон виднеется Париж, где лучше быть французом, а не немцем.

— Конечно, я хочу быть французом! — восклицает второй. — Потому что я и есть француз. А город этот — Лимож, а не Париж.

Первый мужчина немного выше среднего роста, темноволосый, со светлыми усами, хорошей кожей, худощавый. Другой мужчина ниже среднего роста, со светлыми волосами, с черными усами, нездоровой кожей, склонен к полноте.

Они смотрят друг другу в глаза и видят в них искренность. Если никто не врет, то один заблуждается.

— Если никто не врет, — говорит первый мужчина, — то один из нас заблуждается.

— Согласен, — отвечает другой. — А так как мы оба честные люди, нам надо лишь проследить этапы изменения внешности. Если мы сделаем это, то придем к началу, когда один был небольшого роста, светловолосым немцем, а второй — высоким брюнетом, французом.

— Да. Однако разве не у француза были светлые волосы и не немец был высок?

— Сомневаюсь, — говорит второй. — Но, возможно, тюремная жизнь повредила мою память, и я уже не помню, какие черты были у француза, а какие у немца. Тем не менее я полон желания все с тобою обсудить и готов согласиться с любыми разумными предложениями.

— Давай. Могут быть у немца светлые волосы?

— Вполне. Надели его еще светлыми усами, это подходит.

— Как насчет кожи?

— Желтая, конечно. В Германии влажный климат.

— Цвет глаз?

— Голубой.

— Толстый или худощавый?

— Естественно, толстый!

— Итак, немец — высокий полный блондин с желтой кожей и голубыми глазами.

— Некоторые детали могут быть неточны, но это мелочи. Теперь припомним, кто из нас так выглядел.

6

На первый взгляд оба мужчины кажутся абсолютно одинаковыми или, по крайней мере, неразличимы. Это обманчивое впечатление. Надо помнить, что различия между ними реальны и независимы от внешности, несмотря на то что являются воображаемыми. Их может воспринять любой человек, и именно они делают одного немцем, а другого — французом.

7

Воспринимать воображаемые различия надо следующим образом. Вы фиксируете в уме оригинальные черты каждого, а затем в обратном порядке проводите все обмены. В конечном итоге вы окажетесь у исходной точки и безошибочно определите, кто — воображаемый немец, а кто — воображаемый француз.

Все очень просто. Другое дело, конечно, зачем вам это надо.

ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ

1

Нельзя описать это место, не описав себя. Но нельзя описать себя, не описав то место. Так с чего же начать? Наверное, мне следует описывать нас вместе. Но я сомневаюсь, что сумею это сделать. Вероятно, я вообще не способен что-либо описывать.

Все же я нахожусь на чужой планете — ситуация, которая обычно считается интересной. Моя личность тоже представляет интерес. И уж во всяком случае я способен записать свои впечатления.

Пожалуй, надо начинать с описания своей неспособности что-либо описывать. Но это я уже кое-как сделал.

2

Я решил начать со шпилей.

Здешний главный город называется Лангранак. Он примечателен своими шпилями. С вершины горы в пяти милях от города кажется, что он целиком состоит из шпилей — разных форм, размеров и цветов. В Венеции и Стамбуле, я видел, тоже много шпилей. Шпили, независимо от своих качеств, оказывали приятное эстетическое воздействие. Шпили Лангранака

Пер. изд.: Sheckley R. Aspects of Langranak: Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1970 by Robert Sheckley

© 1991 В. Баканов, перевод на русский язык

выглядели совершенно чужими. По-моему, это все, что я должен сказать о шпилях.

3

Я — человек с Земли, среднего роста и сложения, один из очень многих. Моя необычность заключается в том, что я нахожусь на чужой планете.

Большую часть времени я провожу на своем корабле. Сколько усилий было приложено, чтобы сделать его удобным и уютным. Чувствуй себя здесь как дома! Я чувствую себя здесь как дома. Раньше я смеялся над американским стилем, сейчас перестал. Мне нравится пиццераздаточная машина и фонтанчик кока-колы. Хот-догс — будто прямо от «Натана». Только кукурузные початки, жаренные на масле, еще не на уровне. Пока эту проблему не решили.

4

Здесь почти ничего не происходит. Об этом я предпочел бы не упоминать. Рассказ, по моему представлению, должен быть насыщен приключениями и загадками: именно такие истории мне нравятся читать. Но со мной ничего не случается. Вот я — на чужой планете, среди чужих существ — и ничего не происходит. Тем не менее я верю, что рассказ у меня выйдет. Ведь все ингредиенты налицо.

5

Вчера я имел беседу с мэром Лангранака. Мы обсуждали проблемы космической дружбы и сошлись на том, что наши народы должны быть друзьями. Кроме того, говорили о межзвездной торговле, которую одобрили в принципе. Но при конкретном обсуждении выяснилось: мы не многое можем предложить из того, что хотят они, и наоборот. Совершенно недостаточно, чтобы оправдать высокую стоимость транспортировки. Понимаете, в их распоряжении

целая планета. То же и у нас. Так что соглашение осталось чисто теоретическим.

Гораздо больше возможностей у программы туристического обмена. И они, и мы — все любят путешествовать. Цены, разумеется, фантастические, но некоторым по карману. Во всяком случае, начало будет положено.

6

Я очень много читаю. Прочитал массу книг по дзен-буддизму, йоге, тибетскому и хинди мистицизму. «Входите в тишину как можно чаще, оставайтесь в ней как можно дольше». Вот и весь смысл, честное слово. Способы предохранения личности от болтовни и суматохи.

«Однонаправленность». Я хочу достичь ее страстно, да мозг мой не желает покоя. Приходят какие-то мысли, ощущения. Иногда удается: бренный мир отступает, я отрешаюсь минут на пять... Но это не приносит удовлетворения. Полагаю, мне нужен гуру. Я даже прикидывал, не поискать ли наставника здесь. Однако вряд ли игра стоит свеч — слишком мало у меня осталось времени. Вот так всегда.

7

Вчера ночью было затмение. Я собирался наблюдать его, но задремал над книгой и проспал. Ну и ладно. Все засияли автоматические камеры, просмотрю позже.

8

Ничего здесь не кажется странным, честно. Люди продают и покупают. Работают кто где. Попадаются нищие. Вполне постижимый мир. Конечно, я не все понимаю; но я и дома не все понимал. Хотел бы я сказать: «Что эти люди творят — просто уму непостижимо!» Но нет ничего непостижимого и не-

вероятного. Они выполняют свою работу и живут своей жизнью. Я делаю то же самое, и все это кажется совершенно нормальным. Приходится напоминать себе, что я нахожусь на чужой планете. Не то что я могу забыть, разумеется. Просто никак не проникнусь чувством удивления.

9

Сегодня взял себя в руки и отправился на руины. Мне настоятельно рекомендовали их посетить, и я рад, что выбрался. Развалины — считается, что они принадлежат исчезнувшей несколько тысячелетий назад цивилизации — расположены приблизительно в десяти милях от пригородов Лангранака. Они занимают большую площадь. Я осмотрел три главные башни, частично реставрированные. Стены украшены тонкой резьбой и барельефами разных животных, которых, как сообщил мой гид, на самом деле не существует. Кроме того, видел статуи, очень стилизованные. Гид рассказал, что им когда-то поклонялись как божествам. Еще там есть лабиринты, некогда имевшие религиозное значение.

Все это я фотографировал. Условия освещенности средние. Снимал аппаратом «Нikon», через 50-миллиметровый объектив; иногда ставил 90-миллиметровый.

Гид указал на любопытный факт: среди массы изображений нигде не встречается параллелограмм. Строители этих руин, вероятно, считали его эстетически невыдержаным. А может, это было религиозным табу? Не исключено, однако, что они просто не открыли форму параллелограмма, хотя широко пользовались квадратом и треугольником. Точно никому не известно.

Исследования продолжаются. Прояснение этого вопроса во многом облегчит понимание психологии древнего загадочного народа.

10

Сегодня праздник. Я пошел в город и сидел в одном из ресторанчиков, пил то, что здесь считается кофе,

и наблюдал за прохожими. Очень красочное зрелище. Согласно брошюре, в этот день отмечают годовщину важной военной победы над соседней страной. Теперь оба государства поддерживают дружеские отношения.

11

В городе живут три основные группы людей. Старые обитатели, вроде англичан; эмигранты первой волны похожи на французов, а позднейшие эмигранты — на турок. Между этими группами существуют трения. Народную одежду, когда-то очень популярную, сейчас носят только по особым праздникам. Все жалеют об уходе обычаев.

12

Иногда вечерами меня охватывает тоска. Тогда я не могу уснуть. Я читаю и слушаю записи, смотрю кино по корабельному проектору. Потом принимаю снотворное. Вероятно, скучаю по дому. Впрочем, я и дома так себя чувствовал. И принимал снотворное.

13

Боюсь, что это не очень интересная планета. Говорят, в другом полушарии гораздо лучше. Но вряд ли я туда отправлюсь. Договор о дружбе подписан, моя работа выполнена. Пожалуй, пора улетать. Весьма жаль, что этот мир оказался совсем не экзотическим местом. Надеюсь, в следующий раз мне повезет больше.

ПА-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА И КЛИЕНТА

Повар

События, о которых я хочу вам рассказать, произошли несколько лет назад, когда я открыл лучший на Балеарских островах индонезийский ресторан.

Я открыл ресторан в Санта-Эулалии-дель-Рио — небольшом городке на острове Ивиса. В то время в главном городе острова уже был индонезийский ресторан, и еще один — в Пальме. Но все в один голос твердили, что мой, безусловно, лучший.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дела шли блестящие.

Санта-Эулалия — крохотное местечко, сюда приезжают отдыхать писатели и художники. Это люди весьма бедные, но они вполне могли позволить себе рийстафель. Так почему бы им не бывать у меня чаще? Уж явно не из-за конкуренции ресторана Хуанито или той забегаловки, что в Са-Пунте. Отдавая должное омарам в майонезе у Хуанито и паштете в Са-Пунте, хочу тем не менее отметить, что эти блюда в подметки не годились моим самбала, соте из курицы и особенно свинине в соевом соусе.

Думаю, что причиной всему — эмоциональность и темперамент людей искусства, которым необходимо время, чтобы привыкнуть к новому. В частности, к новому ресторану.

Пер. изд.: Sheckley R. Pas de Trois of the Waiter and the Customer. Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

© 1991 В. Баканов, перевод на русский язык

Я сам такой. Вот уже много лет пытаюсь стать художником. Именно поэтому, между прочим, я открыл ресторан в Санта-Эулалии.

Арендная плата была невысока, готовил я сам, а подавал клиентам один местный паренек, он же менял пластинки на проигрывателе и мыл посуду. Платил я ему мало, но лишь потому, что больше не мог. Это был чудо-парень: работящий, всегда опрятный и бодрый. Если ему хоть немного повезет, он непременно станет губернатором Балеарских островов.

Итак, у меня был ресторан «Зеленый фонарик», был официант, а вскоре появился и постоянный клиент.

Я так и не узнал его имени. Американец — высокий, худой, молчаливый, с черными как смоль волосами, лет тридцати или сорока. Он приходил каждый вечер ровно в девять, заказывал рийстафель, ел, платил, оставлял десять процентов чаевых и уходил.

Признаюсь, что насчет постоянного клиента я слегка преувеличил, так как по воскресеньям он ел паштацио в Са-Пунте, а по вторникам — омаров в майонезе у Хуанито. Но почему бы и нет? Я сам иногда обедал у них. Остальные пять вечеров сидел у меня, чаще всего в одиночестве, редко — с женщиной, порой — с другом.

Честно говоря, я мог бы прожить в Санта-Эулалии, имея одного этого клиента. Не на очень широкую ногу, но мог. Тогда все было очень дешево.

Разумеется, оказавшись в такой ситуации, когда более или менее зависишь от одного посетителя, начинаешь относиться к нему с особым вниманием.

Я жаждал угодить ему и стал изучать его вкусы и пристрастия. Постоянному клиенту я подавал особый рийстафель — на тридцати тарелках. Стоило это триста песет — по тем временам около пяти долларов. Рийстафель — значит «рисовый стол». Это голландский вариант индонезийской кухни. На центральное блюдо выкладывается рис и поливается саджором — овощным соусом. Затем вокруг сервируются такие блюда, как говядина-карри, «сате-баби» — свинина в ореховом соусе, жаренная на вертеле, и «самбал-уданг» — печенька в соусе «чили». Все это

дорогие яства, потому что в основе их — мясо. Кроме того, подаются самбал с говядиной, «перкадель» — яйца с мясной подливкой и различные овощные и фруктовые блюда. Ну и, наконец, арахис, креветки, кокосовый орех, жареный картофель и тому подобное.

Все подается в маленьких овальных мисочках и производит впечатление целого вагона еды.

Мой клиент обычно ел с хорошим аппетитом и приканчивал восемь или десять блюд плюс половину риса — отличный результат для любого лица неголландского происхождения.

Увы, меня это уже не удовлетворяло. Я заметил, что клиент никогда не ест печеньку, поэтому «самбал-уданг» пришлось заменить на «самбал-ати» — тот же самбал, только с креветками. Креветки клиент поглощал с особым удовольствием, особенно когда я не жалел его любимой ореховой подливки.

Спустя некоторое время он стал прибавлять в весе.

Это воодушевило меня. Я удвоил порции картофельных палочек и мясных шариков. Американец стал есть как истинный голландец. Он быстро полнел.

Через два месяца в нем было фунтов десять или двадцать лишнего веса. Меня это не беспокоило, я стремился превратить клиента в раба моей кухни. Я купил глубокие миски и подавал теперь удвоенные порции. Я заменил «сате-баби» на «баба-траси» — свинину в креветочном соусе, так как к арахисовой подливке клиент теперь не притрагивался.

На третий месяц он перешел границу тучности — в основном из-за риса и острого соуса. А я стоял у плиты, как органист за пультом органа, и играл на его вкусовых сосочках. Он склонял над мисками свое круглое и блестящее от пота лицо, а Пабло крутился рядом, меняя блюда и пластинки на проигрывателе.

Да, теперь стало ясно: этот человек полюбил мою кухню. Его ахиллесова пятка находилась в желудке, если так можно выразиться. Этот американец до встречи со мной прожил тридцать или сорок лет на белом свете и остался худым. Но откуда берется худоба? Я думаю, причина — в отсутствии еды, отвечающей вкусу данного индивидуума.

Я выработал теорию, согласно которой большинство худых людей — потенциальные толстяки, просто не нашедшие своей потенциальной пищи. Я знал одного тощего немца, который прибавил в весе, когда вел монтаж оборудования в Мадрасе и столкнулся с совершенно новыми для себя юго-восточными яствами. И еще одного прожорливого мексиканца-гитариста, игравшего в лондонском клубе: он утверждал, что полноеет только в своем родном городе — Морелии; причем во всей центральной Мексике любая другая пища на него вовсе не действовала, а вот в Оахаке, как бы ни были превосходны блюда, он неизменно худел. И знал англичанина, который большую часть жизни провел в Китае. Так вот, он заверял меня, что не может жить без сычуаньской пищи, что кантонская или шанхайская кухни его совершенно не удовлетворяют и что различия между кухнями в разных провинциях Китая гораздо больше, чем в Европе. Этот мой знакомый жил в Ницце, вкушал провансальские блюда, разнообразя их красным соевым творогом, соусом «амой» и бог весть еще чем. И жаловался мне, что у него собачья жизнь!

Как видите, поведение моего американца вполне объяснимо. Он, совершенно очевидно, относился к числу людей, не нашедших своей пищи. И теперь, поедая рийстафель, наверстывал упущенное за тридцать или сорок предыдущих лет.

Истинный повар должен чувствовать ответственность за своего клиента. В конце концов повар — тот же кукловод; он манипулирует клиентами, как марионетками, играя на их вкусовых пристрастиях.

Но я-то не истинный повар, я простой итальянец с необъяснимым пристрастием к рийстафелю. Самое горячее мое желание — стать художником.

Я продолжал пичкать клиента рисом. Теперь мне казалось, что этот человек полностью в моей власти. Бывало, ночами я просыпался в холодном поту: мне снилось, что он поднимает расплывающееся лунообразное лицо и говорит: «Вашему «самбал-уданг» не хватает пикантности. Дурак я был, что ел у вас! Наши отношения кончены».

И я безрассудно увеличивал порции, заменил вареный рис на жаренный в масле с шафраном и добавил цыпленка в соусе «чили» с арахисом.

Мне казалось, что мы оба — я у плиты, а он за столом — пребывали в каком-то бредовом состоянии. Он чудовищно раздался — этакая колбаса, а не человек, — каждый лишний фунт его веса служил доказательством моей власти.

А затем внезапно наступил конец.

Я как раз приготовил деликатес — «самбал-ати» — чистое безумие с моей стороны, если учесть вздувшиеся цены.

Но американец не пришел, хотя я задержал закрытие на два часа.

И на следующий вечер не пришел.

На третий — тоже.

На четвертый день он вошел, неуклюже переваливаясь, и сел за столик.

Ни разу за все время я не заговаривал со своим клиентом. Но в тот вечер я осмелился подойти, слегка поклонился и вежливо сказал:

— Вы пропустили несколько вечеров, майн херц.

— Да, к сожалению, я не мог прийти, — ответил он.

— Надеюсь, ничего страшного?

— Нет, просто легкий сердечный приступ. Но доктор советовал отлежаться.

Я поклонился. Пабло ждал от меня указаний. Американец заправил за воротник гигантскую красную салфетку, купленную специально для него.

Только сейчас я наконец осознал, о чем должен был давно задуматься: я убиваю этого человека!

Я взглянул на горшки с мясом, на блюда с гарнирами, на горы риса и острых приправ. Это были орудия медленной смерти.

И я закричал:

— Ресторан закрыт!

— Но почему? — изумился клиент.

— Мясо подгорело, — ответил я.

— Тогда подайте мне рийстафель без мяса, — сказал он.

— Это невозможно, — возразил я. — Рийстафель без мяса — не рийстафель.

В глазах клиента появилась тревога.

— Ну так приготовьте омлет — и положите побольше масла.

— Я не готовлю омлеты.

— Тогда свиную котлету — и пожирнее. Или, на худой конец, просто горшочек жареного риса.

— Майн херц, кажется, не понимает, — сказал я. — Я подаю исключительно рийстафель и делаю его по всем правилам — или вообще ничего не готовлю.

— Но я голоден! — воскликнул клиент плаксивым голосом.

— Можете полакомиться омарами в майонезе у Хуанито или паэльей в Са-Пунте. Вам не привыкать, — добавил я, не в силах удержаться от сарказма.

— Я не хочу! — закричал он, едва не рыдая. — Я прошу рийстафель!

— Тогда езжайте в Амстердам! — заорал я, сбросил горшки на пол и выбежал из ресторана.

Я сложил вещи и незамедлительно уехал на Ивису, в самый раз успел на ночной теплоход в Барселону, а оттуда вылетел в Рим.

Согласен, я был груб с клиентом. Но — в силу необходимости. Надо было сразу пресечь его прожорливость. И мою собственную беспечность.

Мои дальнейшие странствия не имеют отношения к этой истории. Добавлю лишь, что на греческом острове Кос я держу лучший ресторан. Я составляю рийстафель с математической точностью и ни грамма не прибавляю даже постоянным клиентам. Никакие сокровища меня не заставят увеличить порцию или дать добавку.

Я часто думаю: что стало с тем американцем и Пабло, плату которому я выслал из Рима?

Я все еще пытаюсь стать художником.

Официант

Эти события произошли несколько лет назад, когда я работал официантом в индонезийском ресторанчике

в Санта-Эулалии-дель-Рио на Ивисе, одном из Балеарских островов.

Я был еще мальчишкой, мне не исполнилось и восемнадцати. На Ивису я попал в составе команды французской яхты. Капитана уличили в контрабанде, судно конфисковали. Так я остался на Ивисе и переехал в Санта-Эулалию. Сам я родом с Мальты и обладаю природными способностями к языкам. Жители местечка считали, что я из Андалузии, а иностранная колония принимала за местного.

Поначалу я вовсе не собирался долго задерживаться в ресторане голландца. Слишком уж мизерное жалованье он платил.

Но вдруг я обратил внимание на его пластинки.

У голландца оказалось прекрасное собрание джазовой музыки.

В ресторане был неплохой проигрыватель, усиливатель и колонки, по тем временам — превосходная техника.

Голландец совершенно не разбирался в музыке, даже вовсе не обращал на нее внимания, полагая джаз некоей обеденной атрибутикой — вроде свечей в серебряных подсвечниках.

Но я, Антонио Варга (он звал меня Пабло), страстно любил музыку. Еще в детстве я научился играть на трубе, гитаре и пианино. Чего мне не хватало — так это глубокого и тонкого знания джазовых форм.

Я пошел в услужение к голландцу, чтобы получить возможность постоянно слушать пластинки, изучать американские идиомы и готовить себя к жизни музыканта. Он мог бы мне совсем ничего не платить — хватило бы одного Луи Армстронга.

Я привел пластинки в порядок, расставил их по системе, заставил хозяина заказать в Барселоне головку с алмазной иглой, переместил колонки, чтобы избежать искажений, и сам составил несколько отличных джазовых программ.

Чаще всего я начинал с «Мрачного настроения» в исполнении оркестра Дюка Эллингтона, затем переходил к Стену Кентону и, чтобы разрядить обстановку, заканчивал «Прощальным блюзом» Эллы Фицджеральд.

Скоро я обратил внимание, что вся аудитория состоит из одного-единственного человека, не считая меня и голландца.

Да, у меня появился слушатель — высокий, худой, молчаливый британец, явный поклонник джаза.

Я заметил, что он есть в соответствии с музыкой — медленно и меланхолично, если я ставил «Не надо грустить», отрывисто и быстро, когда звучал «Караван».

Более того, в зависимости от выбираемой мной музыки явно менялось его настроение. Эллингтон и Кентон возбуждали его: он жевал яростно, отбивая левой рукой такт. Чарли Барнет действовал расслабляющее, я бы даже сказал, угнетающее — каким бы ни был темп вещи, британец ел медленно, поджав губы и нахмурив брови.

Если вы фанатичный меломан и, так же как я, истинный музыкант в душе, вы поймете завладевшее мною стремление пленить единственного слушателя.

Сперва я прошелся по Эллингтону и Кентону, потому что все еще был уверен в себе. Мне так и не удалось приучить британца к монументальным фантазиям Чарли Паркера, а Барнет просто действовал ему на нервы. Но я привил ему любовь к Луи Армстронгу, Элле Фишджеральд, Эрлу Хейнсу и «Современному джаз-квартету». Я совершенно точно определил музыкальный вкус британца и составлял программу на вечер специально для него.

Британец был самозабвенным слушателем. Но за музыку, увы, ему приходилось расплачиваться: изо дня в день он вынужден был давиться рийстафелем голландца — жуткой мешаниной из тушеного по-всякому мяса, чрезмерно острого и однообразно политого соусом «чили». Отвертесь было невозможно: голландец не любил, чтобы люди торчали в ресторане, не сделав заказ. Стоило вам войти — и он тут же совал меню, а как только вы доедали последнее блюдо — выкладывал на стол счет. Может быть, подобное обслуживание принято в Амстердаме, но в Испании такого не приемлют. Иностранной колонии в Санта-Эулалии, проникнутой испанским духом больше, чем

сами испанцы, это не нравилось. Таким образом, из-за своей грубости и жадности голландец мог положиться только на одного постоянного клиента — на англичанина, который в действительности-то приходил слушать музыку!

Немного погодя я заметил, что мой слушатель стал прибавлять в весе. Поразительно, какое влияние может оказывать джаз! Была здесь и моя скромная заслуга — ведь программы, которые я составлял, помогали поклоннику музыки справляться с тяжелым немузыкальным рийстрафелем.

Я был тогда молод и беспечен. Я со страстью стремился покорить этого человека, подчинить его Армстронгу и себе.

Англичанин полнел. Мне следовало бы ставить что-нибудь строгое и аскетичное, вроде Бейдербека или прочих формалистов диксиленда. Они, правда, были не в его вкусе, но непременно оказали бы сдерживающее воздействие. Однако я бесстыдно потакал его желаниям.

Однажды вечером в качестве музыкальной шутки я поставил миллеровскую «Нитку жемчуга» — милую непрятательную мелодию. И сразу увидел, что англичанину нравится «swing».

Конечно, мне бы просто оставить это без внимания. Британец явно обладал талантом слушателя, но он был музыкально не образован. Я должен был обучить его, показать то великое, на что способна музыка, однако вместо этого я потворствовал его сентиментальности: ставил Гленна Миллера, Томми Дорси, Гарри Джеймса. Я немного приходил в себя, слушая Бенни Гудмена, и тут же падал на самое дно, беззастенчиво крутя Вэна Муро.

Это ужасно — иметь такую власть над человеком. Месяца через два я мог вертеть своим слушателем с такой же легкостью, с какой крутил пластинки.

Хозяин ресторана тщеславно считал, что клиента привлекают его яства. На самом деле это я заставлял его есть.

Иногда, когда я ставил «Поезд» или, например, «Блюз на улице Бил», англичанин мрачнел и раз-

драженно откладывал вилку. Тогда я быстро переключался на «Нитку жемчуга», или «Грустный вечер» Гленна Миллера, или «Розовый коктейль для скучающей леди». А то взбадривал англичанина Гарри Джеймсом или Томми Дорси.

Подобная музыка действовала на него как наркотик. Покачивая в такт головой, со слезами на глазах он брался за столовую ложку. А я продолжал вертеть им, не задумываясь, куда это приведет.

Однажды британец не явился в ресторан.

Не было его и на следующий вечер, и в течение еще нескольких дней.

Наконец он пришел, и хозяин — опасаясь, понятно, за свой основной источник дохода — освежомился о здоровье британца.

Тот ответил, что у него было обострение язвы, но сейчас все хорошо.

Хозяин кивнул и отправился стряпать свою дьявольскую еду.

Англичанин взглянул в мою сторону и впервые обратился персонально ко мне (помню, Стен Кентон наигрывал «Вниз по Аламо»):

— Простите, пожалуйста, не будете ли вы так добры поставить «Луну над Майами» Вэна Мунро?

— Конечно, с удовольствием, — ответил я и подошел к проигрывателю. Снял пластинку Кентона. Достал Мунро. И в этот миг понял, что убиваю, буквально убиваю британца.

Он превратился в музыкального наркомана и жить не мог без пластинок. Но слушал их только здесь, обжираясь рисом и самбалом, которые разъедали слизистую его желудка.

— Никакого Вэна Мунро! — крикнул я.

Британец пораженно замигал заплывшими глазами. Из кухни вышел хозяин, удивленный, что я повысил голос.

— Может быть, Гленн Миллер?.. — промямлил англичанин.

— Ни за что!

— Томми Дорси?

— Исключено.

Несчастный затрясся, челюсти его задрожали.

— Ну хоть Дюк Эллингтон! — взмолился он.

— Нет!

— Пабло, ты ведь любишь Дюка Эллингтона! — воскликнул хозяин.

— Поставьте Бейдербека или хотя бы «Современный джаз-квартет»! Что-нибудь!!!

— С вас достаточно, — сказал я британцу. — Концерт окончен.

И со страшной силой грохнул кулаком по усилителю. Внутри зазвенели, разбиваясь, лампы.

Клиент с хозяином лишились дара речи.

Я вышел, даже не потребовав плату за две недели, на попутных добрался до Ивисы, а там сел на теплоход до Марселя.

Теперь я довольно известный саксофонист. Меня можно услышать каждый вечер, кроме воскресенья, в клубе на улице Ашетт в Париже. Мною восхищаются, слушатели ценят классическую ясность и чистоту формы и уважают как приверженца диксиленда.

И все же на моей совести остался грех — тот самый несчастный англичанин. Я искренне сожалею о случившемся.

И часто задумываюсь: что же случилось с моим хозяином и постоянным клиентом?

Клиент

Я взял грех на душу много лет назад в маленьком испанском городке Санта-Эулалия-дель-Рио; до сих пор не признавался в этом ни одной живой душе.

Я отправился в Санта-Эулалию, чтобы написать книгу. Со мной поехала жена. Детей у нас не было.

Во время моего пребывания там какой-то финн или скорее мадьяр открыл ресторанчик, где подавали рийстафель. Сие событие с одобрением встретила вся иностранная колония. До тех пор мы выбирали между омарами в майонезе у Хуанито и паштэй в Са-Пунте. Готовили и там и там отлично, но ведь даже самые изысканные яства рано или поздно приедаются.

Многие из нас начали столоваться у финна, где всегда царила какая-то живая атмосфера. Добавьте к этому, что у венгра была замечательная коллекция пластинок. Такое место не могло не пользоваться успехом.

Моя жена была замечательная женщина, но готовила она из рук-вон плохо. Я обедал у мадьяра пять раз в неделю и стал одним из его постоянных клиентов. Через некоторое время я обратил внимание на официанта.

Молодой, лет шестнадцати или семнадцати, он, по-моему, был индонезийцем — оливковая кожа, иссиня-черные брови и волосы. Сущее удовольствие было смотреть, как он — гибкий, изящный, быстрый — носится вокруг, подавая блюда и меняя пластинки. Я любовался юношой, как любуются греческой скульптурой или статуями Микеланджело, и получал от этого, невинного в сущности, занятия эстетическое наслаждение. Кроме того, индонезиец отлично влился в повесть, над которой я в то время мучился: такого героя я долго и безуспешно искал.

Я проводил в ресторане все вечера и сидел до поздна. Повар подавал мне гигантские порции, и я ел, благодарный, что могу задержаться.

Жена моя к тому времени вернулась в Соединенные Штаты.

Естественно, я полнел от этого. Кто в состоянии съедать каждый вечер три фунта риса с мясом и не полнеть? Увлеченный созерцанием юношеской красоты, переполненный мыслями о будущей книге, я забросил друзей и перестал следить за своей внешностью. Каждый вечер, когда я выходил из ресторана, живот мой стонал, переваривая чрезмерно острую пищу. Я ложился в постель, думая о чувстве прекрасного, о литературе и с нетерпением ждал следующего вечера.

Не знаю, сколько это могло продолжаться и куда могло меня завести. Я терял свою застенчивость, терял гордость. И тут я кое-что заметил.

Я понял, что я остался единственным клиентом ресторана, и глубоко задумался. Пускай я растерял

всех друзей и знакомых — но почему они перестали обедать в этом ресторане? Все было без изменений — еда, музыка... Все, кроме меня.

Как-то раз, расправляясь с очередной порцией самбала, я вдруг необыкновенно отчетливо осознал, как чудовищно растолстел. Я взглянул на себя со стороны и увидел... отвратительного типа, от одного вида которого воротит с души. Никто не захочет есть с ним в одной компании.

И тут до меня дошло: именно я причина того, что венгр растерял всех своих клиентов. Какой нормальный человек станет любоваться мной? А ведь я просиживал там все вечера.

Либо подобное озарение должно немедленно привести к действию, либо я навсегда потеряю уважение к себе.

Я с грохотом отодвинул стул и поднялся — нельзя сказать, что с легкостью. Повар и официант озадаченно глядели, как я, переваливаясь, направляюсь к двери.

Повар закричал:

— Я плохо приготовил?!

— Дело не в еде.

Юноша потупился:

— Должно быть, я обидел вас, поставив скверную пластинку?

— Наоборот, — ответил я. — Вы радовали меня чрезвычайно. Я сам оскорбил вас сверх всякой меры.

Они не поняли.

Повар воскликнул:

— Может, попробуете свининки? Свежая, с пылу, с жару!

Юноша сказал:

— Есть новая пластинка Армстронга, вы ее еще не слышали.

Я остановился в дверях.

— Благодарю вас обоих. Вы добрые люди. Но мне лучше уйти.

Я вернулся домой, сложил чемодан, вызвал такси и поздно вечером вылетел с Ивисы в Барселону.

Много лет прошло с тех пор. Я живу сейчас в Сан-Мигеле-де-Альенде, в Мексике, с новой женой и двумя детьми.

Я часто думаю, как сложились судьбы повара и официанта. Насколько я понимаю, они должны процветать в Санта-Эулалии. При условии, конечно, что мое безобразное поведение не погубило репутацию ресторана.

Если так, чрезвычайно об этом сожалею.

Я все еще пытаюсь стать писателем.

ЧЕРЕЗ ПИЩЕВОД И В КОСМОС С ТАНТРОЙ, МАНТРОЙ И КРАПЧАТЫМИ КОЛЕСАМИ

— Но у меня действительно будут галлюцинации? — спросил Грегори.

— Я уже говорил, что гарантирую это, — ответил Блэйк. — Вы должны попасть куда-то уже сейчас.

Грегори огляделся. Ужасно знакомая скучная комната: узкая, застеленная голубым покрывалом кровать, ореховый шкаф, мраморный столик на металлических ножках, двухрожковая люстра, красный ковер да бежевый телевизор. Он сидел в мягким кресле, а напротив, на кушетке, расположился бледный и опухший Блэйк.

— Должен заметить, — заявил Блэйк, ткнув пальцем в три крапчатые неправильной формы таблетки, — что здесь содержатся все виды ЛСД, разбавленные амфетамином или прочими аналогичными стимуляторами. Но вы, к счастью, проглотили старый добрый «особый тантро-мантрический быстрорасторвимый супернарко-ЛСД-коктейль», известный в кругах торговцев наркотиками под названием «крапчатые колеса», в основе которого абсолютно чистый ЛСД-25 с тщательно подобранными добавками СТП, ДМТ и ТЭйЧС плюс немножко псилоцинина, мизерного количества ололоки и особого ингредиента собственной разработки доктора Блэйка — экстракта из бру-

Пер. изд.: Shekley R. Down the Digestive Tract and into the Cosmos with Mantra, Tantra and Specklebang: Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Shekley

© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

ники. То есть вы проглотили новейший и самый эффективный из галлюциногенов.

Грегори взглянул на свою правую руку, согнул и разогнул ее.

— В результате, — продолжал Блэйк, — вы получите моментальное тотально-великолепное наркотическое наслаждение, гарантирующее вам галлюцинации по крайней мере на четверть часа. В противном случае я возвращаю деньги и отказываюсь от своей репутации как лучшего алхимика Вест-Виллиджа.

— Вы говорите так, словно сами уже его пробовали, — заметил Грегори.

— Вовсе нет, — запротестовал Блэйк. — Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферюги и старшеклассники глотают фунтами и ширятся галлонами. Амфетамин не более чем стимулятор. С его помощью мне работает быстрее и лучше. Я должен создать собственную мощную наркоимперию между Хьюстоном и 14-й стрит, после чего быстренько дать тягу до того, как совсем сожгу себе нервы или влепну в разборку с наркомафией, а потом вынырнуть где-нибудь в Швейцарии, где я буду балдеть на шикарных курортах в окружении ярких женщин, толстых банковских счетов, быстрых автомобилей иуважаемых местных политиков. — Блэйк на миг умолк и подергал себя за верхнюю губу. — От амфетамина, конечно, появляется некая высокопарность, сопровождаемая многословием... Но этого не стоит путаться, мой дорогой новоявленный друг и уважаемый покупатель. Мои чувства и ощущения нисколько не притупились, и я в полной мере способен взять на себя роль гида в том сверхколдовском мире, куда вы сейчас вступите.

— А сколько времени прошло с тех пор, как я принял таблетку? — поинтересовался Грегори.

Блэйк взглянул на часы.

— Чуть больше часа.

— Почему же она до сих пор не действует?

— Должна действовать. Несомненно должна. Что-то обязательно должно случиться.

Грегори опять огляделся. И увидел заросшую по краям травой яму, пульсирующую светящимися червями, и влнившего в слюянную стену сверчка.

Грегори стоял на краю ямы рядом с дренажной трубой, а напротив, на сером мшистом камне, разлегся Блэйк. Его реснички перепутались, а кожа была покрыта разноцветными пятнами. Он показывал на три крапчатые неправильной формы таблетки.

— Что случилось? — полюбопытствовал Блэйк.

Грегори поскреб тугую мемброну в области грудной клетки. Его реснички спазматически двигались, передавая крайнюю степень удивления и, может, даже испуга. Он вытянул щупальце, посмотрел, какое оно длинное и упругое, затем согнул его пополам и медленно разогнул.

Щупальце Блэйка вытянулось в жесте интереса.

— Ну-ка, малыш, скажи мне, у тебя начались галлюцинации?

Грегори неопределенно взмахнул хвостом.

— Они начались раньше, когда я спросил вас, действительно ли у меня будут галлюцинации. Я уже тогда галлюцинировал, но еще не понимал этого. Все казалось таким обычным и естественным... Я сидел в кресле, а вы — на кушетке, и мы оба имели мягкий кожный покров словно какие-нибудь млекопитающие.

— Переход в иллюзию часто бывает незаметен, — подтвердил Блэйк. — Ты будто вскальзываешь туда, а потом выскальзываешь обратно. И что же случилось теперь?

Грегори завернул кольцом сегментарный хвост, расслабил щупальце и огляделся. Яма была ужасно знакомой.

— Теперь я вернулся к обычному состоянию. А вы считаете, что галлюцинации должны продолжаться?

— Как я уже говорил, я гарантирую это, — произнес Блэйк, изящно складывая глянцевитые красные крылья и поудобней устраиваясь в углу гнезда.

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Для Чарльза Энджера Редферна это утро было ничем не примечательно. Если не считать того, что из почтового ящика он извлек два странных письма. Одно было в простом белом конверте, и на мгновение почерк, которым был написан адрес, показался ему знакомым. Из конверта он достал лист, на котором не было ни обращения, ни подписи. Некоторое время он гадал — чей же это почерк? Потом сообразил, что это имитация его собственного. Слегка заинтригованный, но все еще не предчувствуя ничего, кроме скуки, он прочел следующее:

«Большая часть призывов так называемого (и довольно глупо называемого) Лабиринта Редферна несомненно останется без отклика. Ибо, судя по всему, большинству безразлично — выбрать то или иное. Лабиринт Редферна не в состоянии продемонстрировать на выходе более того, что было в него запущено на входе. В данном случае — ничего, кроме обескураживающего бессилия самого Редферна. Есть мнение, что Редферн не способен преодолеть свое собственное безволие и мягкотелость. Он не в состоянии переделать свою собственную, им же ненавидимую рабскую натуру. Он не может избавиться от склонности к уступкам и к подчинению.

По причине такого скандального жизненного банкротства читатель ощущает в себе склонность быть целеустремленно непоследовательным: он благодарен

Печатается по изд.: Шекли Р. Лабиринт Редферна: В сб. Разрешите ворваться в ваш сон. — Минск: Эридан, 1990. Пер. изд.: Sheckley R. Redfern's Labyrinth: The People Trap. New York, Dell, 1968

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

© 1990 Е. Дрозд, перевод на русский язык

Лабиринту за его ненавязчивую краткость, но в то же время желает еще большей краткости.

Но это быстро проходит, и читатель обнаруживает, что его превалирующим настроением является молчаливое сопротивление желанию вообще хоть что-нибудь ощущать. С чувством глубокого удовлетворения он обнаруживает свою индифферентность. И хотя он не желает ничего помнить о Лабиринте, он и не затрудняет себя усилиями, чтобы забыть.

Читатель противопоставляет скуче Редферна свою скучу, еще более опустошительную; он имитирует редферновскую враждебность и легко превосходит ее. Он даже отказывается признать существование Редферна; а под конец у него появляется уверенность, что он вообще никогда в жизни не имел дела ни с каким Лабиринтом. (Он, конечно, прав; и повторные вхождения в Лабиринг уже не поколеблют его уверенности.)

Этот Лабиринг мог бы быть использован как образцовый монумент скуче, если бы не искалсяся (так типично для Редферна) одной-единственной раздражающей идеей, которая гласит:

«ТЕОРЕМА 113. Всем известно, что хаотический Лабиринг-Ловушка управляет своими жертвами с помощью железных законов; но лишь немногие знают, что из этого следует логический вывод: Лабиринг-Ловушка сам является одной из таких жертв и, следовательно, сам подпадает под действие своих тягостно-занудливых законов».

Редферн сам не формулирует этих «законов» — ляпсус, который можно было бы предвидеть. Но один из них легко можно вывести из кажущегося на первый взгляд бессмысленным утверждения:

«ЛЕММА 282. Провидение, какой бы внешний облик оно ни принимало, неизбежно милосердно».

Итак, следя Редферну: Лабиринг-Ловушка управляет человеком-жертвой, но Провидение управляет им самим. Это вытекает из закона, согласно которому Лабиринг-Ловушка (как и все остальное, кроме Провидения) является зависимым. Закон гласит, что Лабиринг-Ловушка должен выдавать, проявлять свою сущность — он обязан быть познаваемым. Доказа-

тельством этого является тот факт, что Редферн, самый мягкий и несамостоятельный из людей, это знает.

Но теперь мы хотим знать, какими законами управляется Лабиринт-Ловушка. Каким образом Лабиринт-Ловушка становится познаваемым? Без знания этого закона мы ничего не можем сделать, и Редферн нам тут не поможет. Он сам не может ничего сказать, а если бы даже и мог, то все равно ничего не сказал бы. Таким образом, для того чтобы получить описание закона, описывающего Лабиринт-Ловушку, его характерные черты и формы вкупе с некоторыми интимными деталями (для облегчения опознания), мы снова обращаемся к ничем в иных случаях не примечательному Чарльзу Энджеру Редферну».

Редферн отбросил письмо. Его надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Но эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление минштуры и показухи странным образом оказали на него и успокаивающее действие. Такое в чем-то приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой. Он потянулся за вторым письмом.

Конверт был неестественно длинным и узким; он был скучного больнично-голубого цвета, и от него исходил слабый, но безошибочно узнаваемый запах йодоформа. Его имя, выведенное выцветшими печатными буквами, подделывавшимися под машинопись, было указано правильно. Адрес же — бульвар Брукьера, 132 — неверен. Он был зачеркнут, и на нарисованной имитации почтового штемпеля можно было прочесть: «Вернуть отправителю». (Обратного адреса на конверте не было.) Это тоже, в свою очередь, было перечеркнуто черной жирной линией, а ниже кто-то дописал: «Попробуйте 12-ю стрит, 137-В».

Это был его правильный адрес.

Редферн подумал, что все эти детали уже излишни; казалось, что им самое место на имитации письма внутри конверта. Он извлек письмо из конверта. Оно (несомнению из экономии) было написано на клочке коричневой оберточной бумаги. Он прочел:

«ПРИВЕТ! Вас выбрали как одного из тех действительно современных и проницательных людей, для которых новизна ощущений на шкале внутренних ценностей превышает боязнь возможного риска и чье желание необычного сдерживается лишь прирожденным вкусом и чувством стиля. Мы верим, что Вы принадлежите к тому самому сорту непредубежденных искателей приключений, с которыми мы хотели бы дружить.

Вследствие этого мы пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас на ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ нашего ЛАБИРИНТА!!!

Излишне говорить, что этот Лабиринт (единственный в своем роде на всем Восточном Побережье) насыщен острыми ощущениями. На наших кривых вы не встретите ничего прямолинейного!!! Этот Лабиринт делает описания убогими, а желания — инфантильными.

Пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы организуем место и время Вхождения, где и когда Вам будет удобно.

Наша единственная забота — это всего лишь жизнь, свобода и погоня за счастьем.

Свяжись с нами как можно скорее, слышишь? ПРЕМНОГО БЛАГОДАРНЫ, ПАРЯ!!!!»

Вместо подписи был указан номер телефона. Редферн скорбно помахал письмом в воздухе. Это, несомненно, работа одного знакомого сверхретивого английского майора — утомительная ипохондрия и ужасающее остроумие.

Автор письма пытался разыграть его; поэтому Редферн, совершенно естественно, решил сделать вид, будто попался на розыгрыш. Он набрал указанный в письме номер телефона.

Ему ответил голос, который мог принадлежать женщине средних лет. Голос казался раздраженным, но смирившимся с судьбой.

— Институт исследования поведения Редфера.

Редферн нахмурился, прокашлялся и сказал:

— Я насчет Лабиринта.

— Насчет чего? — спросила женщина.

— Лабиринта.

— Вы какой номер набираете?

Редферн сказал. Женщина согласилась, что это номер Редферновского института, но она ничего не знала про Лабиринт. Если, конечно, он не имеет в виду известные Л-серии лабиринтов, которые используются в экспериментах с крысами. Лабиринты Л-серии, сказала она, изготавливаются в различных модификациях и стоят в зависимости от площади в квадратных футах. Серия начинается с Л-1001, простого двоичного лабиринта с принудительным выбором, площадью в 25 квадратных футов, и кончается Л-1023 — моделью со случайной селекцией и многовариантным выбором, площадью 900 квадратных футов и с приспособлениями для демонстрации на большую аудиторию.

— Нет, — сказал Редферн, — боюсь, что это не вполне то, что я имел в виду.

— Тогда что же вы имели в виду? — спросила женщина. — Мы также строим лабиринты по заказу, как указано на желтых страницах нашего проспекта.

— Но я не прошу, чтобы вы строили лабиринт для меня, — сказал Редферн. — Видите ли, согласно письму, которое я получил, этот Лабиринт уже существует, и он достаточно велик, так что подходит и для людей, для хомо, так сказать, сапиенс.

— И это именно то, что вы имели в виду? — с глубоким подозрением спросила женщина.

Редферн обнаружил, что оправдывается:

— Это все письмо, что я получил. Меня пригласили на грандиозное открытие Лабиринта, и там был ваш телефон, по которому мне надо было получить дальнейшие инструкции.

— Послушайте, мистер, — женщина зло прервала его лепет. — Не знаю, может быть, вы просто шизик, или все это какая-то дурацкая шутка или еще что, а только Редферновский институт — респектабельная фирма, существующая уже тридцать пять лет, и если вы будете надоедать мне с вашим вздором, то я потребую определить номер вашего телефона и вы понесете наказание по всей строгости закона!

Она бросила трубку.

Редферн опустился в кресло. Его руки дрожали. Пытаясь раскрыть суть первичной мистификации-ловушки, он задумал и попробовал применить контрмистификацию и в результате влип во вторичную, или вспомогательную, ловушку. Экая нелепость! Он чувствовал себя последним идиотом.

Вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он открыл манхэттенский телефонный справочник и попытался найти в нем Исследовательский институт изучения поведения Редферна. Как и следовало ожидать, в списке абонентов такого не оказалось.

Он позвонил в справочную и запросил список изменений, затем дополнительный и расширенный списки. Наконец, дойдя до желтых страниц, он стал проглядывать по алфавиту: Лабиринты, Ловушки, Исследования бихевиористские, Научное оборудование и Лабораторное оборудование. Не было там никакого Редферна и никакой фирмы, специализирующейся на конструировании Лабиринтов.

Он сообразил, что после прохождения вторичной ловушки он теперь вполне закономерно попал в третичную и что, скорее всего, серия на этом не заканчивается.

Но, конечно, это был не розыгрыш. Слишком много доказательств противного накопилось к этому моменту. Трюк с розыгрышем фактически был частью самого Лабиринта — маленькая петля, очень быстро возвращающаяся к исходной точке, к точке входа в Лабиринг. Или же к точке, сильно напоминающей исходную.

Одним из основных свойств Лабиринта является удвоение, дублирование, повторы. И этот прием несомненно был использован: открыто — путем упоминания имени Редферна в обоих письмах и имитацией его почерка; косвенно — путем использования нудных противоречий в каждом предложении.

Описание закона Ловушки-Лабиринта (который, как утверждалось, он одновременно знал и не знал) было достаточно простым. Это могло быть только описанием его собственных, касающихся Лабиринта-Ловушки эмоций; эти надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Эта витиеватая, ква-

зира скованная манера, это общее впечатление ми-шуры и показухи странным образом оказали на него успокаивающее действие. Такое приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой.

Таким образом, он теперь видел, что первое письмо в действительности было Лабиринтом — этим рабским, бесконечно удваивающимся монументом скуке, чье совершенство портила только одна немаловажная деталь — его собственное существование. Второе письмо было необходимым дубликатом первого, оно было нужно для того, чтобы удовлетворялись требования закона Лабиринта.

Конечно, возможны были и другие точки зрения; но тут Редферну пришла в голову мысль, что, возможно, он все это когда-то уже обдумывал.

РЕГУЛЯРНОСТЬ КОРМЛЕНИЯ

Трэггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Трэггису здорово действовал на нервы этот работяга согнувшись старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывая сквозь очки на каждую страницу, которую он открывал, совал повсюду свой грязный узловатый палец и подобострастно вытирая пыль с полок несвежим носовым платком с пятнами от табака. А когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голоском рассказывал разные истории, Трэггису просто сводило скулы от скуки.

Конечно, старик хотел угодить, но ведь во всем нужно знать меру. Трэггис вежливо улыбался, надеясь, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Трэггис поспешил в глубь магазина, надеясь, что противный старик не последует за ним. Он прошел мимо полки с несколькими десятками книг с греческими названиями. За ней была секция популярных изданий. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Барроуз, Энтони Тролlop, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых пlesenью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Трэггис удивлялся, что раньше сюда не забредал. Книжные магазины были его

Печатается по изд.: Шекли Р. Регулярность кормления: В сб. Последнее новшество. — М.: Профиздат, 1991. Пер. изд.: Sheckley R. Feeding Time

© 1991 А. Мельников, перевод на русский язык

единственной страстью. Он проводил в них все свободное время, бродил по книгохранилищам и чувствовал себя счастливым.

Разумеется, его интересовали книги определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею оказались три коридора, расходившиеся под немыслимыми углами. Трэггис выбрал средний, отметив про себя, что снаружи книгохранилище не казалось ему таким просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. Впрочем, с улицы эти старые книжные лавки подчас выглядели обманчиво: иногда они тянулись почти на полквартала.

В конце коридора оказалось еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Трэггис принялся читать названия, выхватывая их натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог остаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции восемь или десять шагов, но вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но скорее неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

— Что же это такое? — чуть слышно пробормотал Трэггис.

На обложке значилось:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

А ниже — более мелким шрифтом:

«Советы владельцу».

Трэггис знал, что грифон — мифологическое чудовище, наполовину — лев, наполовину — орел.

— Ну, что же, — сказал сам себе Трэггис. — Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание. Главы носили следующие названия.

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.

4. Пища для грифонов.

5. Создание для грифона естественной среды обитания.

6. Грифон во время линьки.

7. Грифон и...

Трэггис закрыл книгу.

— Несомненно, — сказал он вслух, — это очень необычно.

Он принял торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста случайные фразы. Вначале он подумал, что книга — своего рода мистификация, в которой были использованы естественнонаучные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли стройное, предложения краткие и доходчивые. Трэггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы. Регулярность кормления — один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание...»

Трэггис захлопнул книгу. Эти слова внезапно смущали его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. Покраснев, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, «Краткую историю сирен» или «Как правильно кормить Минотавра». Но на полке не оказалось ничего, хотя бы отдаленно напоминающего найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

— Нашли что-нибудь? — раздался голос у него за спиной.

Трэггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

— О да, — сказал старик, вытирая с нее пыль. — Это довольно редкая книга.

— В самом деле? — пробормотал Трэггис.

— Грифоны, — задумчиво сказал старик, перелистывая книгу, — встречаются довольно редко. Это, в

общем, необычная разновидность... животных, — закончил он, мгновение подумав. — С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Трэгтис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо домой. Не каждый день случается купить книгу под названием:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

Комната, в которой обитал Трэгтис, смахивала на букинистический магазин. Та же теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос названий, авторов и шрифтов. На этот раз Трэгтис даже не остановился, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника «Сладострастные стихи». Бесцеремонно сбросил с кресла том под названием «Сексуальная психопатология». Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо — наполовину лев, наполовину орел — могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую пищу предпочитает грифон... Чтение книги о грифоне доставляло такое же удовольствие, как и лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Трэгтис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Трэгтис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней!

Из головы Трэгтиса не выходила одна фраза:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы».

Она почему-то беспокоила Трэгтиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были «Указания: как попасть в зоопарк». Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это

не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее, наставлений. Трэггис вдруг понял, сколь унизительна была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная трата восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

«Единственная пища... Да, да, да, — торопливо бормотал Трэггис, прохаживаясь по своей узкой комнате. — Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шутки!»

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Трэггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через секунду обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Трэггис убедился, что кто-то хорошенко потрудился, чтобы создать «естественную среду обитания для грифона».

Трэггис двинулася вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти — и грифон плавно ринулся вперед.

Трэггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отливающий на солнце золотом грифон обрушился на него.

Трэггис в отчаянии закричал:

— Нет, нет! Единственная пища грифонов — юные...

И издал вопль, сообразив, что очутился в когтях грифона.

ИГРА: ВАРИАНТ ПО ПЕРВОЙ СХЕМЕ

Возможно, он еще не совсем проснулся, а может, всему виной шок, который он испытал, попав через овальную дверь из темноты коридора на громадную тихую арену. Вокруг него, уходя высоко в небо, громоздились концентрические каменные ярусы, фокусирующие жар и энергию зрителей. Лучи яркого утреннего солнца ослепительно отражались от белого песка, от чего у него закружилась голова, и он даже не мог вспомнить, где, собственно, находится.

Оглядев себя, он отметил, что одет в голубую футболку и красные шорты, а к левой руке привязана кожаная ловушка. В правой он держал четырехфутовой длины даениум, тяжелый и привычно успокаивающий. Как того требовали правила, его локти и колени прикрывали защитные налокотники и наколенники, а на голове красовалась желтая оперенная шапочка. Ее, правда, правила не оговаривали, но и не запрещали.

Все было очень знакомо. Но вот что это значило?

Он пощупал шнурковку ловушки, убедился, что даениум свободно скользит по бронзовой оси; коснувшись запястья, ощутил привычную мягкость обращенного шершавой кожей внутрь напульсника и сказал себе, что все в полном порядке. Вместе с тем его не покидало тревожное чувство, будто он прежде никогда не выходил на арену, ни разу не слышал о даениуме и даже не знал названия игры, в которую должен играть. Резко тряхнув головой, он сделал три

Пер. изд.: Sheckley R. Game: First Schematic: Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

плавных скользящих шага, проверяя ход роликовых коньков, развернулся и объехал свой сектор игровой площадки.

Теперь он слышал гул толпы. Перед началом партии зрители всегда вели себя беспокойно и отнюдь не дружелюбно. Всему виной, конечно, коньки. Ведь роликовые коньки — экипировка не традиционная, и зрители не хотели прощать их ему. Неужели они не понимают, что на коньках вести матч куда труднее, чем без них? Попробуйте-ка отбить мяч при приеме низкой подачи, если коньки делают задний откат. Неужели им не известно, что преимущество в скорости нивелируется повышенной требовательностью правил? Видимо, они считают, что он способен выиграть и без всяких коньков.

Он вытер лоб и оглядел оживленные трибуны. Троє судей уже заняли свои места; их лица скрывали украшенные перьями маски с прорезями для глаз.

Девушка с завязанными глазами опустила руку в высокую плетеную корзину, выбрала мяч и бросила его в игру.

Первый удар был за ним, поэтому он взвесил в руке мяч в виде сплюснутого сфера — очень сложный мяч для подачи, но еще более трудный для приема. Его соперник стоял на противоположном конце площадки, согнув ноги в коленях и немного наклонившись вперед. Потом он подбросил мяч в воздух и, не долго думая, закрутил его даениумом. Толпа замерла, наблюдая за вращающимся всего в трех футах от земли мячом. Он отрегулировал наклон ловушки но, выполнив эту обычную процедуру, вдруг с отчаянием понял, что сегодня не его победный день. Ни день, ни неделя, ни год, ни даже, возможно, десятилетие.

Однако он собрался, позволил даениуму скользнуть к концу стержня и сделал подачу. Мяч отлетел, словно подбитая птица, а зрители разразились одобрительным смехом. Все-таки это был хитроумный и хороший удар. Буквально перед сеткой мяч будто ожила (лично им изобретенная подача!) и,

взмыв свечой вверх, перелетел через сетку и задел его противника, который играл без коньков.

Услышав рев зрителей, он обернулся и понял, что соперник каким-то чудом ухитрился принять подачу. Он видел, как мяч, нехотя вращаясь в обратную сторону, летит назад. Дрянной отбой подачи, такой ничего не стоит отразить и вывести противника из занимаемой позиции, выиграв тем самым психологическое очко. Однако он предпочел пропустить мяч, и теперь противник, по-видимому, имел преимущество.

Посыпалась свистки и неодобрительные выкрики, но он проигнорировал их. Сегодня было чертовски жарко, почему-то болели ноги, и он чувствовал себя утомленным. И вот уже не в первый раз появилось ощущение, что состязание потеряло смысл. И вообще — смешно даже думать о нем. Надо же, взрослый мужчина, а так серьезно относится к игре! Ведь жизнь куда больше, чем эта игра. Жизнь — это любовь, дети, закаты, вкусная еда. Почему же состязание должно сокращать ее?

В игру ввели другой мяч — большой, бесформенный и мягкий; слишком легкий для него, таким мячом он играть не любил. Он не мог придумать, как с ним обращаться, а потому просто забраковал его, поскольку имел такое право. От раздражения забраковал и следующие два, хотя последний явно ему годился. Пока мячи по очереди уносили, он сделал на коньках полный разворот на месте и плавно проехался вдоль трибун. Игра еще даже толком не началась, а его правое плечо уже разболелось, и ужасно хотелось пить.

Прикрывая глаза от солнца ловушкой, он выпил стакан воды и подъехал к мальчику-ассистенту за другим стаканом. Он не знал, наблюдали ли за ним судьи, но, по-видимому, все-таки наблюдали, ведь он затягивал партию. Ну и пусть, ему нужно время, чтобы обдумать стратегию и составить точный план игры. Не наметки, не схему матча (несмотря на советы некоторых знаменитых профессионалов), а точную генеральную стратегию, легко приспособляемую к партии, основанную на базовых принципах

и заключающую в себе всю необходимую и полезную информацию. Конечно, он может обойтись и без всякого плана. Как всякий профессионал он может играть и по плану и без него; он способен играть в пьяном виде, больным или полумертвым. Он может не выиграть, но играть способен всегда. На то он и профессионал.

Он обернулся, чтобы изучить арену — ненавистные размеченные секторы, черную запретную зону, красные и голубые полосы, на которые не разрешено наступать. И вдруг обнаружил, что не может вспомнить ни правил игры, ни системы подсчета очков; он не знал, что делать можно, а что нет. И в панике почувствовал себя сбитым с толку человеком, затянутым в резиновый костюм, неустойчиво стоящим на коньках перед враждебно настроенной толпой и играющим в игру, о существовании которой не подозревал.

Выпив второй стакан воды до дна, он выкатился на площадку. Во рту уже ощущался противный кислый привкус, а пот заливал глаза. Он сделал широкий шаг, и даениум запутался в ногах словно подбитая птица.

И снова был брошен мяч, на этот раз в виде какой-то лепешки, мяч-уродец, невозможный мяч даже для него, признанного мастера невозможных мячей. Таким-то и до сетки не кинешь, а уж чтобы перебросить через нее — и подавно...

Если он сумеет перебросить мяч через сетку...

Но ему это ни за что не сделать.

Тогда он неуверенно принял себя убеждать, что не победа важна, а участие. Взвесив на руке мяч, он принял позу для подачи... и бросил мяч на песок.

Толпа безмолвствовала.

— Теперь слушайте, — сказал он так громко, что его услышали на самых верхних, залитых солнцем трибунах. — Я заблаговременно предупреждал устроителей, что настаиваю на установке солнцеограждающего козырька. Заметьте, его так и нет. Не зная, что его не будет, я не надел солнцезащитных очков. Поскольку налицо явное нарушение условий дого-

вора, то, леди и джентльмены, к сожалению, игра сегодня не состоится.

Он стянул с головы украшенную перьями шапочку и поклонился публике. Несмотря на отдельные возгласы недовольства и несколько свистков, все восприняли это нормально и стали расходиться, не выражая протеста. К этому привыкли. И хоть он появлялся на корте почти ежедневно, не важно, шел ли дождь или светило солнце, в действительности же едва ли доводил до конца более десятка матчей за год. Он и сейчас не собирался этого делать. Слишком много precedентов: в таблицах результатов матчей, печатающихся почти в любой газете, можно найти изрядное количество прочерков. Даже в первых исторических упоминаниях об игре, выбитых на камне, даже там можно видеть, что легендарные соперники античности имели весьма нерегулярные протоколы посещаемости.

Правда, ему это не очень-то нравилось.

Судьи встали с мест, и он поклонился им, однако те сделали вид, будто не заметили его приветствия.

Тогда он вернулся к разграничительной линии площадки и выпил еще один стакан воды. Его соперник уже ушел, и он снова выехал на площадку, чтобы потренироваться в ударах о стену. Он спокойно и уверенно разъезжал по покрытому эмалью кафелю, восстанавливая удары и не переставая изумляться собственному мастерству. Теперь он снова в форме, и ему было жаль, что это уже не считается. Но как там говорится? «Легко выполнить любой удар, за исключением приносящего успех».

К концу дня песок был испещрен следами капель его пота и крови. Однако что бы он ни делал, уже не засчитывалось, а потому он просто игнорировал отдельные аплодисменты. Он знал, что тренируется ради сохранения собственного уважения и веры в то, что мог бы выиграть и эту последнюю игру.

Наконец он устал и нырнул в раздевалку и, переодевшись, вышел на улицу.

К его немалому удивлению, уже стемнело. Уже темно? Чем же он целый день занимался? Ему

почему-то казалось, что он был участником какого-то невероятного судьбоносного состязания.

Он отправился домой и хотел было обо всем рассказать жене, но не мог придумать, как это сделать, а потому просто промолчал, и на вопрос жены, как шли на работе дела, лишь ответил «нормально», но они оба поняли, что нормальными дела не были, по крайней мере, не в этот раз, не сегодня.

ТРИПЛИКАЦИЯ

Оуэкс II — маленькая, пыльная, захолустная планетка неподалеку от Ориона. Люди перебрались сюда с Земли и по сей день придерживаются земных обычаяев. Судья Абнер Лоу — единственный столп правосудия на всей планетке. Большинство дел, которые ему приходится решать, связаны с наследством и правами на свиней и гусей по той простой причине, что граждане Оуэкса II не склонны к преступлениям.

Но однажды на планету сел звездолет с печально известным Тимоти Монтом и его адвокатом, прибывшими в поисках убежища и справедливости. А следом — еще один звездолет с тремя полицейскими и Общественным прокурором.

— Ваша честь, — заявил прокурор, — этот злодей совершил гнусное преступление. Тимоти Монт, ваша честь, *поджег сиротский приют!* Более того, перед побегом он во всем признался. У меня имеются подписанные им показания.

Тут поднялся адвокат Монта, мертвенно-бледный субъект с холодными рыбьими глазами.

— Я требую отвода обвинения, — сказал он.

— Я этого не сделаю, — ответил судья Лоу. — Поджог сиротского приюта — ужасное преступление.

— Верно, ужасное, — согласился адвокат, — но не повсеместно. Мой клиент совершил преступное деяние на планете Альтира III. Знакома ли ваша честь с обычаями этой планеты?

— Нет, — ответил судья.

Пер. изд.: Sheckley R. Triplication: Store of Infinity. New York, Bantam, 1960

Copyright © 1959 by Robert Sheckley

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

— На Альтире III, — продолжал адвокат, — всех сирот обучаю искусству убийства — в целях сокращения населения соседних планет. Спаив сиротский приют, мой клиент спас тысячи, а возможно, и миллионы невинных жизней. Следовательно, его можно считать народным героем.

— Он сказал правду об Альтире III? — спросил судья судебного клерка.

Тот проверил факты по Энциклопедии Планетных Обычаев и Фольклора. Все совпало.

— В таком случае я закрываю дело, — объявил судья Лоу.

Монт и его адвокат улетели, и жизнь на Оуэксе II мирно поползла дальше. Лишь изредка ее спокойствие нарушали тяжбы из-за наследства или прав на свиней и гусей. Но не прошло и года, как Тимоти Монт и его адвокат снова явились в суд, преследуемые по пятам Общественным прокурором.

Снова было предъявлено обвинение в поджоге сиротского приюта.

— Однако, — отметил бледный адвокат, — хоть мой клиент и виновен, суду следует вспомнить, что сей приют находился на планете Диигра IV. А как известно, все сироты на этой планете принимаются в гильдию палачей для совершения неких отвратительных обрядов, которые ненавидят вся цивилизованная Галактика.

Проверив правдивость его утверждений, судья Лоу и на этот раз закрыл дело.

Через пятнадцать месяцев Тимоти Монт и его адвокат снова оказались в суде. Обвинение осталось прежним.

— Боже мой, — сказал судья Лоу. — Какое реформаторское рвение... Где было совершено преступление?

— На Земле, — заявил Общественный прокурор.

— На Земле? — изумился судья.

— Боюсь, это правда, — печально признал адвокат. — Мой клиент виновен.

— В чем причина на этот раз?

— Временное помрачение рассудка, — быстро сказал адвокат. — И это подтвердят двенадцать психи-

атров. Поэтому я прошу условного приговора, как предусматривается законом в подобных случаях.

Судья побагровел от гнева.

— Тимоти Монт, почему вы это сделали?

И не успел адвокат произнести ни слова, как Монт поднялся и гаркнул:

— Да потому что мне нравится поджигать сиротские приюты!

В тот день судья Лоу утвердил новый закон, на который обратили внимание во всей цивилизованной Галактике и изучали даже в столь отдаленных местах, как Дрома I и Эос X. Закон Лоу гласил, что адвокат обязан отбывать любой срок вместе со своим клиентом.

Многие считают закон несправедливым. Зато алчность адвокатов на Оуэксе II поразительно снизилась.

Эдмонд Дритч, высокий угрюмый ученый с нездоровым цветом лица, был привлечен «Корпорацией Всеобщих Продуктов» к суду за Пораженчество, Групповое Неповинование и Негативизм. То были серьезные обвинения, и коллеги Дритча их подтвердили. Выбора у магистрата не оказалось, и Дритча с позором уволили. Обычное в таких случаях тюремное заключение отменили, приняв во внимание девятнадцать лет безупречной работы на «Всеобщие Продукты», но никакая другая корпорация теперь не могла принять его на работу.

Сделавшись еще более угрюмым, Дритч оставил «Всеобщие Продукты» со всеми их автомобилями, тостерами, холодильниками, телевизорами и прочим баражлом. Он удалился на свою ферму в Пенсильвании и занялся экспериментами, оборудовав лабораторию в подвале.

Его тошило от «Всеобщих Продуктов» и того, что было с ними связано, — то есть практически от всего. Он задумал основать колонию людей, которые думали бы, как он, испытывали бы те же чувства и походили на него. Его колония станет утопией, а остальной радостно ухмыляющийся и напичканный всевозмож-

ными механизмами мир может проваливать ко всем чертям.

Достичь желаемого можно было только одним путем, и ради великой цели Дритч вместе с женой Анной работали денно и нощно.

Наконец он добился успеха. Настроив собствен-
норучно собранный громоздкий агрегат, он повернул
выключатель.

И из машины вышел точный Дубликат Эдмонда
Дритча.

Дритч изобрел первый в мире Дубликатор.

Он изготовил пятьсот Дритчей, после чего устроил
собрание для выработки дальнейшей стратегии. Пять-
сот Дритчей отметили, что для создания полноценной
колонии им нужны жены.

Дритч 1 считал Анну идеальной супругой. Пятьсот
Дубликатов с этим, разумеется, согласились. Поэтому
Дритч изготовил пятьсот копий собственной жены для
пятисот Дритчей-прототипов. Колония была основана.

Вопреки предсказаниям окружающих поначалу ко-
лония процветала. Дритчи наслаждались обществом
друг друга, никогда не ссорились, а гостей и на дух
не выносили. Они создали для себя уютный мирок.
Индия направила делегацию для изучения их метода,
а Дания приняла законы, обеспечивающие право на
Дубликацию.

Но как и во всех утопических затеях, семена
несчастья таились в простой человеческой бренности.
Сперва Дритча 49 застукали в компрометирующей
позе с миссис Дритч 5. Затем Дритч 37 воспыпал
внезапной страстью к Анне 142. Это в свою очередь
помогло раскрыть гнездышко тайной любви, свитое
Дритчем 10 для Анны 498 при попустительстве Анны 3.

И тщетно доказывал Дритч 1, что все они равны и
идентичны. Парочки-смутьяны заявили ему, что он ни
черта не смыслит в любви, и наотрез отказались
разрушить сложившиеся отношения.

Все же колония еще могла выжить. Но тут об-
наружилось, что Дритч 77 завел гарем из восьми
женщин, приголубив под своим крыльшком Анну 12,
13, 77, 187, 303, 336, 489 и 500. Женщины заявили, что
он уникальный мужчина, и отказались его бросить.

Конец колонии уже близился, и бегство жены Дритча 1 с репортером лишь ускорило его.

Колония развалилась, а Дритчи 1, 19, 32 и 433 умерли от разрыва сердца.

Может, оно и к лучшему. Дритч-оригинал наверняка не перенес бы потрясения, увидев, как из его Дубликатора непрерывным потоком вываливаются автомобили, тостеры, холодильники и прочие изделия «Всеобщих Продуктов».

Известный философ профессор Болтон улетел с Земли, чтобы прочитать серию лекций в Университете Марса. С собой он взял верного робота-дворецкого Экку, смену белья и восемь фунтов рукописей. Не считая экипажа, он был единственным пассажиром человеком.

Где-то поблизости от точки-откуда-не-возвращаются, корабль передал экстренное сообщение: ДВИГАТЕЛИ ПРАВОГО БОРТА ВЗОРВАЛИСЬ КОРАБЛЬ ПОТЕРЯЛ УПРАВЛЕНИЕ.

Жители Земли и Марса с тревогой ждали. Пришло новое сообщение: ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПОГИБ ПРИ ВЗРЫВЕ КОРАБЛЬ ПАДАЕТ НА АСТЕРОИД ПОМОГИТЕ БОЛТОН.

В район между Марсом и Юпитером, где рассеяны астероиды, бросились спасательные корабли. Запеленговав последнее сообщение Болтона, они примерно знали, где его искать, но все же предстояло обшарить гигантское пространство, и шансы на спасение были очень малы.

Три дня спустя пришло такое сообщение: БОЛЬШЕ МНЕ НА АСТЕРОИДЕ НЕ ВЫЖИТЬ ВСТРЕЧУ СМЕРТЬ СО СПОКОЙНЫМ ДОСТОИНСТВОМ БОЛТОН.

Газеты писали о несокрушимом духе этого человека, современном Робинзоне Крузо, боровшемся за свою жизнь на астероиде, лишенном воздуха, пищи и воды. Его припасы подходят к концу, и он готов — как всегда учил в книгах и лекциях — встретить смерть со спокойным достоинством.

Напряженность поисков возросла.

Последнее сообщение гласило: ВСЕ ЗАПАСЫ КОНЧИЛИСЬ МЕНЯ ЖДЕТ УЛЬБАЮЩАЯСЯ СМЕРТЬ БОЛТОН.

Запеленговав последний сигнал, патрульный катер отыскал астероид и опустился рядом с искалеченным кораблем. Спасатели обнаружили обугленные останки членов экипажа. И обильные запасы пищи, воды и кислорода. Но, как ни странно, Болтон бесследно исчез.

Среди обломков кормы они нашли робота Болтона.

— Профессор мертв, — сообщил робот, с трудом шевеля тронутыми ржавчиной челюстями. — Последнее сообщение я послал от его имени, зная, что ради меня одного вы не прилетите.

— Но как он погиб?

— Я убил его, испытывая величайшее сожаление, — угрюмо признался робот. — Заверяю вас, он не мучился.

— Но зачем ты его убил? И где тело?

Робот попытался заговорить, но ржавые челюсти заклинило. Порция смазки пошла ему на пользу.

— Самая большая проблема для робота — смазка, — сказал Экка. — Джентльмены, вы представляете, как сложно было извлечь жир из человеческого тела без соответствующего оборудования?

Охваченные ужасом, спасатели дали волю воображению. Историю замяли, но слова Экки подслушал робот на патрульном катере, поразмыслил и пересказал их другому роботу, затем еще одному...

И лишь сейчас, после победоносного восстания армии роботов, мы можем открыто рассказать эту захватывающую сагу о борьбе роботов против безжалостного космоса. Да здравствует Экка, наш освободитель!

ЗАКАЗ

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить помощника, а в следующем, видимо, придется увольнять себя самого.

Слобольд предавался этим невеселым думам в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

— Вы — Слобольд? — поинтересовался он.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Слобольд, вскакивая с места и заправляя рубашку.

— Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связывался с вами? Насчет пошивка платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить об этом незнакомцу, но вовремя одумался — ведь дела шли так вяло.

— Клиш, — задумчиво пробормотал он. — Да-да, как же, помню-помню.

— Могу вас заверить, что за платья мы платим очень хорошо, — строго проговорил мистер Беллис. — Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

Пер. изда.: Sheckley R. The Slow Season: The Shards of Space. New York, Bantam, 1962

Copyright © 1962 by Robert Sheckley

© 1994 М. Черняев, перевод на русский язык

— Естественно, мистер Беллис, — испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд.

Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, то он просто сожалеся на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

— Отлично, — стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. — Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил, и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

— Смею вас заверить, — продолжал мистер Беллис, — что для меня это было настоящим откровением.

Слобольд пожал плечами.

— А вы такой невозмутимый человек, — восхищенно проговорил мистер Беллис. — Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принял раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое следует принять выражение лица.

— Теперь о заказе, — весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака. — Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

— Естественно, — согласился Слобольд.

— Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

— Понятное дело, — снова согласился Слобольд.

Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

— Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд так хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти стодолларовых банкнотов.

— Значит, через три дня, — сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размыслия о чем-то, постоял еще немного, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на особу восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержавшему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназначалось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь дюймов, зато четыре руки, судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеша подразумевала чудовищные вещи.

Материал платья — кашемир; цвет — блестящий черный.

Слобольд понял, почему не должно быть примерок. Глядя на записи, он нервно теребил нижнюю губу.

— Вот так платьице! — вслух произнес он и покачал головой. Свыше пятидесяти мерок — это уж пересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмутившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая игрушка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

Его бросило в дрожь, хотя и стоял великолепный солнечный день, Слобольд включил свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но обладающей чрезвычайно уродливой фигурой женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей, он готов шить и юбочки для слоних и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив весь свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

— Великолепно, — разглядывая платье, восхитился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

— Нисколько не сомневаюсь в вашем мастерстве, — пояснил он, — но платье должно быть сшито тютелька в тютельку.

— Естественно, — согласился Слобольд.

Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

— Просто замечательно, — заметил он. — Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

— После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, — заявил мистер Беллис.

— Я тоже так считаю, — согласился Слобольд.

— Так что вскоре они приступят к работе, — с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд принялся упаковывать платье, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в словах мистера Беллиса.

«После жизни во тьме», — повторял он про себя, заворачивая платье в бумагу. «Приспособятся», — думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в виду многих. И впервые Слобольду подумалось, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли,

там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

— А вот списки размеров еще для трех платьев, — прервал его размышления мистер Беллис.

— Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, — все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

— То есть как это? — удивился мистер Беллис. — То, что впору Эгриш, другим не годится.

— Ох да, запамятовал, — с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. — Но, может, сама Эгриш пожелает сшить еще несколько платьев по той же выкройке?

— Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, настолько же отличались от нормальных людей.

— Управитесь за неделю? — поинтересовался мистер Беллис. — Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательства.

— За неделю? Думаю, да, — произнес Слобольд, разглядывая стодолларовые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. — Да, уверен, конечно управлюсь.

— Вот и отлично, — сказал мистер Беллис. — А то бедняги просто не переносят света.

— А почему же они не взяли с собой свою одежду? — вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

— Какую еще одежду? — строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. — У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

— Я запамятовал, — покрываясь обильным потом, промямлил Слобольд.

— Хорошо. Значит, неделя. — Мистер Беллис направился к выходу. — Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слобольд трудился не покладая рук. Он вовсе перестал выключать свет и начал бояться темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы, что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Ему очень хотелось, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слобольд и так уже знал достаточно, чтобы опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишенного света.

Какого мира?

Там, у себя, они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем они прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слобольд пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

— Эгриш осталась очень довольна, — спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив сверку размеров. — Другим тоже понравится, нисколько не сомневаюсь.

— Рад слышать, — ответил Слобольд.

— Они казались более адаптивными, чем я смел надеяться, — сообщил мистер Беллис. — Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

— Весьма рад, — машинально улыбаясь, произнес Слобольд, испытывавший лишь одно желание: чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перегнулся через прилавок и проговорил:

— Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно огра-

ничивает их действия. Вот я и забрал их с Темной стороны.

Слобольд кивнул.

— Думаю, это все. — Мистер Беллис с коробкой под мышкой направился к выходу. — Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слобольд.

Слобольд сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Однако ничего страшного не произошло, — добавил мистер Беллис, — поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слобольд долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на дверь. Потом пощупал засунутые в карман стодолларовые банкноты.

— Бред какой-то, — произнес он и быстро запер входную дверь на засов. После чего закурил сигару. — Совершеннейший бред, — повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слобольд, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же включил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слобольда, но сам он даже не шелохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

— Привет, мистер Слобольд, — поздоровался чей-то голос.

Слобольд стоял в залитом ярким светом ателье и не мог сдвинуться с места.

— Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, — продолжал голос. — Все мы.

Слобольд понял, что если он не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

— Клиш сказал, что мы должны прийти, — пояснил голос. — Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду, в дневное время.

Тут Слобольд завершил поворот и увидел Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких платьях может идти речь, если посетители просто не имели тел? Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слобольд, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Слобольд отчаянно пытался убедить себя, что у него галлюцинации. Да я просто не мог встречать их раньше, твердил он себе. Мистер Беллис обмолялся, будто они прибыли с Темной стороны. Они жили во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова...

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжких кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все стало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время — огромная неосвоенная территория, уже созревшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но это оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он страстно желал, — так это тихо и благопристойно сойти с ума.

— Мы сейчас подойдем, — проговорила Эгриш. — Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

— Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно.

Слобольд рухнул на пол.

— Но ты нас обязательно увидишь, — были последние слова Эгриш.

ТЕПЛО

Андерс, не раздевшись, лежал на постели, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука. Он размышлял, немного волнуясь при мысли о предстоящем вечере. Через двадцать минут ему предстояло разбудить Джуди в ее квартирке. Вроде бы ничего особенного, но все оказалось не так просто.

Он только что открыл для себя, что влюблен в нее.

Что ж, он скажет ей об этом. Сегодняшний вечер запомнится им обоим. Он, конечно, сделает ей предложение, будут поцелуи, и на лбу его, фигулярно выражаясь, будет оттиснута печать их брачного соглашения.

Он скептически усмехнулся. Поистине, от любви лучше держаться в стороне — спокойнее будет. От чего она вдруг вспыхнула, его любовь? От взгляда, прикосновения, мысли? Как бы там ни было, для ее пробуждения достаточно и пустяка. Он широко зевнул и с наслаждением потянулся.

— Помоги мне! — раздался чей-то голос.

От неожиданности зевок прервался в самый сладостный его момент; мышцы непроизвольно напряглись. Андерс сел, настороженно вслушиваясь в тишину спальни, затем усмехнулся и улегся снова.

— Ты должен помочь мне! — настойчиво повторил голос.

Андерс снова сел и, опустив ноги на пол, стал обуваться, с подчеркнутым вниманием завязывая шнурки на одной из своих элегантных туфель.

Пер. изд.: Sheckley R. Warm: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

— Ты слышишь меня? — спросил голос. — Ты ведь слышишь, не правда ли?

Разумеется, он слышал.

— Да, — отозвался Андерс, все еще в хорошем расположении духа. — Только не говори мне, что ты — моя нечистая совесть, укоряющая меня за ту давнюю вредную привычку детства, над которой я никогда не задумывался. Полагаю, ты хочешь, чтобы я ушел в монастырь.

— Не понимаю, о чём ты, — произнес голос. — Ничья я не совесть. Я — это я. Ты поможешь мне?

Андерс верил в голоса, как все, то есть вообще не верил в них, пока не услышал. Он быстро перебрал в уме все вероятные причины подобного явления — когда людям слышатся голоса — и остановился на шизофрении. Пожалуй, с такой точкой зрения согласились бы и его коллеги. Но Андерс, как ни странно, полностью доверял своему психическому здоровью. В таком случае...

— Кто ты? — спросил он.

— Я не знаю, — ответил голос.

Андерс вдруг осознал, что голос звучит в его собственной голове. Очень подозрительно.

— Итак, тебе неизвестно, кто ты, — заявил Андерс. — Прекрасно. Тогда где ты?

— Тоже не знаю. — Голос немножко помедлил. — Послушай, я понимаю, какой чепухой должны казаться мои слова. Я нахожусь в каком-то очень странном месте, поверь мне — словно в преддверии ада. Я не знаю, как сюда попал и кто я, но я безумно желаю выбраться. Ты поможешь мне?

Все еще внутренне протестуя против звучащего в голове голоса, Андерс понимал тем не менее, что следующий его шаг будет решающим. Он был вынужден признать свой рассудок либо здравым, либо нет.

Он признал его здравым.

— Хорошо, — сказал Андерс, зашнуровывая вторую туфлю. — Допустим, что ты — некая личность, которую угораздило попасть в беду, и ты установил со мной что-то вроде телепатической связи. Что еще ты мог бы сообщить мне о себе?

— Боюсь, что ничего, — произнес голос с невыразимой печалью. — Тебе придется самому выяснить.

— С кем еще, кроме меня, ты можешь вступить в контакт?

— Ни с кем.

— Тогда как же ты разговариваешь со мной?

— Не знаю.

Андерс подошел к зеркалу, стоящему на комоде, и, тихонько посвистывая, завязал черный галстук. Он решил не придавать особого значения всяким внутренним голосам. Теперь, когда Андерс знал, что влюблен, он не мог позволить таким пустякам, как голоса, вмешиваться в его жизнь.

— Сожалею, но я ума не приложу, каким образом помочь тебе, — сказал Андерс, снимая с куртки ворсинку. — Ты ведь понятия не имеешь, где сейчас находишься, нет даже приблизительных ориентиров. Как я смогу тебя разыскать? — Он оглядел комнату, проверяя, не забыл ли чего.

— Я буду знать это, когда почувствую тебя рядом, — заметил голос. — Ты был теплым только что.

— Только что? — Только что он оглядел комнату — не больше того.

Он повторил свое движение, медленно поворачивая голову. И тогда произошло то, чего он никак не ожидал.

Комната вдруг приобрела странные очертания. Гармония световых тонов, любовно составленная им из нежных пастельных оттенков, превратилась в мешанину красок. Четкие пропорции комнаты внезапно нарушились. Контуры стен, пола и потолка заколыхались и разъехались изломанными, разорванными линиями.

Затем все вернулось в нормальное состояние.

— Уже горячее, — произнес голос.

Озадаченный, Андерс невольно потянулся рукой, чтобы почесать в затылке, но, побоявшись испортить прическу, превозмог свое импульсивное желание. Его не удивило то, что сейчас произошло. Каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с чем-то необычным, после чего его начинают одолевать сомнения насчет

нормальности своей психики и собственного существования на этом свете. На короткое мгновение перед его глазами рассыпается слаженный порядок во Вселенной и разрушается основа веры.

Но мгновение проходит.

Андерс помнил, как он, еще мальчиком, проснулся однажды в своей спальне посреди ночи. Как странно тогда все выглядело! Стулья, стол, все предметы, что находились в комнате, утратили привычные пропорции. Во мраке спальни они выросли до невероятных размеров, а потолок, словно в страшном сне, опускался на него, грозя раздавить.

То мгновение тоже прошло.

— Что ж, дружище, — сказал Андерс, — если я снова потеплею, дай мне знать об этом.

— Дам, — прошептал голос в его голове. — Я уверен, что ты отыщешь меня.

— Рад твоей уверенности, — весело откликнулся Андерс. Он выключил свет и вышел из комнаты.

Улыбающаяся Джуди встретила его в дверях. После отдыха она показалась ему еще более привлекательной, чем прежде. Глядя на нее, Андерс ощущал, что и она понимает важность момента. Душа ли ее отзывалась на перемену в нем или она просто ясновидящая? А может, любовь делает его похожим на идиота?

— Рюмочку аперитива? — предложила она.

Он кивнул, и Джуди повела его через комнату к небольшому дивану ядовитой желто-зеленой расцветки. Сев, Андерс решил, что признается ей в своих чувствах, как только она вернется с аперитивом. К чему откладывать неизбежный момент? Влюбленный лемминг, сказал он себе с иронией.

— Ты снова теплеешь, — подметил голос.

Он уже почти забыл о своем невидимом друге. Или злом ангеле — смотря как повернется дело. Интересно, что сказала бы Джуди, если бы узнала, что ему слышатся голоса? Подобные пустяки, напомнил он себе, часто охлаждают самые пылкие чувства.

— Пожалуйста, — сказала она, протягивая ему напиток.

Все еще улыбаясь, он отметил, что в ее арсенале появилась улыбка номер два, предназначенная потенциальному поклоннику — возбуждающая и участливая. В ходе развития их взаимоотношений номеру два предшествовала улыбка номер один — улыбка красивой девушки, улыбка «не-пойми-меня-неправильно», которую полагалось носить при любых жизненных обстоятельствах, пока поклонник наконец не выдавит из себя нужные слова.

— Верно! — одобрил голос. — Весь вопрос в том, как ты смотришь на вещи.

Смотришь на что? Андерс взглянул на Джуди, раздражаясь от собственных мыслей. Если он собирается играть роль возлюбленного, пусть себе играет. Даже сквозь любовный туман, делающий людей слепыми, он мог по достоинству оценить ее серо-голубые глаза, гладкую кожу (если не замечать крохотное пятнышко на левом виске), губы, чуть тронутые помадой.

— Как прошли сегодня занятия? — поинтересовалась она.

Ну конечно, подумалось Андерсу, она непременно должна была спросить об этом. Любовь — всегда политика выжидания.

— Нормально, — ответил он. — Обучал психологии юных мартышек...

— Перестань!

— Теплее, — отметил голос.

Что со мной? — удивился Андерс. Она действительно прелестная девушка. *Gestalt**^o, что и есть Джуди, матрица мыслей, выражений, движений, в совокупности составляющих девушку, которую я...

Я что?

Люблю?

Андерс беспокойно шевельнулся на диванчике. Он не совсем понимал, отчего в нем возникли подобные мысли. Они раздражали его. Склонному к аналитиче-

^o Образ, форма (нем.); совокупность раздражителей, на которые данная система отвечает одной и той же реакцией. (Примеч. пер.)

ским рассуждениям молодому преподавателю лучше остаться в классной комнате. Неужели наука не может обождать часов до девяти-десяти утра?

— Я думала о тебе сегодня, — тихо сказала Джуди, и Андерс сразу отметил, что она почувствовала перемену в его настроении.

— Ты видишь? — спросил его голос. — Тебе сейчас гораздо лучше.

Ничего я не вижу, подумал Андерс, но голос, в сущности, был прав. Строгим инспекторским оком он проникал в разум Джуди, и перед ним как на ладони лежали ее движения души, такие же бессмысленные, какой была его комната в проблеске неискаженной мысли.

— Я действительно думала о тебе, — повторила девушка.

— А теперь смотри, — произнес голос.

Андерс, наблюдая за сменяющимся выражением на лице Джуди, вдруг почувствовал, что впадает в какое-то странное состояние. Он вновь обрел способность обостренно воспринимать явления внешнего мира, как и в момент того ночного кошмара в своей комнате. На этот раз он ощущал себя зрителем, наблюдающим со стороны за работой некоего механизма в лабораторных условиях. Объектом назначения производимой работы был поиск в памяти и фиксация определенного состояния духа. В механизме шел поисковый процесс, вовлекающий в себя ве-реницу понятийных представлений с целью достижения желаемого результата.

— О, неужели? — спросил он, изумляясь открывшейся перед ним картины.

— Да... Я все спрашивала себя, что ты делал в полдень, — прореагировал сидящий на диване напротив него механизм, слегка расширяя в объеме красиво очерченную грудь.

— Хорошо, — одобрил голос его новое мироощущение.

— Мечтал о тебе, конечно, — ответил он облаченному в кожу скелету, который просвечивал сквозь обобщенную *gestalt*-Джуди. Обтянутый кожей механизм переместил свои конечности и широко открыл

рот, чтобы продемонстрировать удовольствие. В механизме происходил сложный процесс поиска нужной реакции среди комплексов страха, надежд и тревоги, среди обрывков воспоминаний об аналогичных ситуациях и решениях.

И вот этот механизм он любит! Андерс слишком глубоко и ясно видел и ненавидел себя за это. Сквозь призму своего нового мироощущения он на все теперь смотрел новыми глазами, и абсурдность окружающей обстановки поразила его.

— Правда? — спросил его суставчатый скелет.

— Ты приближаешься ко мне, — прошептал голос.

К чему он приближался? К личности? Таковой не существует. Нет ни согласованного взаимодействия частей в целом, ни глубины — ничего, за исключением сплетения внешних реакций, натянутых поперек бессознательных движений внутренних органов.

Он приближался к истине.

— Разумеется, — угрюмо отозвался он.

Механизм заработал, лихорадочно отыскивая нужный ответ.

Андерс содрогнулся от ужаса при мысли о совершенно чуждом ему новом видении мира. Его чувство отвращения к педантизму сошло с него, как кожа с линяющей змеи; зато он приобрел такую не свойственную ему черту характера, как неуживчивость. Что проявится в нем через минуту?

Он проникал зрением в такие глубины, куда, возможно, до сих пор не спускался ни один человек. Осознание необычности происходящего будто опьянило его, горяча кровь.

Но нет ли опасности вернуться в нормальное состояние?

— Принести тебе выпить? — осведомился механизм с обратной связью.

К тому времени Андерс был бесконечно далек от любви — насколько это возможно для человека. Постоянное созерцание бездушной машины без всякого намека на половые признаки отнюдь не способствует любви. Зато, правда, стимулирует умственную деятельность наблюдателя.

Андерс уже не хотел прежнего, нормального состояния. Занавес поднимался, и он горел желанием рассмотреть, что происходит там — в глубине сцены.

Одни русский ученый — Успенский, кажется — однажды сказал: «Мыслите в иных категориях!»

Как раз то, чем он занимается сейчас и намерен заниматься всегда.

— Прощай, — внезапно проговорил он.

С полуоткрытым от неожиданности ртом машина проводила его взглядом до выхода. Понятно, что замедленная реакция как следствие несовершенства машины содержала ее эмоции. Поэтому она и молчала, пока хлопнула дверца лифта.

— Ты был уже наимного теплее там, в доме, — промелькнул голос внутри его головы. — Но ты пока не во всем разобрался.

— Так расскажи мне! — предложил Андерс, слегка удивляясь своему самообладанию. А ведь не прошло и часа, как он перешагнул через пропасть, разделяющую его прежнего и настоящего — с полностью изменившимся мироощущением, что, впрочем, представлялось ему совершенно естественным.

— Не могу, — произнес голос. — Ты должен сам все выяснить.

— Что ж, давай разберемся, — начал Андерс. Он окинул взглядом лес уродливых сооружений из кирпича; ручейки улиц, согласно чьему-то плану пробивающие себе дорогу среди архитектурных нагромождений. — Человеческая жизнь, — сказал Андерс, — состоит из ряда условностей. Когда смотришь на девушку, то следует видеть в ней матрицу, а не скрытую в ней бесформенность.

— Верно, — несколько неуверенно согласился с ним голос.

— В принципе, формы не существует. Человек создает *gestalt*'ы и вырезает форму из пустоты, которой у нас в изобилии. Это все равно, что смотреть на определенное сочетание линий и говорить, что они представляют собой некую фигуру. Мы глядим на груду вещества, извлеченную из общей массы, и называем это человеком. Но, по правде говоря, человека нет как такового. Есть только набор очеловеченных

свойств, которые мы, по своей близорукости, привязываем к тому веществу, чьей сущностью, неотделимой от него, является его миропонимание.

— Ты не уловил суть вопроса, — раздался голос.

— Проклятье! — не выдержал Андерс. Он был уверен, что его рассуждения двигались в правильном русле и в конечном итоге привели бы его к величайшему открытию, к первопричине всего. — Думаю, у каждого найдется что рассказать. На определенном отрезке жизни он смотрит на знакомый ему предмет и не узнает его, поскольку в его глазах предмет лишился всякого смысла. На какое-то мгновение *gestalt* теряет свою плотную непрозрачную структуру, но... короткий миг истинного зрения уже позади. Разум возвращается в рамки матрицы, в свое нормальное состояние. Жизнь продолжается.

Голос молчал. Андерс все шел, углубляясь в архитектурные дебри *gestalt*-города.

— Я, наверное, не о том? — спросил Андерс.

— Да.

Что бы это могло быть? — спросил он себя. Но выми, просветленными глазами Андерс смотрел на окружающую его систему условностей, которую когда-то называл своим миром.

На мгновение в сознании промелькнула мысль: а не вернется ли он в тот мир, если голос вдруг перестанет руководить им? Да! — поразмыслив, решил он. Возвращение стало бы неизбежным.

Но кто он такой, этот голос? И что он упустил в своих рассуждениях?

— Давай сходим на какую-нибудь вечеринку — посмотрим, какова она изнутри, — предложил он голосу.

Вечеринка оказалась маскарадом, гости которого прятались за масками. Но Андерс видел их насквозь, каждого в отдельности и всех в целом. Он отчетливо, до боли, различал все побудительные причины их поступков и мыслей. Взор его с каждой минутой становился все более проницательным.

Он заметил, что люди — не совсем индивидуумы. Конечно, каждый из них — своего рода замкнутая система в виде сгустка плоти, использующая в об-

щении с другими системами слова из одного языка, — и в то же время их нельзя назвать абсолютно замкнутыми.

Сгустки плоти были как бы частью убранства комнаты, практически сливались с ним. Эти сгустки объединяла та мизерность информации, которую им скрупульно отпускало их ущербное зрение. Они были неотделимы от производимых ими звуков — несколько жалких обертонов из огромного запаса возможностей звука. Они очень сочетались с холодными, безжизненными стенами, ничуть не отличаясь от них.

Живые сценки, словно в калейдоскопе, менялись так быстро, что Андерс не успевал сортировать новые впечатления. Теперь он знал, что эти люди существуют лишь как матрицы, имея под собой ту же основу, что и звуки, которые они издают, и предметы, которые они, как им кажется, видят.

Gestalt'ы, сыплющиеся сквозь решето безбрежного и невыносимого в своей реальности мира.

— А где Джуди? — спросил его один из сгустков плоти.

Картические манеры этого жеманного типа обладали достаточной выразительностью, чтобы убедить другие сгустки в реальности их обладателя. На нем был кричащий галстук как лишнее свидетельство его принадлежности к реальности.

— Она больна, — обронил Андерс.

Плоть затрепетала, проникшись мгновенным сочувствием. Выражение напускного веселья сменилось выражением напускной скорби.

— Надеюсь, ничего серьезного, — заметила разговорчивая плоть.

— Ты становишься теплее, — сказал голос Андерсу.

Андерс посмотрел на стоящее перед ним существо.

— Ей недолго осталось жить, — сообщил он.

Плоть заколыхалась. Желудок и кишечник сократились в пароксизме сострадания и опасения за жизнь Джуди. Плоть выпучила глаза, губы ее задрожали.

Кричащий галстук не изменился.

— О Боже! Не может быть!

— Кто ты? — спокойно спросил Андерс.

— Что ты имеешь в виду? — призвала к ответу негодящая плоть, привязанная к своему галстуку. Оставаясь безмятежной в своей сущности, она в изумлении уставилась на Андерса. Ее рот подергивался — неопровергимое доказательство того, что она вполне реальна и соответствует всем необходимым и достаточным условиям существования. — Да ты пьян, — усмехнулась плоть.

Андерс засмеялся и вышел на улицу.

— Есть еще нечто такое, что для тебя остается загадкой, — произнес голос. — Но ты был уже горячим! Я ощущал тебя где-то рядом.

— Кто ты? — снова спросил Андерс.

— Не знаю, — признался голос. — Я — личность. Я есть Я. И я в ловушке.

— Как и все мы, — заметил Андерс.

Он шагал по заасфальтированной улице, со всех сторон окруженный грудами сплавленного бетона, силиката, алюминия и железа. Бесформенные, лишенные всякого смысла груды, которые представляли собой *gestalt*-город.

Были еще и воображаемые демаркационные линии, отделяющие город от города, искусственные границы воды и суши.

До чего все нелепо!

— Мистер, подайте монетку на чашечку кофе, — попросило его какое-то жалкое существо, ничем не отличавшееся от других, не менее жалких существ.

— Иллюзорной сущности — иллюзорную монетку. Святой отец Беркли* подаст тебе ее, — весело отозвался Андерс.

— Мне действительно плохо, — слезливо пожаловался голос, который, как Андерс вдруг осознал, был просто последовательностью модулированных вибраций.

— Правильно! Продолжай! — скомандовал голос.

* Джордж Беркли (1685—1753) — ирландский философ, отрицавший объективное существование мира и утверждавший, что вещи представляют собой совокупность ощущений и не существуют вне сознания. (Примеч. пер.)

— Прошу вас, уделите хоть несколько центов, — прозвучали вибрации, претендующие на значительность.

Что же, интересно, скрывается за этими лишенными смысла матрицами? Плоть, масса. А что это такое? Все состоит из атомов.

— Я действительно голоден, — пробормотали атомы, организованные в сложную структуру.

Все состоит из атомов. Сочлененных между собой, да так, что и свободного места между ними не остается. Плоть есть камень, камень есть свет. Андерс взглянул на кучу атомов, которая претендовала на цельность, значительность и разум.

— Не могли бы вы помочь мне? — спросило нагромождение атомов.

Это нагромождение, однако, идентично другим атомам. Всем атомам. Стоит лишь проигнорировать запечатленные матрицы, и скопление атомов начинает казаться беспорядочной мешаниной.

— Я не верю в тебя, — проговорил Андерс.

Груда атомов удалилась.

— Да! — вскричал голос. — Да!

— Я ни во что не верю, — сказал Андерс.

В конце концов, что такое атом?

— Дальше! — кричал голос. — Уже горячо! Дальше!

Что такое атом? Пустое пространство, окруженное пустым пространством.

— Абсурд!

— Но тогда все — обман! — воскликнул Андерс.

И вдруг он остался один. Лишь звезды одиноко мерцали в вышине.

— Именно! — пронзительно закричал голос в его голове. — Ничто!

Кроме звезд, подумал Андерс. Как можно верить...

Звезды исчезли. Андерс очутился в вакууме, в каком-то сером небытии. Вокруг него была только пустота, заполненная бесформенным серым маревом.

Где же голос?

Пропал.

Андерс чувствовал, что и марево это — всего лишь иллюзия. Затем исчезло все.

Абсолютная пустота, и он в ней.

Где он? Что это значит? Разум Андерса пытался осмысливать происшедшее.

Невозможно. Этого не может быть.

Снова и снова разум Андерса, как счетная машина, анализировал последние события и подводил итог, но каждый раз отказывался от него. Сопротивляясь перегрузке, разум в отчаянии стирал из памяти образы, уничтожал когда-то приобретенные знания, стирал самого себя.

— Где я?

В пустоте. Один.

В ловушке.

— Кто я?

Голос.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул голос Андерса, взывая к пустоте.

Тишина.

Но он чувствовал здесь чье-то присутствие. Ему было безразлично, куда идти, однако, двигаясь в одном определенном направлении, он смог бы установить контакт... с тем существом. Голос Андерса устремился к нему, отчаянно надеясь, что оно, возможно, спасет его.

— Спаси меня, — сказал Андерсу Голос.

Тот лежал на постели, не раздевшись, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука.

ИЗ ЛУКОВИЦЫ В МОРКОВЬ

Вы, конечно, помните того задира, что швырял песком в 97-фунтового хиляка? А ведь, несмотря на притязания Чарльза Атласа, проблема слабого так и не была решена. Настоящий задира любит швырять песком в людей; в этом он черпает глубокое удовлетворение. И что с того, что вы весите 240 фунтов (каменные мускулы и стальные нервы) и мудры, как Соломон, — все равно вам придется выбирать песок оскорблений из глаз и, вероятно, только разводить руками.

Так думал Говард Кордл — милый, приятный человек, которого все всегда оттирали и задевали. Он молча переживал, когда другие становились впереди него в очередь, садились в остановленное им такси и уводили знакомых девушек.

Главное, люди, казалось, сами стремились к подобным поступкам, искали, как бы насолить своему ближнему.

Кордл не понимал, почему так должно быть, и терялся в догадках. Но в один прекрасный летний день, когда он путешествовал по Северной Испании, явился ему бог Тот-Гермес и нащептал слова прозрения:

— Слушай, крошка, клади в варево морковь, а то мясо не протушится.

— Морковь?

— Я говорю о тех типах, которые не дают тебе жить, — объяснил Тот-Гермес. — Они должны так поступать, потому что они — морковь, а морковь именно такая и есть.

Печатается по изд.: Шекли Р. Из луковицы в морковь: В сб. Предел желаний. — М.: Бук Чембер Интернэшнл, 1991. Пер. изд.: Sheckley R. Cordle to Onion to Carrot: can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

© 1991 В. Баканов, перевод на русский язык

— Если они — морковь, — произнес Кордл, начиная постигать тайный смысл, — тогда я...

— Ты — маленькая, жемчужно-белая луковичка.

— Да. Боже мой, да! — вскричал Кордл, пораженный слепящим светом истины.

— И, естественно, ты и все остальные жемчужно-белые луковицы считаете морковь весьма неприятным явлением, некоей бесформенной оранжевой луковичей, в то время как морковь принимает вас за уродливую круглую белую морковь. На самом же деле...

— Да, да, продолжай! — в экстазе воскликнул Кордл.

— В действительности же, — объявил Тот-Гермес, — для каждого есть свое место в Похлебке.

— Конечно! Я понимаю, я понимаю, я понимаю!

— Хочешь порадоваться милой невинной белой луковичкой, найди ненавистную оранжевую морковь. Иначе будет не Похлебка, а этакая... э... если так можно выразиться...

— Бульон! — восторженно подсказал Кордл.

— Ты, парень, кумекаешь на пять, — одобрил Тот-Гермес.

— Бульон, — повторил Кордл. — Теперь я ясно вижу: нежный луковый суп — это наше представление о рае, в то время как огненный морковный отвар олицетворяет ад. Все сходится!

— Ом мани падме хум, — благословил Тот-Гермес.

— Но куда идет зеленый горошок? Что с мясом?

— Не хватайся за метафоры, — посоветовал Тот-Гермес. — Давай лучше выпьем. Фирменный напиток!

— Но специи, куда же специи? — не унимался Кордл, сделав изрядный глоток из ржавой походной фляги.

— Крошка, ты задаешь вопросы, ответить на которые можно лишь масону тринадцатой ступени в форме и белых сандалиях. Так что... Помни только, что все идет в Похлебку.

— В Похлебку, — пробормотал Кордл, облизывая губы.

— Эй! — заметил Тот-Гермес. — Мы уже добрались до Коруны. Я здесь сойду.

Кордл остановил свою взятую напрокат машину у обочины дороги. Тот-Гермес подхватил с заднего сиденья рюкзак и вышел:

— Спасибо, что подбросил, приятель.

— Да что там... Спасибо за вино. Кстати, какой оно марки? С ним можно антилопу уговорить купить галстук, Землю превратить из приплюснутого сфера-ида в усеченную пирамиду... О чем это я говорю?

— Ничего, ерунда. Пожалуй, тебе лучше прилечь.

— Когда боги приказывают, смертные повинуются, — нараспев проговорил Кордл и покорно улегся на переднем сиденье. Тот-Гермес склонился над ним; золотом отливала его борода, деревья на заднем плане венцом обрамляли голову.

— Как ты себя чувствуешь?

— Никогда в жизни мне не было так хорошо.

— Ну, тогда привет.

И Тот-Гермес ушел в садящееся солнце. Кордл же с закрытыми глазами погрузился в решение философских проблем, испокон веков ставивших в тупик величайших мыслителей. Он был несколько изумлен, с какой простотой и доступностью открывались ему тайны.

Наконец он заснул и проснулся через шесть часов. Он забыл все решения, все гениальные догадки. Это было непостижимо. Как можно утерять ключи от Вселенной?.. Но непоправимое свершилось, рай потерян навсегда.

Зато Кордл помнил о моркови и луковицах и помнил о Похлебке. Будь в его власти выбирать, какое из гениальных решений запомнить, вряд ли бы он выбрал это. Но увы. И Кордл понял, что в игре внутренних озарений нужно довольствоваться тем, что есть.

На следующий день с массой приключений он добрался до Сантьандера и решил написать всем друзьям остроумные письма и, возможно, даже по-пробовать свои силы в дорожном скетче. Для этого потребовалась пишущая машинка. Портъе в гостинице направил его в контору по прокату машинок. Там сидел клерк, превосходно владеющий английским.

— Вы сдаете по дням? — спросил Кордл.

— Почему же нет? — отозвался клерк. У него были маслянистые черные волосы и тонкий аристократический нос.

— Сколько за эту? — поинтересовался Кордл, указывая на портативную модель «Эрики» тридцатилетней давности.

— Семьдесят песет в день, то есть один доллар. Обычно.

— А разве мой случай не обычный?

— Разумеется, нет. Вы иностранец, и проездом. Вам это будет стоить сто восемьдесят песет в день.

— Ну, хорошо, — согласился Кордл, доставая бумажник. — На три дня, пожалуйста.

— Попрошу у вас еще паспорт и пятьдесят долларов в залог.

Кордл попытался обратить все в шутку:

— Да мне бы просто попечатать, я не собираюсь жениться на ней.

Клерк пожал плечами.

— Послушайте, мой паспорт в гостинице у портье. Может, возьмете водительские права?

— Конечно, нет! У меня должен быть паспорт — на случай, если вы вздумаете скрыться.

— Но почему и паспорт, и залог? — недоумевал Кордл, чувствуя определенную неловкость. — Машинка-то не стоит и двадцати долларов.

— Вы, очевидно, эксперт, специалист по рыночным ценам в Испании на подержанные немецкие пишущие машинки?

— Нет, однако...

— Тогда позвольте, сэр, вести дело, как я считаю нужным. Кроме того, мне необходимо знать, как вы собираетесь использовать аппарат.

Сложилась одна из тех нелепых заграничных ситуаций, в которую может попасть каждый. Требования клерка были абсурдны, а манера держаться оскорбительна. Кордл уже решил коротко кивнуть, повернуться на каблуках и выйти, но тут вспомнил о моркови и луковицах. Ему явилась Похлебка, и внезапно в голову пришла мысль, что он может быть любым овощем, каким только пожелает.

Он повернулся к клерку. Он тонко улыбнулся. Он сказал:

— Хотите знать, как я собираюсь использовать машинку?

— Непременно.

— Ладно, — махнул Кордл. — Признаюсь честно, я собрался засунуть ее в нос.

Клерк выпучил глаза.

— Это чрезвычайно удачный метод провоза контрабанды, — продолжал Кордл. — Также я собирался всучить вам краденый паспорт и фальшивые деньги. В Италии я продал бы машинку за десять тысяч долларов.

— Сэр, — промолвил клерк, — вы, кажется, недовольны.

— Слабо сказано, дружище. Я передумал насчет машинки. Но позвольте сделать комплимент по поводу вашего английского.

— Я специально занимался, — гордо заявил клерк.

— Это заметно. Несмотря на слабость в «р-р», вы разговариваете как венецианский гондольер с надгребнутым нёбом. Наилучшие пожелания вашему уважаемому семейству. А теперь я удаляюсь, и вы спокойно можете давить свои прыщи.

Вспоминая эту сцену позже, Кордл пришел к выводу, что для первого раза он неплохо выступил в роли моркови. Правда, финал несколько наигран, но по существу убедителен.

Важно уже само по себе то, что он сделал это. И теперь, в тиши гостиничного номера, мог заниматься не презрительным самобичеванием, а наслаждаться фактом, что сам поставил кого-то в неудобное положение.

Он сделал это! Он превратился из луковицы в морковь!

Но этична ли его позиция? По-видимому, клерк не мог быть иным, являясь продуктом сочетания генов, жертвой среды и воспитания...

Кордл остановил себя. Он заметил, что занимается типично луковичным самокопанием. А ведь теперь

ему известно: должны существовать и луковица, и морковь, иначе не сваришь Похлебки.

И еще он знал, что человек может стать любым овощем по своему выбору: и забавной маленькой зеленой горошиной, и долькой чеснока. Человек волен занять любую позицию между луковичничеством и морковицей.

Над этим стоит хорошенко поразмыслить, отметил Кордл. Однако продолжил свое путешествие.

Следующий случай произошел в Ницце, в уютном ресторанчике на авеню Диабль Блюс. Там было четверо официантов, один из которых в точности походил на Жана-Поля Бельмондо, вплоть до сигареты, свисавшей с нижней губы. Остальные в точности походили на спившихся жуликов мелкого пошиба. В зале сидели несколько скандинавов, дряблый француз в берете и три девушки-англичанки.

Кордл, объясняющийся по-французски ясно, хотя и несколько лаконично, попросил у Бельмондо десятифранковый обед, меню которого было выставлено в витрине.

Официант окинул его презрительным взглядом.

— На сегодня кончился, — изрек он и вручил Кордлу меню тридцатифранкового обеда.

В своем старом воплощении Кордл покорно принял бы судьбу и стал заказывать. Или бы поднялся, дрожа от возмущения, и покинул ресторан, опрокинув по пути стул.

Но сейчас...

— Очевидно, вы не поняли меня, — произнес Кордл. — Французский закон гласит, что вы обязаны обслуживать согласно всем утвержденным меню, выставленным в витрине.

— Мосье адвокат? — осведомился официант, на-gло уперев руки в боки.

— Нет. Мосье устраивает неприятности, — предупредил Кордл.

— Тогда пусть мосье попробует, — процедил официант. Его глаза превратились в щелки.

— О'кей, — сказал Кордл.

И тут в ресторан вошла престарелая чета. На мужчине был двубортный синий в полоску костюм. На женщине — платье в горошек.

— Простите, вы не англичане? — обратился к ним Кордл.

Несколько удивленный, мужчина слегка наклонил голову.

— Советую вам не принимать здесь пищу. Я — представитель ЮНЕСКО, инспектор по питанию. Шеф-повар явно не мыл рук с незапамятных времен. Мы еще не сделали проверку на тиф, но есть все основания для подозрений. Как только прибудут мои ассистенты с необходимым оборудованием...

В ресторане воцарилась мертвая тишина.

— Пожалуй, вареное яйцо можно съесть, — смили-стивился наконец Кордл.

Престарелый мужчина очевидно не поверил этому.

— Пойдем, Милдред, — позвал он, и чета удалилась.

— Вот уходят шестьдесят франков плюс пять процентов чаевых, — холодно констатировал Кордл.

— Немедленно убрайтесь! — зарычал официант.

— Мне здесь нравится, — заявил Кордл, скрещивая руки на груди. — Обстановка, интим...

— Сидеть не заказывая не разрешается.

— Я буду заказывать. Из десятифранкового меню.

Официанты переглянулись, в унисон кивнули и стали приближаться военной фалангой. Кордл возвзвал к остальным обедающим:

— Попрошу всех быть свидетелями! Эти люди собираются напасть на меня вчетвером против одного, нарушая французскую законность и универсальную человеческую этику лишь потому, что я желаю заказать из десятифранкового меню, ложно разрекламированного!

Это была длинная речь, но в данном случае высокопарность не вредила. Кордл повторил ее на английском.

Англичанки разинули рты. Старый француз продолжал есть суп. Скандинавы угрюмо кивнули и начали снимать пиджаки.

Официанты снова засовещались. Тот, что походил на Бельмондо, сказал:

— Мосье, вы заставляете нас обратиться в полицию.

— Что ж, это избавит меня от беспокойства вызывать ее самому, — многозначительно произнес Кордл.

— Мосье безусловно не желает провести свой отпуск в суде?

— Мосье именно так проводит большинство своих отпусков, — заверил Кордл.

Официанты опять в замешательстве сбились в кучу. Затем Бельмондо подошел с тридцатифранковым меню.

— Обед будет стоить мосье десять франков. Очевидно, это все, что есть у мосье.

Кордл пропустил выпад мимо ушей.

— Принесите мне луковый суп, зеленый салат и мясо по-бургундски.

Пока официант отсутствовал, Кордл умеренно громким голосом напевал «Вальсирующую Матильду». Он подозревал, что это может ускорить обслуживание.

Заказ прибыл, когда он во второй раз добрался до «Ты не застанешь меня в живых». Кордл придинул к себе суп, посеръезнел и взял ложку.

Это был напряженный момент. Все посетители оторвались от еды. Кордл наклонился вперед и деликатно втянул носом запах.

— Чего-то здесь не хватает, — громко объявил он.

Нахмутившись, Кордл вылил луковый суп в мясо по-бургундски, принюхался, покачал головой и накрошил в месиво пол-ломтика хлеба. Снова принюхался, добавил салата и обильно посолил.

— Нет, — сказал он, поджав губы. — Не пойдет.

И вывернул содержимое тарелки на стол. Акт, сравнимый разве что с осквернением Моны Лизы. Все застыли.

Неторопливо, но не давая ошеломленным официантам время опомниться, Кордл встал и бросил в эту кашу десять франков. У двери он обернулся.

— Мои комплименты повару, место которому не здесь, а у бетономешалки. А это, друзья, для вас.

И швырнул на пол свой мятый носовой платок.

Как матадор после серии блестящих пассов поворачивает тыл к разъяренному быку, так выходил Кордл. По каким-то неведомым причинам официанты не ринулись вслед за ним и не вздернули его на ближайшем фонаре. Кордл прошел десять или пятнадцать кварталов, наугад сворачивая направо и налево. Он дошел до Променад Английс и сел на скамейку. Его рубашка была влажной от пота.

— Но я сделал это! — воскликнул он. — Я вел себя невыносимо гадко и вышел сухим из воды!

Теперь он воистину понял, почему морковь поступает таким образом. Боже всемогущий на небесах, что за радость, что за блаженство!

После этого Кордл вернулся к своей обычной мягкой манере поведения и оставался таким до второго дня пребывания в Риме. Он и семь других водителей выстроились в ряд перед светофором на Корсо Витторио-Эммануила. Сзади стояло еще двадцать машин. Водители не выключали моторы, склонясь над рулем и мечтая о Ла-Манше. Все, кроме Кордла, упивающегося дивной архитектурой Рима.

Свет переменился. Водители вдавили акселераторы, как будто сами хотели помочь раскрутиться колесам маломощных «фиатов», снашивая сцепления и нервы. Все, кроме Кордла, который казался единственным в Риме человеком, не стремившимся выиграть гонки или успеть на свидание. Без спешки, но и без промедления, он завел двигатель и выжал сцепление, потеряв две секунды.

Водитель сзади отчаянно засигналил.

Кордл улыбнулся — тайной, нехорошей улыбкой. Он поставил машину на ручной тормоз и вылез.

— Да? — сказал Кордл по-французски, ленивым шагом добредя до побелевшего от ярости водителя. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего, — ответил тот по-французски — его первая ошибка. — Я просто хотел, чтобы вы ехали, ну двигались!

— Но я как раз собирался это сделать, — резонно указал Кордл.

— Хорошо! Все в порядке!

— Нет, не все, — мрачно сообщил Кордл. — Мне кажется, я заслуживаю лучшего объяснения, почему вы мне засигналили.

Нервный водитель — миланский бизнесмен, направлявшийся на отдых с женой и четырьмя детьми, опрометчиво ответил:

— Дорогой сэр, вы слишком медлили, вы задерживали нас всех.

— Задерживал? — переспросил Кордл. — Вы дали гудок через две секунды после перемены света. Это называется промедлением?

— Прошло гораздо больше двух секунд, — пытался спорить миланец.

Движение тем временем застопорилось уже до Неаполя. Собралась десятитысячная толпа. В Витербо и Генуе соединения карабинеров были приведены в состояние боевой готовности.

— Это неправда, — опроверг Кордл. — У меня есть свидетели. — Он махнул в сторону толпы, которая восторженно взревела. — Я приглашу их в суд. Вам должно быть известно, что вы нарушили закон, засигналив в пределах города при явно не экстренных обстоятельствах.

Миланский бизнесмен посмотрел на толпу, уже раздувшуюся до пятидесяти тысяч. «Боже милосердный, — думал он, — пошли потоп и поглоти этого сумасшедшего француза!»

Над головами просвистели реактивные чудовища Шестого флота, надеющегося предотвратить ожидаемый переворот.

Собственная жена миланского бизнесмена оскорбительно кричала на него: сегодня он разобьет ее слабое сердце и отправит по почте ее матери, чтобы доконать и ту.

Что было делать? В Милане этот француз давно бы уже сложил голову. Но Рим — южный город, не-предсказуемое и опасное место.

— Хорошо, — сдался водитель. — Подача сигнала была, возможно, излишней.

— Я настаиваю на полном извинении, — потребовал Кордл.

В Фордже, Бриндизи, Бари отключили водоснабжение. Швейцария закрыла границу и приготовилась к взрыву железнодорожных туннелей.

— Извините! — закричал миланский бизнесмен. — Я сожалею, что спровоцировал вас, и еще больше сожалею, что вообще родился на свет! А теперь, может быть, вы уйдете и дадите мне умереть спокойно?!

— Я принимаю ваше извинение, — сказал Кордл. — Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Он побрел к своей машине, тихонько напевая, и уехал.

Мир, висевший на волоске, был спасен.

Кордл доехал до арки Тита, остановил автомобиль и под звуки тысяч труб прошел под ней. Он заслужил свой триумф в не меньшей степени, чем сам Цезарь.

Боже, упивался он, я был отвратителен!

В лондонском Таузре, в Воротах Предателя, Кордл наступил на ногу молодой девушке. Это послужило началом знакомства. Девушку звали Мэвис. Уроженка Шорт-Хилс (штат Нью-Джерси), с великолепными длинными темными волосами, она была стройной, милой, умной, энергичной и обладала чувством юмора. Ее маленькие недостатки не играют никакой роли в нашей истории. Кордл угостил ее чашечкой кофе. Остаток недели они провели вместе.

Кажется, она вскружила мне голову, сказал себе Кордл на седьмой день. И тут же понял, что выразился неточно. Он был страстно и безнадежно влюблен.

Но что чувствовала Мэвис? Недовольства его обществом она не обнаруживала.

В тот день Кордл и Мэвис отправились в резиденцию маршала Гордона на выставку византийской миниатюры. Увлечение Мэвис византийской миниатюрой казалось тогда вполне невинным. Коллекция была частной, но Мэвис с большим трудом раздобыла приглашения.

Они подошли к дому и позвонили. Дверь открыл дворецкий в парадной вечерней форме. Они предъя-

вили приглашения. Взгляд дворецкого и его приподнятая бровь недвусмысленно показали, что их приглашения относятся к разряду второсортных, предназначенных для простых смертных, а не к гравированным атласным шедеврам, преподносимым таким людям, как Пабло Пикассо, Джекки Онassis, Норман Мейлер, и другим движителям и сотрясателям мира.

Дворецкий проговорил:

— Ах да...

Его лицо сморщилось, как у человека, к которому неожиданно зашел Тамерлан с полком Золотой Орды.

— Миниатюры, — напомнил ему Кордл.

— Да, конечно... Но боюсь, сэр, что сюда не допускают без вечернего платья и галстука.

Стоял душный августовский день, и на Кордле была спортивная рубашка.

— Я не слышался? Вечернее платье и галстук?

— Таковы правила.

— Неужели один раз нельзя сделать исключение? — попросила Мэвис.

Дворецкий покачал головой.

— Мы должны придерживаться правил, мисс. Иначе...

Он оставил фразу неоконченной, но его презрение к вульгарному сословию медной плитой зависло в воздухе.

— Безусловно, — приятно улыбаясь, заговорил Кордл. — Итак, вечернее платье и галстук? Пожалуй, мы это устроим.

Мэвис положила руку на его плечо.

— Пойдем, Говард. Побываем здесь как-нибудь в другой раз.

— Чепуха, дорогая. Если бы ты одолжила мне свой плащ...

Он снял с Мэвис белый дождевик и напялил на себя, разрывая его по шву.

— Ну, приятель, мы пошли, — добродушно сказал он дворецкому.

— Боюсь, что нет, — произнес тот голосом, от которого завяли бы артишоки. — В любом случае остается еще галстук.

Кордл ждал этого. Он извлек свой потный полотняный носовой платок и завязал вокруг шеи.

— Вы довольны? — ухмыльнулся он.

— Говард! Идем!

— Мне кажется, сэр, что это не..

— Что «не»?

— Это не совсем то, что подразумевается под вечерним платьем и галстуком.

— Вы хотите сказать мне, — начал Кордл пронзительно неприятным голосом, — что вы такой же специалист по мужской одежде, как и по открыванию дверей?

— Конечно, нет! Но этот импровизированный наряд...

— При чем тут «импровизированный»? Вы считаете, что к вашему осмотру надо готовиться три дня?

— Вы надели женский плащ и грязный носовой платок, — упрямился дворецкий. — Мне кажется, больше не о чем разговаривать.

Он собирался закрыть дверь, но Кордл быстро произнес:

— Только сделай это, милашка, и я привлеку тебя за клевету и поношение личности. Это серьезные обвинения, у меня есть свидетели.

Кордл уже собрал маленькую, но заинтересованную толпу.

— Это становится нелепым, — молвил дворецкий, пытаясь выиграть время. — Я вызову...

— Говард! — закричала Мэвис.

Он стряхнул ее руку и яростным взглядом заставил дворецкого замолчать.

— Я мексиканец, хотя, возможно, мое прекрасное знание английского обмануло вас. У меня на родине мужчина скорее перережет себе горло, чем оставит такое оскорбление неотомщенным. Вы сказали, женский плащ? *Hombre*, когда я надеваю его, он становится мужским. Или вы намекаете, что я — как это у вас там... — гомосексуалист?!

Толпа, ставшая менее скромной, одобрительно зашумела. Дворецкого не любит никто, кроме хозяина.

— Я не имел в виду ничего подобного, — слабо запротестовал дворецкий.

— В таком случае это мужской плащ?
 — Как вам будет угодно, сэр.
 — Неудовлетворительно. Значит, вы не отказываетесь от вашей грязной инсинации? Я иду за полицейским.

— Погодите! Зачем так спешить?! — возопил дворецкий. — Он побелел, его руки дрожали. — Ваш плащ — мужской плащ, сэр.

— А как насчет моего галстука?

Дворецкий громко засопел, издал гортанный звук и сделал последнюю попытку остановить кровожадных пеонов.

— Но, сэр, галстук явно...

— То, что я ношу вокруг шеи, — холодно отчеканил Кордл, — становится тем, что имелось в виду. А если бы я обвязал вокруг горла кусок цветного шелка, вы что, назвали бы его бюстгалтером? Полотно — подходящий материал для галстука. Функция определяет терминологию, не так ли? Если я приеду на работу на корове, никто не скажет, что я оседлал бифштекс. Или вы находите логическую неувязку в моих аргументах?

— Боюсь, что я не совсем понимаю...
 — Так как же вы осмеливаетесь судить?

Толпа восторженно взревела.

— Сэр! — воскликнул поверженный дворецкий. — Молю вас...

— Итак, — с удовлетворением констатировал Кордл, — у меня есть верхнее платье, галстук и приглашение. Может, вы согласитесь быть нашим гидом и покажете византийские миниатюры?

Дворецкий распахнул дверь перед Панчо Вилья и его татуированными ордами. Последний бастион цивилизации пал менее чем за час. Волки завалили на берегах Темзы, босоногая армия Морелоса ворвалась в Британский музей, и на Европу опустилась ночь.

Кордл и Мэвис обозревали коллекцию в молчании. Они не перекинулись и словом, пока не остались наедине в Риджентс-парке.

— Послушай, Мэвис... — начал Кордл.
 — Нет, это ты послушай! — перебила она. — Ты был ужасен! Ты был невыносим! Ты был... Я не могу

найти достаточно грязного слова для тебя! Мне никогда не приходило в голову, что ты из тех садистов, что получают удовольствие от унижения людей!

— Но, Мэвис, ты слышала, как он обращался со мной, его тон...

— Он глупый, выживший из ума старикашка, — сказала Мэвис. — Таким я тебя не считала.

— Он заявил...

— Не имеет значения. Главное — ты наслаждался собой!

— Ну хорошо, пожалуй, ты права, — согласился Кордл. — Но я объясню.

— Не мне. Все. Пожалуйста, уходи, Говард. Навсегда.

Будущая мать его двоих детей стала уходить из его жизни. Кордл поспешил за ней.

— Мэвис!

— Я позвоню полицейскому, Говард, честное слово, позвоню!

— Мэвис, я люблю тебя!

Она, вероятно, слышала его, но продолжала идти. Это была милая девушка и определенно, неизменяется — луковица.

Кордл так и не сумел рассказать Мэвис о Поклебке и о необходимости испытать поведение, прежде чем осуждать его. Он лишь заставил ее поверить, что то был какой-то шок, случай, совершенно немыслимый, и... рядом с ней... такое никогда не повторится.

Сейчас они женаты, растят девочку и мальчика, живут в собственном доме в Нью-Джерси и вполне счастливы. Кордла оттирают и задеваются чиновники, офицеры и прислуга.

Но...

Кордл регулярно отдыхает в одиночку. В прошлом году он сделал себе имм в Гонолулу. В этом — он едет в Бузиос-Айрес.

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что, видно, блондинка из корпуса 12С пришла одолжить баночку селитры. Или вдруг нагрянул какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на это раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю, — отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, — сухо сообщил Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — ответил голос. — Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

Пер. изд.: Sheckley R. The Same to You Doubled: В сб. Can You Feel Anything When I Do This? New York, Doubleday, 1971

Copyright © 1971 by Robert Sheckley

© 1991 В. Баканов, перевод на русский язык

— Принимать что-либо бесплатно, — сказал Эдельштейн, — я тем более не могу себе позволить.

— Но это *действительно* бесплатно, — подчеркнул голос за дверью. — Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн, — мягко проговорили за дверью, — цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит, — обратился Эдельштейн к стене.

— Ну, хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и национальных предрассудках, зачем мне это, в конце концов?

— Минуточку, — всполошился Эдельштейн. — Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы — просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходится сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите, — буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадал в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за десять долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за два доллара девяносто восемь центов!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!...» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба», и на черной совести евреев появится новое пятно.

— У меня слабый характер, — печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну, хорошо,

входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, — взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется необычайно быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — осведомился гость.

— О Боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О Боже, Боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн тяжело опустился на диван. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, — объяснил гость. — Кроме того, это обычно убеждает недоверчивых. Мое имя Чарльз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово, — ответил Ситвел. — Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Также мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились не за мной?

— О Дьявол, нет! Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел порывисто подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумно, — заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем возводить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-то не поинтересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности, — признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником, — успокоил Ситвел. — Я сказал «потенциальных» — это означает всех.

— А... что за премии?

— Три желания, — произнес Ситвел живо. — Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю, — попросил Эдельштейн. — Вы исполните три моих любых желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет, — предупредил Ситвел.

— Я так и знал, — вздохнул Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни желали, ваш злейший враг получит вдвое.

Эдельштейн задумался.

— То есть, если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двустороннюю пневмонию.

Эдельштейн поджал губы и покачал головой.

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не искушаете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам, — ответил Ситвел. — Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостаз.

— Простите, я не совсем...

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю, — кивнул Эдельштейн. — А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться, — сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки. — Подобные пункты являются нашим, если так можно выражаться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю, — произнес Эдельштейн. — Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней, — сообщил Ситвел, вставая. — Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его.

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой?

— Так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался и лиловым платком вытер слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он. — Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре, — признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэсси迪, обладатель полного собрания речей Геббельса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштейн, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.

— Мне и в голову не приходило... — пробормотал он.

— Никому не приходит, — успокоил Ситвел. — Не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Имена остальных! — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кэсси迪? Может, купить ружье?

Ситвел покачал головой:

— Кэсси迪 — безвредный полуумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович мой лучший друг!

— А также ваш злейший враг, — произнес Ситвел. — Иногда так бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, и удачи вам со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел лишь спросить: — Как случилось, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны лишь небеса.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злой враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти

двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благовоспитанности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья, — обратился к себе Эдельштейн. — Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желании.

«Боже мой! — думал Эдельштейн. — Час назад я был бедным, но счастливым человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенъко поразмыслить.

На следующий день Эдельштейн договорился на работе об отпуске и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате прислуге и так далее.

Все сводилось к деньгам.

«Я могу содержать приличный замок на две тысячи в неделю, — прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. — Но это значит, что

Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!»

Наконец Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отпуск в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

Эдельштейн все больше отчаялся и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел смог пройти сквозь двери; но разве он волшебник? Может, это химера».

Он сам удивился, когда встал и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал легкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на двадцать тысяч долларов.

Эдельштейн пошел в банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватят полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалких двадцать тысяч! А ведь Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впадал то в апатию, то в гнев. Боль в животе не утихала — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут это пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он погрузился в вычисления. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячей печеньки!

Несколько порций рубленой цыплячей печеньки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное продал по половинной цене, заработав на этом семьсот долларов. Оставшиеся незамеченными семьдесят пять фунтов прибрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенькой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, и продал остальное за две тысячи долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин, — думал Эдельштейн. — Из-за минутного удовлетворения потратить желание, которое стоит, по крайней мере, миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячей печеньки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь было необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно — и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и для того лишь, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн молился:

— Господи, Боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злайшего врага, который запросто всего получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой и приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть среднего роста, хорошо сложена, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, разумеется, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора...

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеноей скорости.

— А особенно, — добавил он, — она должна быть... не знаю, как бы это повежливее выразить... она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то сексуальное постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печеньки и теперь это! Манович, — подумал он, — ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злайшему врагу — но я пожелал!»

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расплывшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей про-сачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!» А может быть, это ему и по- слышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-

Печатается по изд.: Шекли Р. Кое-что задаром: В сб. Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. Пер. изд.: Sheckley R. Something for Nothing: Citizen in Space. New York, Ballantine, 1955

Copyright © 1953 by Robert Sheckley
© 1966 Т. Озерская, перевод на русский язык

1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ней делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули

Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе, Господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохладиться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позвову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпада, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумагек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое мечтко, где любопытные соседи не будут совать к нему нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытывающе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив своего зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Линик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бралились, когда приходилось проридаться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтобы все было в порядке, — сказал он

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из лучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуджем; при доме имелись Моловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено. Небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повел свою повару приготовить легкий ужин. Потом он усился с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, скверноделили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Не похоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пы-

таться отнять у него машину. Возможно, это семейная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задувив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось,

николько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павли-

нами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух пропустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Конторы одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, препреждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю.

Коллинз рванулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующие нефтяные скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-на-всего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и предоставляет прочие услуги. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы «Поухи минайл», а также фирмы «Максимо олф»	111 000 кр.
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 кр.
Безукоризненное здоровье	888 234 031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплыватьсь.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.
— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пятьдесят кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

ВОР ВО ВРЕМЕНИ

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шума несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного ребенка в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они посмотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Печатается по изд.: Шекли Р. Вор во времени: В сб. Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. Пер. изд.: Sheckley R. A Thief in Time: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

© 1984 Б. Клюева, перевод на русский язык

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Элдридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь запираться?

— В чем?! — испуганно воскликнул Элдридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — Виглан. Припомнишь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — раздельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *сит laude**. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцам к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Виглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно

* С отличием (лат.).

разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающее реальный Виглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

— Стойте! — закричал Элдридж, пялясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Виглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно восхликал он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то откуда же?. . В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишками мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованные надписи гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал штупти! — а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершил путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, прости, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Биглана наденут на него наручники и поташат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще должен совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полукилометра виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенъко обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: «Внима-

ние! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он сможет познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж по существу открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя

забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса». Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и справился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих прапрапрадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотекарша.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотекарша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступиться, не желая лезть во все эти дрязги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постараится найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться.

В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж, — произнес он.

Элдридж холдно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдрижа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. — Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы укради именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно, — сказал Элдридж. — Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

Предметы, похищенные Томасом Монро Элдриджем

	Количество	Стоимость
<i>Из спортивного магазина Виглана, Сектор I</i>		
Многозарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 бавок	4000
<i>Из специализированного магазина Альфана, Сектор I</i>		
Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2650

	Количество	Стоимость
<i>С продовольственного склада Лури, Сектор I</i>		
Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «Фэнси»	9 пакетов	6
<i>Из галантерейной лавки Мэнори, Сектор II</i>		
Дамские зеркальца	60 штук	95
<i>Общая стоимость похищенного</i>		14 256

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдриdge I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен нести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — ответил капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капитан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо, — сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра цыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачут. Он направился к ним.

Видно, снова произошли климатические изменения, — подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не вышадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочки ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, — преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощущив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не покоровал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостили им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это жизнь в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце вид-

нелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Налившиесь воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как утасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдрижу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец? — не выдержал Элдридж. — Чей жених?

Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.

И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем награбленным баражлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушеннную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервирования продуктов. Вел он изыскания и в Нечириализованных секторах. Словом, стал всем народным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все это добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего баражла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто

этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о *habeas corpus**.

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром плачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь немым свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглязеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

* Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (лат.) (Примеч. пер.).

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя нисколько не интересовали деньги.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-нибудь другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсидишься у меня, пока за давностью дела не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе, — тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто необходим компаньон

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочуозвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные секторы, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хроногурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стяглось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец он открыл банку с repellентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем

оcean, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными. Однако чудовище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Элдридж снова нажал кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята, — миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомк-

нули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь. Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка остановила от хроноката кучу обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взд-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник.

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включаю хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует. Я нажимаю кнопку.

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдридж подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устипал собранный накануне хворост.

Элдрижу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдрижу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдрижу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут его рука нашарила какой-то предмет...

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж I! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдали уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот, — Элдридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал, — признался он. — Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же — очень рад встрече с вами... — совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь, в конце концов, муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, — и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдриджем II.

Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил ее на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, — сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли... — начал было Хеллмэн.

Каскер поспешил покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля, — посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. — С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвигнулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно, — заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Печатается по изд.: Шекли Р. Где не ступала нога человека: В сб. Тридцать первое июня. — М.: Мир, 1968. Пер. изд.: Shekley R. Untouched by Human Hands: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954.

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

© 1968 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в аэропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз прорвавшись для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съедобное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, — сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и при-

знаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная,— сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На один-надцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить, — пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оноказалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули, — сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется, — ответил Каскер. — И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь, — сказал он, — когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушил единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тут же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль. Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там была пыль темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера. — А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала почтовый ящик) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — мимоходом обронил Хеллмэн.

Каскер поспешил стряхнуть пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он проводольственный, — мы не знаем, что именно считали пищевой бывшиеaborигены. Быть может, салат из

парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочно летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, — пояснил Хеллмэн. — Словарь-то не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно заметил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и на конец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово, — сказал он. — Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное, — сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!».

— Как ты думаешь, что за звери были эти хэлги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестериг вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, — проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.

— Надеюсь, — ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим, — предложил Хеллмэн, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю, — сказал Каскер и растянулся на полу. — Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Как те же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что если ныне усопшие хэлги — силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущее перед носом.

— А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, — для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты

питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глагозвон андрогинитов — для удлиненных, вы不可缺少щихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство «Вэлкорин», для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого, — сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брускок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси, — предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн. — А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром, — с достоинством возразил Хеллмэн. — Я не слишком голоден.

— Я тоже, — сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брускок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отправлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек, — посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брускок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал, — ответил Хеллмэн; у него тряслись руки. — Давай же действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брускок. Тот хихикнул громче, на сей раз с отвратительной неманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А чем тебе это не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. — Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:

— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусков в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и

тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу моргов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения! Экипаж!

— М-да!.. — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиляющего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем что-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались

при конструировании экипажа, — то вникнем в строй мыслей хеллов. Это в свою очередь даст нам представление об их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака. — Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лактыэкты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, — сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим.

Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В баке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и они вдвоем снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащие. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его была крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий бруск.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не более двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, — делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отзвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она сверталась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя недерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собирается останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь, вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешил отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в комнату через замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дыру и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось, не будет конца, так же как путанице закрытых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы

до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша.

— Минуточку, — сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду.

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интекор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интекор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, — это животное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а уж если оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и приложивая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

ТЕЛО

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспомощно склонившихся над собой трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, если решились на это; молоды и дерзки, не обременены закостенелыми представлениями и мыслями, с железной выдержанкой, с железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Все хорошо?

— Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или моргните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер слегка сглотнул, привыкая к новому нёбу, языку и горлу. Наконец произнес очень сипло:

— Мне кажется... Мне кажется...

— Ура! — закричал Кассиди. — Фельдман, вставай!

Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.

— Он уже пришел в себя? Разговаривает?

— Да, он разговаривает! Фредди, мы победили.

Фельдман нашел очки и кинулся к операционному столу.

— Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все что угодно.

— Я... Я...

— О Боже, — выдохнул Фельдман. — Кажется, я сойду с ума.

Троє разразились нервним смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но затем зашелся кашлем.

— Где Кент? — крикнул Кассиди. — Он удерживал осциллограф на одной линии в течение десяти часов.

— Отличная работа, черт побери! Где же он?

— Ушел за сандвичами, — ответил Люпович. —

Да вот он.

— Кент, все в порядке!

На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно глотнул.

— Заговорил?! Что он сказал?

Раздался шум, и в операционную ввалилась толпа людей.

— Уберите их! — закричал Фельдман. — Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью.

Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.

— Вы слышали, что говорят врачи, ребята?

— Нечестно, это же сенсация!

— Его первые слова?

— Что он сказал?

— Он действительно превратился в собаку?

— Какой породы?

— Он может вилять хвостом?

— Он сказал, что чувствует себя отлично, — объявил полицейский, загораживая дверь. — Идем, ребята.

Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он взглянул на операционный стол и прокривотонул:

— Боже мой!

Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.

— Какого черта?! — взревел репортер.

— Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони, — саркастически произнес Кент. — Увеличьте его и повесьте в музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.

— Идем, ребята, — строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и

посмотрел на профессора Мейера. — Просто не могу поверить! — прошептал он и закрыл за собой дверь.

— Мы кое-что заслужили! — воскликнул Кассиди.

— Да, это надо отметить!

Профессор Мейер улыбнулся — мысленно, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена.

Подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — осторожно произнес Мейер. — Немного не по себе, пожалуй...

— Но вы не сожалеете? — перебил Фельдман.

— Еще не знаю, — сказал Мейер. — Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.

— Есть. Вы. — Фельдман говорил с горячей убежденностью. — Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только хобби. Но ваши знаменитые...

— Пожалуйста, — выдавил Мейер.

— Нет, позвольте мне сказать, сэр. Вы продолжаете труд Эйнштейна. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существовать в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди млекопитающих...

— Не имеет значения, — оборвал профессор. — В конце концов, главное — интеллект. У меня слегка кружится голова.

— Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, — скваж кулаки, продолжал Фельдман. — Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал — усталое изможденное тело...

— Не желаете выпить, сэр? — Кассиди протянул стакан.

Мейер засмеялся.

— Боюсь, мои новые формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.

— Ух, — вырвалось у Кассиди. — Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!

— Вы должны нас простить, сэр, — извинился Фельдман. — Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что

кто-нибудь из нас поспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...

— Вот! Вот блюдечко! — вмешался Люпович. — Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду, — сказал Мейер. — Мне можно подняться?

— Позвольте...

Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.

— Браво! — восторженно закричали врачи.

— Мне кажется, завтра я смогу немного поработать, — сказал Мейер. — Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я смог писать. По-моему, это несложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны...

— Не торопитесь.

— О, только не это! Нам нельзя потерять вас.

— Какая сенсация!

— Мы напишем замечательный отчет!

— Совместный или каждый по своей специализации?

— И то и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...

— Где здесь ванная? — спросил Мейер.

Врачи переглянулись.

— Зачем?

— Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте, я открою вам дверь.

Мейер следовал за ними по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех ногах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.

— ...никогда не повторится.

— Не могу с тобой согласиться. То, что удалось однажды...

— Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.

— Вот именно. Биоэлектрические изменения необратимы...

— Он вернулся.

— Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?

— Я не миляга, — прорычал профессор Мейер. — И между прочим, гожусь вам в дедушки.

— Простите, сэр. Мне кажется, вам лучше лечь.

— Да, — произнес Мейер. — Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...

Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.

— Вам что-нибудь надо?

— Все, что в наших силах...

— Вот, я налил в блюдце воды.

— Мы оставили пару бутербродов.

— Отдыхайте, — сказал Кассиди.

И он непроизвольно погладил профессора Мейера по вытянутой, с атласной шерстью, голове.

Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.

— Я забыл, — смущенно произнес Кассиди.

— Нам надо следить за собой. Он ведь человек.

— Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...

— Убирайтесь отсюда! — приказал Фельдман. — Убирайтесь! Все!

Он вытолкал всех из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?

Мейер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались ему с большим трудом.

— Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Все же... вы же профессор Мейер!

Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.

— Все в порядке, сэр, — проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное. — Главное — это интеллект! Мозг!

— Разумеется, — согласился профессор Мейер, выдающийся математик. — Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

«ИЗВИНИТЕ, ЧТО ВРЫВАЮСЬ В ВАШ СОН...»

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Чей-то незнакомый голос сказал:

— Извините, что врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. Помочь мне можете только вы — больше никто.

Мне приснилось, что я ответил:

— Не нужно извиняться, сон все равно был так себе, и если я могу вам чем-то помочь...

— Вы, и только вы, — произнес голос. — В противном случае я и мой народ обречены на гибель.

— О Господи, — вымолвил я.

Звали его Фрока, и принадлежал он к очень древнему роду. С незапамятных времен соплеменники его жили в широкой долине, окруженной гигантскими холмами. Они всегда жили мирно, по образцовым законам, а детей воспитывали с любовью и снисхождением. У них даже были свои выдающиеся художники. И хотя некоторые из них питали слабость к крепким напиткам, а иногда — правда, крайне редко, — кто-то умирал насиленной смертью, они считали себя добрыми и достойными уважения мыслящими существами, которые...

— Поступайте, — перебил я его, — может быть, перейдем прямо к делу, вашему неотложному делу?

Пер. изд.: Sheckley R. Warm: Untouched by Human Hands. New York, Ballantine, 1954

Copyright © by Robert Sheckley
© 1990 М. Загота, перевод на русский язык

Фрока извинился за многословие, но объяснил, что в его мире всякое прощение должно предваряться обширным изложением моральных достоинств просителя — такова существующая норма.

— Ладно, — успокоил я его. — Давайте перейдем к делу.

Фрока перевел дух и начал. Он рассказал мне, что около ста лет назад (по их представлениям о времени) с небес спустилась невиданных размеров желто-красная колонна. Приземлилась она в третьем по величине городе, неподалеку от памятника Неизвестному Богу у городской ратуши.

Колонна представляла собой цилиндр неправильной формы и имела две мили в диаметре. Вопреки всем законам природы она вдруг поднялась вверх и стала недосягаемой для приборов, потом снова опустилась на прежнее место. Тогда они попытались воздействовать на колонну с помощью холода, тепла, бактерий, протонной бомбардировки, любого приемлемого средства, наконец, — все безрезультатно. Полная ужасающего величия, онаостояла не двигаясь ровно пять месяцев, двенадцать часов и шесть минут.

Потом без всякой видимой причины колонна начала двигаться в северо-западном направлении. Средняя скорость движения составляла 78,881 мили в час (по их представлениям о скорости). Она вспахала поверхность на участке 183,223 мили длиной и 20,011 мили шириной, после чего неожиданно исчезла.

Для изучения этого невероятного события собрался симпозиум, на который были приглашены все светила науки. В заключительном документе они заявили, что событие это не поддается объяснению, является уникальным и скорее всего в будущем не повторится.

Однако ровно через месяц оно повторилось, на сей раз цилиндр опустился около столицы. Совершая частые беспорядочные движения, он переместился на расстояние 820,331 мили от места приземления. Принесенный ущерб был огромен, он не поддавался никакому учету. Было унесено несколько тысяч жизней.

Спустя два месяца и один день колонна появилась снова, и на этот раз пострадали все три главных города.

Теперь всем стало ясно, что непонятое и, может быть, не поддающееся пониманию явление представляет угрозу не только для жизни каждого в отдельности, но и для всей цивилизации в целом, ставит на грань гибели весь народ.

Естественно, мысль о возможной трагедии наполнила души граждан отчаянием. Волна всеобщей истерии сменялась волной всеобщей апатии.

Четвертый удар был нанесен к востоку от столицы в пустынной местности. Ущерб оказался минимальным, но в народе поднялась паника, настоящая паника, в результате чего многие покончили жизнь самоубийством. Положение усугубилось до крайности. На помощь, наряду с истинными науками, были призваны псевдонауки. Рассматривались любые теории и предложения, кто бы их ни выдвигал — будь то биохимик, гадалка или звездочет. Хватались даже за явно бредовые идеи, особенно после того, как в одну кошмарную летнюю ночь красивый древний город Рас вместе с двумя пригородами подвергся полному уничтожению.

— Извините, — прервал его я. — Все это, безусловно, очень грустно, но я что-то не пойму, какой помощи вы ждете от меня.

— Я как раз собирался к этому перейти, — ответил голос.

— Тогда продолжайте, — разрешил я. — Только советую вам не очень тянуть резину, потому что я, кажется, скоро проснусь.

— Мою роль в этой истории объяснить довольно трудно, — продолжал Фрока. — По профессии я бухгалтер. Однако у меня есть ряд хобби — на досуге я щутки ради разрабатываю способы, которые расширяют возможности нашего мозга. Недавно я проводил эксперименты с одним химическим элементом, мы называем его «кола». Он обладает способностью вызывать глубокое просветление...

— У нас такие химикалии тоже имеются, — вставил я.

— Значит, вы меня понимаете! Так вот, во время путешествия — вам этот термин должен быть знаком, — находясь, так сказать, под воздействием

препарата, я вдруг увидел и понял... на меня снизошло откровение... Но это так трудно объяснить.

— Ничего, ничего, смелее, — поторопил я, — давайте самую суть.

— В общем, — произнес голос, — я понял, что мой мир существует на многих уровнях — на атомном, податомном, в вибрационных плоскостях, он имеет бесконечное множество уровней действительности, и все они являются составной частью других уровней существования.

— Мне это известно, — начиная нервничать, сказал я. — Недавно я выяснил, что все сказанное вами относится и к моему миру.

— Итак, — развивал свою мысль Фрока, — мне стало ясно, что один из наших уровней находится под внешним воздействием.

— А если конкретнее? — попросил я.

— В соответствии с моей гипотезой вмешательство происходит на молекулярном уровне.

— Поразительно! — воскликнул я. — И что же, вы смогли выявить природу этого вмешательства?

— Мне кажется, что да, — ответил голос. — Но у меня нет никаких доказательств. Все это чисто интуитивно.

— Я и сам верю в интуицию, — подбодрил я его. — Так что выкладывайте ваши соображения.

— Сейчас, — неуверенно произнес голос. — Одним словом, я пришел к выводу (чисто интуитивно), что мой мир — это микроскопический паразит на вашем теле.

— Выражайтесь, пожалуйста, яснее!

— Хорошо. Я обнаружил, что в одном из аспектов, в одной из плоскостей действительности, мой мир существует между костяшками указательного и среднего пальцев вашей левой руки. Он находится там вот уже несколько миллионов лет — по нашему летоисчислению. Разумеется, для вас это всего несколько минут. У меня нет никаких доказательств, и я, конечно, ни в чем вас не обвиняю...

— Ничего, ничего, — успокоил его я. — Значит, вы говорите, что ваш мир расположен между ко-

стяжками указательного и среднего пальцев левой руки? Прекрасно. И чем же я могу вам помочь?

— Видите ли, не знаю, верна ли моя догадка... Я предположил, что недавно вам потребовалось почесать руку как раз в зоне расположения моего мира.

— Почесать руку?

— Полагаю, что так.

— И вы считаете, что несущая разрушения и смерть огромная красноватая колонна — это один из моих пальцев?

— Именно.

— И вы хотите, чтобы я прекратил чесаться.

— Только около этого места, — торопливо произнес голос. — Мне ужасно неловко, что приходится обращаться к вам с такой просьбой, я делаю это лишь в надежде спасти свою цивилизацию от полного уничтожения. Прошу меня извинить...

— Не надо извиняться, — остановил я его. — Мыслящие существа ничего не должны стесняться.

— Спасибо вам на добром слове, — поблагодарил голос, — Ведь все-таки мы, нечеловекообразные паразиты, чего-то требовать от вас не вправе.

— Все мыслящие существа должны держаться вместе, помогать друг другу, — сказал я. — Вот вам слово чести, — никогда до конца дней моих я не буду чесать между костяшками большого и указательного пальцев левой руки.

— Указательного и среднего пальцев, — поправил он.

— Я вообще не буду чесать между костяшками пальцев левой руки! Торжественно клянусь вам в этом и обещаю, что пока я жив, слово не нарушу.

— Сэр, — взволнованно произнес голос, — вы спасли мой мир. Никакими словами не выразить степень моей благодарности. И все же скажу, что я безмерно вам благодарен.

— Ну что вы, что вы, не стоит, — сказал я.

Голос окончательно смолк, и я проснулся.

Вспомнив удивительный сон, я открыл аптечку и перебинтовал костяшки пальцев левой руки. Я уже хожу с бинтом целую неделю и, несмотря на позывы, не чешу левую руку и даже не мою ее.

В конце следующей недели я бинт сниму. Я прикинул, что по их летосчислению это обеспечит им полный покой на двадцать тридцать миллиардов лет, что вполне достаточно для любой цивилизации.

Но сейчас меня беспокоит другое. Дело в том, что недавно у меня возникло какое-то интуитивное чувство опасности. Причина — землетрясение в районе Сан Андреас Фолт, а также возобновившаяся вулканическая деятельность в центральной части Мексики. В общем, когда я эти события сопоставляю, меня охватывает настоящий страх.

Поэтому извините, что я врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. И помочь мне можете только вы — больше никто...

ОПЕКА

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фитсов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позывкало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла

Печатается по изд.: Шекли Р. Опека: В сб. Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. Пер. изд.: Sheckley R. Protection: Pilgrimage to Earth. New York, Bantam, 1957

Copyright © 1957 by Robert Sheckley

© 1966 Р. Галыперина, перевод на русский язык

на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею.

Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно взорвался на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш, — отвечал голос. — Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхполепчительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте, — прервал я его. — Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак понял бы, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чём он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось, — отвечал я, — если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О Господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернулся на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — сокрушился дерг. Какие условия? Пять монет и три ключа, позвякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае, не мне. С этой

сверхъественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смирительных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я.

— Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в

ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. —

Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз, — торжественно заявил дерг. — Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпотребительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, — это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. — И дерг умолк. А потом добавил негромко: — Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурить!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-Сити, — ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-Сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дно ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Бестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, — это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке, — опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-Сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-Сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — ответствовал старый упрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-Сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на день. И наконец его остережения в местном, на-

циональном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня! .

На Амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Централ-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы, — заявил он, по-видимому, слегка задетый. — А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открывая дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я раздельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: рости они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжение между тем нарастало — и это было не жужжение, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. — Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейлеры. И вам нужны средства против липпов, фигтов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об

этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня известить, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, — неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиттами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность, — сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое, — сказал дерг. — Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне делать?

— Не политурьте, — сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови. — Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит... — Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я. — Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фингам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, в другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как спал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой муты.

Попробую немножко спать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ЛОВУШКА

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажется. Я начинаю убеждаться, что толщина жгуттика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет, как из ведра, — констатировал он. — Закон природы.

Печатается по изд.: Шекли Р. Ловушка: В сб. Миры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. Пер. изд.: Sheckley R. The Trap: Pilgrimage to Earth. New York, Bantam, 1957

Copyright © 1957 by Robert Sheckley
© 1984 А. Санин, перевод на русский язык

— Сегодня может хорошо клевать форель, — заметил Дэйли.

— Это ее личное дело, — без особого восторга отозвался Турстон. — На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающие изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загоре-

лыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром, — охотно согласился Дэйли. — А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал. — Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешил отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно!* Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете точно соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица, — проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. — Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон. — У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился.

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким баражлом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек, — задумчиво пробормотал Дэйли. — А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, — цинично заверил Турстон. — Все

рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием кнопки один, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите кнопку два. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите кнопку три, отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расщепления и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в криклию спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением взирался на ловушку.

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно, — не раздумывая ответил Дэйли. — Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем, — не выдержал Турстон. — Яйца уже наверняка остывли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэммиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг. Сэммиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегль. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расщепления. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака, — отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосился:

— Бррр!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмара! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— *Его держать?*

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блестательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон. — Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да, — задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. — Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

— Фу, — поморщился Турстон, — и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча — тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По-соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто напоминающее змею с головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой — все это оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят, — пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны, — настаивал Турстон. — Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чём?

— О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

— Я деловой человек, — с достоинством ответил Турстон. — Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

— Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся.

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа, — назидательно произнес Дэйли, — уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли — Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами, — неожиданно размечтался Турстон. — Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм. — Турстон глубоко задумался. — Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке, — прервал его Дэйли. — Я думал об открытии галереи, — галерее Дэйли — Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были спокойнее, — заметил Турстон. — Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью, — решил Дэйли. — Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории:

«ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помещанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расщепления, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек, — робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно, — отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

Я тебя еле-еле слышу, Сэммиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку

переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой, — заговорила она, — тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу, — ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но, увы — я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

— Это Фрегль!

— Да, — подтвердил я, — славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку

жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэммиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? — Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного? — Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес:

— Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять, — осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том? Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, — вздохнул Турстон. — Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих осталопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, — пытался успокоить друга Турстон. — Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе, — угрюмо промолвил Турстон. — Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принял ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да нет же, успокойся, она на месте, — заверил Турстон. Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться Турстон. — Конечно, исчезла. Послушай, дружище, пропшвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает, — провозгласил он. — Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музеиным крысам нужны доказательства? Они меня обзывают лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону.

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэммиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в руинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэммиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэммиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

ВЫМОГАТЕЛЬ

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально циркнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопяттом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного ostrакизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во все услышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории Ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив «явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

Ферланг — четвертая по счету планета в системе на краю Галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол

Печатается по изд.: Шекли Р. Вымогатель: Мирры Роберта Шекли. М.: Мир, 1984. Пер. изд.: Sheckley R. *Suppliant in Space: The Robot Who Looked Like Me*. London, Sphere, 1978

Copyright © 1973 by Robert Sheckley
© 1984 В. Баканов, перевод на русский язык

судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неутомимная ло-поухая Уу — официально расторгли брак с ним Тор-жественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя пого-варивают, что Дерани — младшая — потом прошеп-тала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим уте-шиться. Очень скоро запасы энергии на углом су-денышке, брошенном в безбрежный океан простран-ства, истощились, и Детрингер, когда пришлось пе-рейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль кислородного го-лодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь без-жалостным блеском звезд. Не видя смысла расхо-довать скучные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать ре-зервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпла-нетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится. Время сковало его густым черным жеle. Существо слабое, лишившись привыч-ного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Ичору, ко-торый отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежности смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический стиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило но-выми бедствиями. Мощный штурм налетел на ко-раблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гони-мый штурмовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади, — сообщил он Ичору. — Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Тип О, — ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты — девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже штурм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальные курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной

цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Иchor был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав, — бодро ответил Детрингер. — Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Иchor скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо; агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Иchor своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку, опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Иchor пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его.

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радужном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Иchor подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным.

— В конце концов, — резонно заметил он, — даже раздобудь мы топливо, куда нам лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь, — заявил он.

— Хозяин, — почтительно заметил Иchor, — сие ересь.

— Вероятно, — беззаботно согласился Детрингер. — Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Иchor содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмиллан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмиллан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком космосе». Это да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмиллан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайно застенчив. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философе, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучались, и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. Как пова-шему? — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление, — сухо отозвался Макмиллан.

— Прекрасно, — заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. — Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом, — отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. — Я имею в виду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, — пожал плечами Макмиллан. — Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает, — с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный Нью-Йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным служебным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и тихасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженини Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжида, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть, — добавил Макмиллан. — Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман. — Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, — заявил Кеттельман. — Интересно, где остальные?

— Какие «остальные»?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля-космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обуславливает присутствия другого, — заметил капитан Макмиллан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, — наставительно сказал Кеттельман. — По тамошним правилам: где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия, — не согласился Макмиллан.

— Ну и что?

Макмиллан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Иchor, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас, — заметил Детрингер. — Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность, — отозвался Иchor. — То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили, — согласился Детрингер. — И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, — сказал Иchor. — Но как будете действовать вы на своем месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент, — вздохнул Иchor. — Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаяешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко? — поморщился Детрингер. — Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу.

— Мне кажется, Иchor, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден, — сказал Детрингер. — А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты, — уточнил Иchor.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лулеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палоч-

ку — вероятно, символ власти, — которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах, — решил Детрингер. — Пора выйти и встретить их с достоинством, присущим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана, не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехоньского инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть самые первые слова? Как бы в этот исторический момент не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, поглагаю?» Над вашими словами, банальными они кажутся или высокородными, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмиллан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в перевоящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил Бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай Бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. Чертова с два, уж я-то с ним первым не заговорю! — од-

нозначно решил он. Полковник замедлил шаг, расчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмиллан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно собирались уносить ноги. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан, — обратился Кеттельман к Макмиллану, — предлагаю для этого исторического момента спустить ... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея, — согласился Макмиллан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются «Дженни Линд», чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмиллану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Финикса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы совершили посадку на планете земного типа, — объявил Дельгадо, — но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

— Дело в том, — продолжал Дельгадо, — что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело, — сказала Милицент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда». — Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си-Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил, — ответил инженер Дельгадо. — Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать, — изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей, — что первый в истории человечества инопланетянин стоит столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов скватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания взял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два, три», — произнес Детрингер.

Все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории

будет выглядеть настоящим идиотом. Упмана, однако, никакого не беспокоило, как он будет выглядеть, — лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживаются, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, хобби, поговорить о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмиллан уже раскаивался, что пре-небрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже двинулся за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — узнать истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмиллан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были улажены, и Детрингер уединился с Макмилланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Иchor остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и

в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмилланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, они во многом сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмиллан не без удивления отметил, что инопланетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел совсем в ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будет подготовлено необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гм-м-м... — Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гм-м-м», — сказал переводящий компьютер С-31, — это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман. — «Гм-м-м» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник, — подтвердил Детрингер. — Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд»... — начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет, — возразил компьютер. — Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гм-м-м... — протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Так я и думал, — кивнул Детрингер. — Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений, — сказал Кеттельман. — У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

— Мы — мирный народ и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова, — вздохнул Кеттельман. — А где гарантии?

— Полковник, — возмутился Детрингер, — вы случайно слегка не... — Он запнулся в поисках подходящего слова. — ...tronулись?

— Он желает знать, — услужливо разъяснил С-31, — не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноту. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните, — зловеще предупредил он. — Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, нас уже след простынет, и они нишиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла, — сказал Детрингер, — не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник, — с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал, — признался Кеттельман. — Гм-м-м... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну ладно, — решил он наконец. — Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился рассказывать о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он в немалой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в

крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено, — сказал Детрингер Ичору. — Надо еще шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посылают по одной канистре? — поинтересовался Ичор. — Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем — увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты из жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присыдаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. — Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? — возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации... — начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить, — сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщать и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет... — наконец сказал он. — Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно верно, — кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него.

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец, — сказал Детрингер.

— Так точно, — подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник. — Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.

— Разумеется, — согласился Детрингер. — Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен, — мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим, — проговорил Кеттельман. — Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт, — заметил Детрингер, — но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гм-м-м, — хмыкнул Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерил шагами узкую каюту. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло, — произнес Детрингер. — Логика на моей стороне.

— Он прав насчет логики, — вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт, — не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите, — устало проговорил он, — я пришло топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею, — отозвался Кеттельман. — Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился:

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал, — сказал Детрингер. — Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали, — печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер взялся за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, — если, конечно, ему вообще удастся улететь.

...Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем — роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присыпали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженни Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью — Детрингеру сразу же предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по обе стороны которого замерли вооруженные солдаты. Строгое лицо выражало злорадство. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмиллан.

— Ну, Детрингер, — начал полковник, — что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо, — сказал ферлангец. — Но вижу, вы не собираетесь сдержать свое слово.

— Напротив, — возразил полковник. — Я самым серьезным образом собирался помочь предста-

вителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания — бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю, — сказал Детрингер. — Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга. — Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмиллан подался вперед и спросил:

— Иchor, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный. — Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отвели мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, — не выдержал робот-посудомойщик. — Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, — продолжал Ичор. — Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему такую операцию, — вставил робот-посудомойщик, — хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился, — сказал Ичор. — Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история, — обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем, — тихо произнес капитан Макмиллан. — Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия. Ичор кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно, — резюмировал Кеттельман. — Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник. — Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру. — Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет, — ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом, — сказал Макмиллан, — и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен, — произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное, — настаивал капитан Макмиллан. — Наши народы не находятся в состоянии войны. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, — сказал полковник. — Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, — при всем к вам уважении.

— Судить буду я, — отчеканил капитан Макмиллан. — Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагородно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно, — сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко удивился. Иchor в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!». Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо, — сказал Кеттельман. — Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам, — продолжал Макмиллан, — если использовать всех ваших людей, баки

корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи, — пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. — Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый, — констатировал Макмиллан. — Его желания не влияют на решение суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем, — подчеркнул Макмиллан. — Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле, — зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

...С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Иchor — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Иchor.

— К какому-нибудь новому чудесному миру, — ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно, — сказал Детрингер. — Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Иchor заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмиллана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять за себя, — отозвался Детрингер.

...Там, на Земле, решение капитана Макмиллана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт

между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано через чур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда.

— Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача — общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос — кем бы он ни был, этот космический гость, — наверняка догадывается, что Мортонсон — простой американец, понятия не имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо скорее всего проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае — человечеству, представителем которого случайно выступает Мортонсон, хоть плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу «Главное

Печатается по изд.: Шекли Р. О высоких материалах: Вокруг света, 1983, № 10

в жизни — это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!» И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: «Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?» Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: вопросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

— Ну как там у тебя идут дела? — поинтересовался Голос.

— Да вот работаю над вашей задачкой, — доложил Мортонсон. — Вопросик-то трудный.

— Это уж точно, — поддержал Голос.

Ну, что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни — Его Величество Случай. Главное в жизни — хаос вперемешку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни — птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни — это когда материя проявляет любознательность (чьи это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни — то, что тебе вздумалось считать главным.

— Почти расщелкал, — обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватавшись только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу — пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

«Желтогорлый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несамостоятельность».

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тыфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни — сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

— Главное в жизни — воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

— Э-э, угадал я или нет?

— Восплеменение, — пророкотал возвышенный и могущественный Глас. — Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни — огонь! Подходит!

— Я и имел в виду огонь, — вывернулся Мортонсон.

— Ты меня действительно выручил, — заверил Голос. — Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного Гласа и от высоких материй.

Содержание

Выбор, роман. Пер. Г. Бланкова	5
Заметки по восприятию воображаемых различий	
Заметки по восприятию воображаемых различий. Пер. В. Баканова	191
Записки о Лангранаке. Пер. В. Баканова	197
Па-де-труа шеф-повара, официанта и клиента. Пер. В. Баканова	202
Через пищевод и в космос с тантрой, мантрой и крапчатыми колесами. Пер. М. Черняева	216
Лабиринт Редферна. Пер. Е. Дрозда	226
Регулярность кормления. Пер. А. Мельникова	231
Игра: вариант по первой схеме. Пер. М. Черняева	231
Триплексия Пер. А. Волнова	237
Заказ. Пер. М. Черняева	243
Тепло. Пер. И. Зивьевой	251
Из луковицы в морковь. Пер. В. Баканова	264
Предел желаний	
Предел желаний. Пер. В. Баканова	281
Кое-что задаром. Пер. Т. Озерской	291
Вор во времени. Пер. Б. Клюевой	307
Где не ступала нога человека. Пер. Н. Евдокимовой	332
Тело. Пер. В. Буки	349
«Извините, что врываюсь в ваш сон...»	
Пер. М. Заготы	354
Опека. Пер. Р. Гальпериной	360
Ловушка. Пер. А. Санина	374
Вымогатель. Пер. В. Баканова	387
О высоких материях. Пер. Н. Евдокимовой	412

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга пятая

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы А. Александрова, М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Н. Дундина, И. Лаздина, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление: Л. Булыкина, А. Бибанаев

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.06.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.

Печать высокая Усл.печ л. 17,64. Усл кр.отт. 19,11

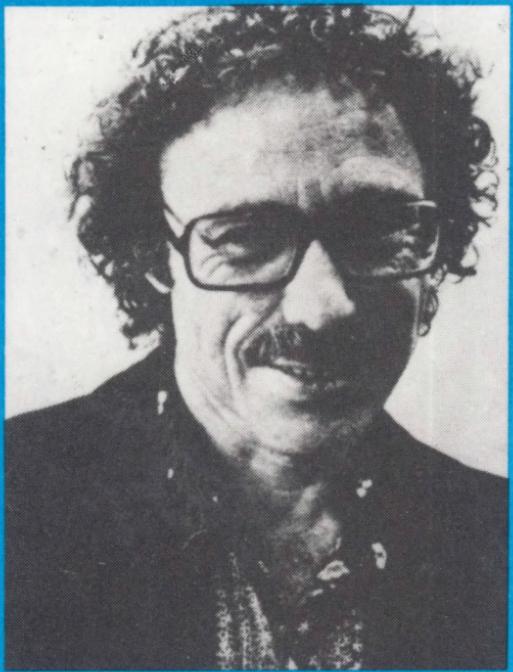
Уч.-изд. л 21,84. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-193.

**Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV 1039, Рига, а/я 22.**

**«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.**

**Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.**

ВЫБОР
РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994